

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№2 (АПРЕЛЬ — ИЮНЬ) 2024

Издаётся с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Горлова И. И., Костина Н.А.** Научно-методические основы культурной политики в системе современного российского образования.....4
- Путрик Ю. С., Соловьев А. П.** К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета Российской Федерации.....14
- Пархоменко Т. А.** Проблема культурно-исторической памяти и мест памяти в отечественной и зарубежной историографии.....20

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Серегина Н. С.** У истоков русской гимнографической поэзии: неизвестный кондак святой Варваре.....27
- Шукшин С. И., Кравец И. В.** Религиозная и антирелигиозная пропаганда в отечественной периодике: историческая ретроспектива по материалам путеводителя РНБ «газеты в сети и вне её».....32

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

- Гамалей С. Ю.** Спектакль «Рувн Бурлес» в постановке Биробиджанского государственного еврейского театра им. Л. Кагановича.....39
- Говар Н. А.** Новые формы популяризации фортепианной музыки: от традиционных концертов к концептуальным программам и мини-фильмам45

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

- Саяпарова Е. В.** Деятельность музеев города Иркутска в XIX-начале XX в. (по материалам периодической печати)51
- Краснова И. В.** О происхождении «икон чистого украинского типа киевской иконописи» на Слобожанщине58
- Анисимова А. А., Третьякова А. Е.** Значение тряпичной бумаги как материала историко-культурного наследия.68

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

- Албанов И. А.** Культурологический подход к изучению хорового искусства Кубани74
- Верещагина К. С.** Методы актуализации песенного фольклора на примере Приморского края.....80

РОССИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Серебряков П. П. Деятельность Русского археологического института
в Константинополе по материалам его отчетов за 1894-1910 гг.87

РЕЦЕНЗИИ И ЭКСПЕРТИЗЫ

Панкова Н. Рецензия на «Словарь основных терминов,
относящихся к сфере государственной политики
по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей,
культуры и исторической памяти»95

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. Л. Кучмаева — д. филос. н., доктор философских наук, профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей **Олег Колмаков** — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **Е. Д. Дерябина**, кандидат культурологии, доцент, руководитель отдела аспирантуры Института Наследия;

Заместитель главного редактора — **Л.Н. Михеева**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин РГСАИ, Заслуженный работник культуры Российской Федерации;

Художественный редактор — **Ю.А. Бревнова**, кандидат культурологии, доцент, член Союза профессиональных художников России;

Редактор по общественным связям — **А.С. Калашников**, член Союза театральных деятелей России;

Б. Б. Акимов — профессор, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при Московском государственном академическом театре танца «Гжель»;

Т. Г. Богатырёва — доктор культурологии, профессор ИБДА РАНХиГС, эксперт института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС;

Л. Н. Дорогова — доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы России;

А. Б. Ефимов — доктор физико-математических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России, заведующий кафедрой миссиологии Богословского факультета Православного Свято-Тихвинского гуманитарного университета;

В. Н. Катасонов — доктор философских наук, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия;

Е. А. Киричок — доктор социологических наук, SAM Schneider ElectricV1;

О.В. Кучмаева — доктор экономических наук, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Г. У. Лукина — доктор искусствоведения, кандидат философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания;

Е. А. Минаев — доктор искусствоведения;

А. В. Окороков — доктор исторических наук, Заместитель директора по научной работе Института Наследия;

М. Ю. Парамонова — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН;

Ю. С. Путрик — доктор исторических наук, кандидат географических наук, руководитель Центра социокультурных и туристских программ Института Наследия;

Ю. В. Рубцов — доктор исторических наук, профессор Военного университета Министерства обороны Российской Федерации;

В. И. Уральская — кандидат философских наук, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, главный редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — доктор педагогических наук, заведующий кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Ю. М. Чурко — доктор искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь);

А. В. Рачинский — доктор истории, Институт Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна, Париж.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

RAR
УДК 008
ББК 71.4

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Горлова Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
директор Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063,
ii.gorlova@gmail.com

Костина Наталья Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
ул. Красная, 28, г. Краснодар, 350063,
kostnat72@mail.ru

4

Аннотация

Статья посвящена проблемным вопросам реализации государственной культурной политики в области образования и исторического просвещения. В соответствии с «Основами государственной политики Российской Федерации в области исторического про-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени

свещения», утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314 рассматриваются и анализируются актуальные современные проблемы системы российского образования на разных ее уровнях, определяется роль культуры в сохранении и воспроизводстве традиционных цивилизационных ценностей поликультурной российской цивилизации и многонациональной российской культуры, опирающейся на отрефлексированный в процессе длительного совместного исторического развития населяющих Российскую Федерацию народов опыт. Обращено внимание на существующие в этой системе противоречия, которые вызваны непроработанностью ряда аспектов, учитывающих специфику развития системы российского образования и исторического просвещения. Проанализированы эндогенные и экзогенные факторы осуществления государственной культурной политики в процессе внедрения и реализации многоуровневых разнопрофильных образовательных программ в области дополнительного образования, позволяющих реализовать цели и задачи ранней профилизации обучающихся, начиная с уровня средних классов школы.

Ключевые слова

Государственная культурная политика, система многоуровневого образования, творческие индустрии, цифровизация творческих индустрий.

Современная государственная культурная политика в системе современного российского образования и исторического просвещения основывается на положениях «Стратегии государственной культурной политики до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 326-р от 29 февраля 2016 года, «Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 2613-р от 20 сентября 2021 г., «Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденных Указом Президента Российской Федерации №14 от 8 мая 2024 г. Стратегические вопросы реализации государственной культурной политики, в том числе и в системе образования, были затронуты в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию: обращено внимание на значимость расширения поддержки развития образовательных ресурсов творческих индустрий в рамках совершенствования отечественного человеческого капитала¹.

Эндогенными факторами ориентации государственной культурной политики на всестороннее развитие в современном российском образовании исторически сложившихся, отреф-

лексированных в рамках опыта сосуществования многосоставного полиэтнического российского общества аксиологических оснований российской цивилизации являются: необходимость всестороннего совершенствования духовной культуры современной российской молодежи, формирование и становление человеческого капитала как важнейшего ресурса успешного поступательного развития общества и государства, значимость формирования и укрепления социально-культурной цивилизационной и гражданско-государственной идентичности как фундамента единства российского общества. Государственная культурная политика в сфере образования призвана способствовать развитию социальной и творческой активности граждан, формированию культуры участия как в сфере волонтерского движения, так и в области обустройства мест проживания, деятельного участия в разработке и реализации региональной государственной культурной политики, продуктивной активности в сохранении и прумножении природного и культурного наследия, поддержании и ретрансляции исторической памяти. Знание истории и культуры своей страны, народов Российской Федерации, понимание их исторического вклада в обустройство различных сфер жизни общества должны лежать в основе ответов на современные социальные вызовы времени. Реализация государственной культурной политики в системе образования является непременным условием сплочения российского общества, одной из форм противостояния попыткам дезинтеграции России, подмены традиционных

1 Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 29.02.2024).

культурных ценностей ценностями западного общества.

Обратимся в этой связи к экзогенным факторам. Как утверждал в своей книге «Великая шахматная доска» З. Бжезинский, в 1980-е годы отношение к Америке было как к эталону культуры будущего, в то же время российская культура воспринималась как изолированная от западно-европейской². Политика отмены российской культуры со стороны стран западной цивилизации, прежде всего в сфере массовой культуры, активно влияющей на широкие слои населения, предопределяет необходимость внимательного отношения к развитию сферы культурных индустрий. Массовая культура во многом опиралась на воспроизведение западных культурных моделей, имеющих аксиологические основания в базовых ценностях западной цивилизации, что предопределялось трансформацией российской массовой культуры в условиях приоритетности в ней рыночных отношений. Современная геокультурная ситуация требует существенного совершенствования профессионального образования в сфере культуры и искусств, развития подготовки специалистов на основании адаптации традиционных ценностей российской цивилизации к современным культурным формам, прежде всего в области культурных индустрий.

Рассмотрим существующие проблемы как системные элементы образовательного процесса профессиональной подготовки в сфере творческих профессий в области культуры и искусств. Система образования реализует три основных функции — сохранения культурного наследия; совершенствования культуры в соответствии с требованиями поступательного развития общества и с учетом эволюции мировой геокультурной системы; воспитания и социализации молодого поколения³. При этом надежды на формирование единого европейского образовательного пространства как альтернативы американскому на основе Болонской системы вместе с изменением геокультурной ситуации закономерно не оправдались, потому что требовали отказа от аксиологических оснований российской цивилизации

в пользу абстрактных западно-ориентированных общеевропейских ценностей. Антропоцентричность системы российского образования в сфере культуры и искусств ориентирована на всестороннее совершенствование личности обучающегося, формирование и реализацию его творческого потенциала в условиях динамичного развития культуры, внедрения новейших цифровых технологий, возможностей трансграничных кросс-культурных контактов с различными мировыми культурами в конкурентном пространстве геокультурной миросистемы, о которой писал И. Валлерстайн⁴.

Очевидно, что формы западной массовой культуры, которая доминирует в современном общественном социально-коммуникативном пространстве, несут в себе аксиологические нормы и модели социокультурных практик западной цивилизации, ориентированные на мировое господство и подавление иных культурных форм. Современная государственная культурная политика России в области образования в сфере культуры и искусств направлена на сохранение и развитие традиционных ценностей российской цивилизации, на поддержку различных форм образования в сфере творческих индустрий и традиционного народного искусства, на проведение научных исследований в области творческих индустрий и традиционной культуры, которая является одним из важных коммуникативных каналов ретрансляции исторической памяти, актуализации культурного наследия, формирования гражданско-государственной социокультурной идентичности⁵.

В середине десятилетия нынешнего столетия проблемы развития профильного образования в области реализации государственной политики в сфере культуры и искусств активно обсуждались в научной литературе. Достаточ-

2 Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2018.

3 Эмих Н. А. Культурная парадигма современного российского образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2006.

4 Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.

5 См.: Зеленцова Е. В. Творческие индустрии: теории и практики. М., 2021; Концепция художественного образования в Российской Федерации. URL: <https://bazanpa.ru/minkultury-rossii-prikaz-n1403-ot28122001-h1276417/?ysclid=lsrahlghg6600842326/> (дата обращения: 18.02.2024); Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М., 2023.

но назвать работы О. В. Бакиной⁶, В. С. Лузана⁷, В. Д. Пономарева и А. В. Шункова⁸, И. В. Хриптулова⁹ и др.

В статье В. И. Колношенко и О. В. Колношенко, посвященной проблемам государственной культурной политики в сфере профессионального образования, в качестве основных задач выделяются: «приоритетное развитие гуманитарных наук», проведение фундаментальных и прикладных научных разработок, повышение качества подготовки научно-педагогических кадров¹⁰. Фактически поднимаются общие вопросы государственной культурной политики в сфере творческого профессионального образования, но не дают на них ответы. Между тем именно стратегические цели и задачи, пути их решения, аксиологические основания, социальные технологии планирования, государственного регулирования и возможные ресурсы для достижения этих целей являются важнейшими системными элементами в процессе реализации основ государственной культурной политики.

Насущными задачами реализации государственной культурной политики в сфере образования являются:

1) углубление общегуманитарной подготовки как важнейшей основы становления и развития

человеческого капитала, начиная от исторической памяти, опирающейся на культурное наследие и несущей исторически сформировавшиеся цивилизационные духовные скрепы нормативно-ценностных ориентаций российского общества, и заканчивая современными культурными формами, которые в противном случае будут полем ментального влияния современной западной массовой культуры;

2) усиление внимания к освоению в образовательном процессе мирового опыта развития культуры и последствий кросс-культурных взаимовлияний с учетом общемировых тенденций развития, что уже реализуется в государственной культурной политике в сфере образования при создании креативных классов и многообразия форматов творческих индустрий в сфере массовой культуры (например, организация в рамках государственной программы «Развитие культуры» школ креативных индустрий для учащихся 5–11 классов, в студиях которых ведется обучение основам проектно-креативной деятельности и реализуется разработка творческих проектов по направлениям: звукорежиссура, современная электронная музыка, фото- и видеопроизводство, анимация и 3D-графика, дизайн, интерактивные цифровые технологии VR и AR¹¹). Эту тенденцию наглядно демонстрирует и актуализация роли библиотек в качестве опорных центров инновационного творчества, что выразилось в создании модельных библиотек как современных локаций креативной деятельности¹², как важнейших показателей развития сферы государственного регулирования культуры современного общества. Значимым фактором формирования современного креативного человеческого капитала является и трансформация современных музеев в социально-коммуникативные и креативные пространства, которые являются не только центрами организации и проведения познавательного-образовательного

6 Бакина О. В. Дополнительное образование как основной ресурс развития сферы культуры // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 230–237. URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-230-237/> (дата обращения: 27.02.2024).

7 Лузан В. С. Роль профильного образования в сфере культуры и искусства в реализации государственной культурной политики // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 15. С. 1011–1015. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96117.htm> / (дата обращения: 27.02.2024).

8 Пономарев В. Д., Шунков А. В. Социально-культурная деятельность: государственная культурная политика и качество профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37. С. 175–184.

9 Хриптулов И. В. Проблемы развития образования в сфере культуры и искусства // Образовательные технологии. 2017. № 2. С. 25–29. URL: <https://iedtech.ru/journal/2017/2/> (дата обращения: 27.02.2024).

10 Колношенко В. И., Колношенко О. В. Современная государственная культурная политика России и пути ее реализации в сфере профессионального образования // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 43–50.

11 Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. № 2441 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие культуры”». URL: <http://static.government.ru/media/files/y8axUmxi2chbACR1wdp3B0Vu8Z5b3pAd.pdf> / (дата обращения: 05.03.2024).

12 Лаврова К. Б. Модельная библиотека как инструмент развития креативной экономики. URL: <https://ecology.gpntb.ru/uploads/file/Materials/Reports%202022/Lavrova.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

ного дополнительного образования, но и территорией организации современных форм досуга, праздников, культурно-познавательного туризма, организации волонтерской деятельности в сфере культуры¹³. Эти позитивные тенденции делают культурные институции мощнейшим ресурсом развития современного российского общества, что уже проявляется в развитии креативных кластеров в городах, превращающихся в «функциональные пространства, где можно работать, общаться, обсуждать, творить и создавать, одному или в коллективе», то есть возникают центры развития креативных кадров и перспективных идей, позволяющие формировать креативную интеллектуальную среду современного российского общества¹⁴;

3) расширение спектра подготовки в сфере творческих (креативных) индустрий в области профильного среднего профессионального и высшего профессионального образования современных специалистов, которые могут внести существенный вклад в формирование современной российской массовой культуры как основной формы усвоения базовых ценностей российской цивилизации, отфильтрованных и отрефлексированных широкими слоями российского многонационального населения, объединенного общей исторической судьбой.

Подготовка профессиональных кадров современных творческих (креативных) индустрий является важнейшей задачей в геокультурном конкурентном противостоянии российской и западной цивилизаций. Влияние массовой культуры в современных форматах на целевые многочисленные аудитории представляется важнейшим фронтом всемирной борьбы за новый геокультурный миропорядок, в котором кросс-культурные взаимосвязи и взаимодействия происходят при неизменном сохранении культурного суверенитета, опирающегося на национальные нормативно-ценностные

регулятивы, национальную историческую память и исторически сложившиеся этнокультурные формы и модели кросс-культурной адаптации. Российское общество и работники сферы культуры, ответственные за концептуальную разработку государственной культурной политики, достаточно долго, в рамках общего стремления к формированию единого европейского культурного и образовательного пространства, не обращали внимания на те аксиологические ориентации, которые годами создавали потребительское общество в странах западной цивилизации.

Между тем именно с использованием так называемой Болонской системы и массовой культуры шоу- и медиапродукты в виде приобретенных на Западе форматов наводнили российские телевизионные каналы, обращенные к массовому российскому телезрителю, создавая притягательную для обывателей картину жизни в обществе «цивилизованного райского сада». Не лишне напомнить, что попытки завоевать благожелательное отношение российского общества к культуре наполеоновской Франции накануне русско-французской войны 1812–1814 гг., столь красочно описанные Л. Н. Толстым в первом томе эпопеи «Война мир», раскрывали намерения Франции привить французскую культуру правящим российским сословиям с целью ослабить сопротивление российскому обществу в надвигающейся войне.

Как представляется, к наиболее животрепещущим проблемам государственной культурной политики в области образования в сфере культуры и искусств относятся:

1) Общегуманитарная подготовка будущих специалистов, направленная на формирование и развитие индивидуального человеческого капитала как базового условия самоидентификации человека в системе социокультурной и гражданско-государственной идентичности¹⁵, в противном случае человек испытывает затруднения с самоопределением и выбором аксиологических оснований своей деятельности. Например, в то время как в российской цивилизационной социокультурной традиции работник культуры или искусства определяет свою деятельность как общественное служение, в за-

13 Рыжкова О. А. Музей в эпоху цифровой трансформации: от технологии к аудитории // Вестник Воронежского государственного университета. 2023. № 1. С. 130–136. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2023/01/2023-01-30.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

14 Забегаева И. Креативная индустрия 2023. URL: <http://www.step-by-step.ru/publications/Kreativnaya-industria-2023.pdf?ysclid=lte4bes2if46648037/> (дата обращения: 05.03.2024).

15 Концепция художественного образования в Российской Федерации. URL: <https://bazanpa.ru/minkultury-rossii-prikaz-n1403-ot28122001-h1276417/?ysclid=lsrahlg hg6600842326/> (дата обращения: 18.02.2024).

падной цивилизационной системе ценностей эта сфера общественно значимой деятельности ориентирована на потребительскую культуру массовых целевых аудиторий и коммерческий успех. Как отмечал выдающийся русский философ Н. А. Бердяев, «творческий труд есть достояние меньшей части человечества и предполагает особые дары... Ибо всякий дар, дающий человеку более высокое иерархическое положение, есть служение и возлагает бремя ответственности, предполагает духовные борения и духовные мучения, которых не знает человек, лишенный этого дара. Это знают все подлинные творцы»¹⁶. А американские культурологи Э. Хокинс и Д. Тросби рассматривали творческую деятельность в сфере культуры как приносящую экономические и культурные блага, подчинив ее рыночным механизмам. По их мнению, чтобы творчество приносило деньги, оно должно быть оформлено, воплощено в продаваемом продукте; продукт, в свою очередь, требует рыночного пространства с активными продавцами и покупателями¹⁷. Однако, как показал исторический опыт внедрения рыночных механизмов в сферу государственной культурной политики, продуктивное калькирование отечественными специалистами западных моделей развития творческих индустрий без понимания как латентного, так и выраженного государственного регулирования и финансирования в сфере культуры, как, впрочем, и в любой другой сфере социально-экономической деятельности общества, невозможно. Подтверждением этому может служить, например, опыт «оптимизации» сети клубно-библиотечных учреждений в России в постсоветский период, что едва не привело к утере культурного суверенитета.

2) Высокая степень инерционности как в области социодинамики культуры, так и в области реализации государственной культурной политики в сфере культуры и искусств. Образовательные учреждения запаздывают с разработкой современных направлений подготовки и обновлением содержания уже существующих с учетом всесто-

ронного развития общества, например цифровизации социокультурной жизни.

3) Слабая вовлеченность работодателей в процесс реальной подготовки кадров для учреждений и предприятий социокультурной сферы, вследствие чего в адрес образовательных учреждений высказываются упреки в недостаточной подготовке выпускников. Появившиеся в 2024 г. возможности регистрации на договорной основе студентов-практикантов, руководителей практик от принимающих организаций на интернет-платформе «Работа в России» актуализировали проблему поиска баз практик для тех направлений и профилей подготовки, для которых требуются индивидуальные места прохождения практик, зачастую в негосударственных учреждениях, у индивидуальных предпринимателей (особенно в сфере культурных индустрий и арт-бизнеса). Требования, предъявляемые к организациям — базам практик, начиная с принадлежности к государственным или муниципальным организациям до предоставления пакета разрешительных документов, отпугивают потенциальных работодателей от заключения договоров с учебными заведениями на организацию и проведение учебных и производственных практик. В результате многие студенты современных профилей подготовки вынуждены присоединяться к непрофильным группам практикантов, что снижает в итоге их уровень как специалистов в областях профессиональной деятельности, наиболее нуждающихся в креативных молодых кадрах.

4) В современных условиях, когда стоимость качественного образования на договорной основе вызывает необходимость частичной занятости студентов очной формы обучения, и при этом отмечается нежелание многих работодателей, особенно в непрофильных для культуры сферах деятельности, предоставлять студентам-заочникам положенные им учебные отпуска на время сессий, вопрос частичного восполнения стоимости получения образования в области творческих (креативных) профессий остается нерешенным.

5) Расплывчатые представления части педагогов и большей части обучающихся о содержании будущей трудовой деятельности, о расширении и изменении функций учреждений, организаций и предприятий культурно-творческой направленности и об использовании в их деятельности современных цифровых решений, о возможностях создания частных продюсер-

16 Бердяев Н. О назначении человека. URL: http://www.krotov.info/berdyayev/1931/O_nazn/nazn09.html/ (дата обращения: 27.02.2024).

17 Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М., 2011. С. 36; Тросби Д. Экономика и культура. М., 2018. С. 152–153.

ских, исполнительских, рекламных и других предприятий в области современных творческих (креативных) индустрий (хотя в вузах культуры и возникли, успешно действуют центры прототипирования, помогающие обучающимся в разработке и реализации творческих (креативных) проектов) приводят к ограничениям в возможности организации и проведения учебной, производственной и преддипломной практик студентов в различных нетрадиционных форматах — интернет-проектах, индивидуальной занятости продюсированием, виртуальных музеях и т. п.

б) Спорадическая деятельность образовательных в сфере культуры и искусств учреждений как центров культурной жизни местных сообществ оказывается востребованной, но все же не вполне эффективной.

Перечисленные выше проблемы позволяют вести речь о создании на базе образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования в сфере культуры многопрофильных культурных центров. В условиях развития современных городских поселений такие многопрофильные культурные центры с многоуровневой системой предпрофессиональной и профессиональной подготовки могли бы играть тройственную роль.

Во-первых, как центры притяжения населения местных сообществ, выполняя организационную и мобилизующе-мотивирующую роль в сплочении населения города и района расположения образовательного учреждения, в установлении прочных связей с органами государственного управления и местного самоуправления, местными средствами массовой информации, как кластеры творческих индустрий, в которых концентрируются творчески одаренные люди — дети, молодежь и взрослые, организуются досуговые и праздничные мероприятия, творческие выставки и ярмарки. Это позволило бы реализовать социально ориентированные задачи государственной культурной политики на местах. Кроме всего прочего такая ориентация позволила бы успешно отбирать талантливую молодежь для обучения по образовательным программам различных уровней, давала бы родителям будущих абитуриентов информацию об актуальных творческих профессиях, о цифровых технологиях в различных сферах культуры, о многообразии культурных форм и возможностях получения образования в этих областях социокультурной деятельности.

Во-вторых, как центры непрерывного образования, современного просветительства и культурно-массовой работы с населением.

В-третьих, как центры инновационного социально-культурного моделирования, развития нестандартных креативных решений, как центры помощи и консультаций по внедрению инноваций.

На основании креативных моделей организации социокультурной деятельности в различных областях культурных индустрий с использованием технологий социального конструирования в современных учебных заведениях существует возможность творческого поиска инновационных моделей организации учебного процесса, создания экспериментальных программ креативного образования в культуре и искусстве, в которых нуждаются сегодня образовательные учреждения различных уровней и типов. Это, конечно, не означает разрыв с эффективными, подтвержденными научно-педагогическим опытом образовательными технологиями, но дает возможность их адаптации к современным изменениям в творческой сфере с учетом социокультурной динамики образовательной среды.

Все это позволяет предложить следующие решения для образовательных учреждений, позволяющие активизировать деятельность, направленную на реализацию целей и задач государственной культурной политики.

Во-первых, усиление связи образовательного процесса с практикой, создание условий для сопряжения фундаментальных теоретических знаний с прикладными компетенциями, их отработки на практике не только в формате общественно значимых периодически проводимых мероприятий, но и в формате постоянной реальной практической деятельности.

Во-вторых, содержательное наполнение профессионального образования аксиологическими смыслами, исторически сложившимися и отрефлексируемыми в процессе социокультурной динамики российской цивилизации, не только в теоретических знаниях, но и в практике реальной профессиональной деятельности по профилю подготовки. Это позволило бы на качественно ином уровне решать задачи просветительской направленности современной российской культуры в рамках патриотического воспитания учащейся молодежи и массовых зрительских целевых аудиторий, повышая качество профессиональной под-

готовки обучающихся в учебных заведениях сферы культуры и искусств, а самим учебным заведениям обрести статус значимых просветительно-воспитательных общественных социальных институтов.

Названные решения можно успешно реализовать в рамках совершенствования образовательного процесса и, в целом, функционирования учебных заведений среднего и высшего профессионального образования в сфере культуры и искусств.

Практико-ориентированная образовательная деятельность позволила бы развивать учебную и научно-исследовательскую деятельность как студентов, так и педагогов на конкретном практическом материале, получаемом непосредственно в ходе творческих «производственных» процессов, опираясь на систему устойчивых и проверяемых репрезентативных фактов.

Практико-ориентированная проектная организация учебного процесса позволила бы всесторонне развивать различные области дополнительного образования, в рамках которого можно было организовывать учебные практики, повышение квалификации педагогов различных уровней образования, апробировать и отрабатывать инновационные технологические, организационные и управленческие решения, которые могли бы превратиться в успешные грантовые проекты и молодежные стартапы.

Формирование дополнительного источника поступления финансовых ресурсов в средние и высшие профессиональные образовательные учреждения сферы культуры и искусств способствовало бы решению вопросов возмещения затрат на профессиональное обучение, осуществляемое на договорной основе, частично решало бы вопросы материального обеспечения студентов и преподавательского состава. Обучающиеся перестали бы работать в непрофильных сферах студенческой трудовой занятости в качестве официантов, продавцов салонов мобильной связи, курьеров и т. п. При этом студенты приобретали бы необходимый к окончанию учебного заведения трудовой стаж в соответствии с профилем профессиональной подготовки.

Подобная системная организация учебного процесса позволила бы успешно разрабатывать и реализовывать грантовые и конкурсные проекты с реальными социально значимыми результатами, апробировать различные формы культурного участия в них преподавателей

и студентов, развивало бы креативную активность участников в области культурно-творческой активности.

Решение обозначенных проблем в сфере творческой образовательной деятельности способствовало бы формированию имиджа учебных заведений и персонального имиджа участников такого рода деятельности, что стало бы значимым и для привлечения талантливых абитуриентов, и для позиционирования учебного заведения в местном сообществе как одного из центров культурной жизни, способствовало расширению резюме обучающихся, содействовало подготовке практико-ориентированных курсовых проектов и выпускных квалификационных работ, развитию научно-методического обеспечения и поддержке образовательного процесса на реальных материалах профессиональной творческой деятельности.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 29.02.2024).
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2018.
3. Эмих Н. А. Культурная парадигма современного российского образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2006.
4. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.
5. Зеленцова Е. В. Творческие индустрии: теория и практики. М., 2021.
6. Концепция художественного образования в Российской Федерации. URL: <https://bazanpa.ru/minkultury-rossii-prikaz-n1403-ot28122001-h1276417/?ysclid=lsrahlghg6600842326/> (дата обращения: 18.02.2024).
7. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М., 2023.
8. Бакина О. В. Дополнительное образование как основной ресурс развития сферы культуры // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 230–237. URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2018-15-2-230-237/> (дата обращения: 27.02.2024).
9. Лузан В. С. Роль профильного образования в сфере культуры и искусства в реализации государственной культурной политики // Концепт: научно-методический электронный жур-

нал. 2016. Т. 15. С. 1011–1015. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96117.htm> / (дата обращения: 27.02.2024).

10. Пономарев В. Д., Шунков А. В. Социально-культурная деятельность: государственная культурная политика и качество профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37. С. 175–184.

11. Хриптулов И. В. Проблемы развития образования в сфере культуры и искусства // Образовательные технологии. 2017. № 2. С. 25–29. URL: <https://iedtech.ru/journal/2017/2/> (дата обращения: 27.02.2024).

12. Колношенко В. И., Колношенко О. В. Современная государственная культурная политика России и пути ее реализации в сфере профессионального образования // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 43–50.

13. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. № 2441 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие культуры”». URL: <http://static.government.ru/media/files/y8axU>

mxi2chbACR1wdp3B0Vu8Z5b3pAd.pdf / (дата обращения: 05.03.2024).

14. Лаврова К. Б. Модельная библиотека как инструмент развития креативной экономики. URL: <https://ecology.gpntb.ru/uploads/file/Materials/Reports%202022/Lavrova.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

15. Рыжкова О. А. Музей в эпоху цифровой трансформации: от технологии к аудитории // Вестник Воронежского государственного университета. 2023. № 1. С. 130–136. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyllolog/2023/01/2023-01-30.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

16. Забегаева И. Креативная индустрия 2023. URL: <http://www.step-by-step.ru/publications/Kreativnaya-industria-2023.pdf?ysclid=lte4bes2if46648037/> (дата обращения: 05.03.2024).

17. Бердяев Н. О назначении человека. URL: http://www.krotov.info/berdyaev/1931/O_nazn/nazn09.html/ (дата обращения: 27.02.2024).

18. Хокинс Д. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М., 2011. С. 36.

19. Тросби Д. Экономика и культура. М., 2018. С. 152–153.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CULTURAL POLICY IN THE SYSTEM OF MODERN RUSSIAN EDUCATION*

Gorlova Irina Ivanovna,

DSc in Philosophy, Prof., Director, Southern Branch,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Krasnaya st., 28, Krasnodar, Russia, 350063,
ii.gorlova@gmail.com

Kostina Natalya Anatolevna,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher Department of Complex Problems of Cultural Studies
Southern Branch of the Russian Research Institute
cultural and natural heritage named after D. S. Likhachev,
st. Krasnaya, 28, Krasnodar, 350063,
kostnat72@mail.ru

* This article was prepared as part of the state assignment by Southern Branch of the Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, research theme “Scientific and Methodological Foundations of Cultural Policy in the System of Modern Russian Education”, № 124012800529–8

Abstract

The paper is devoted to the problematic issues of the implementation of the state cultural policy in the field of education. The current modern problems of the Russian education system at its various levels are considered and analyzed. The role of culture in the preservation and reproduction of traditional civilizational values of multicultural and multinational Russian civilization, based on the experience of long-term joint historical development of the peoples of Russia, is determined. Attention is drawn to the contradictions existing in this system. They are caused by the lack of elaboration of a number of aspects that take into account the specifics of the Russian education system development. The endogenous and exogenous factors of the implementation of the state cultural policy in the process of introduction and implementation of multilevel multi-profile educational programs in the field of additional education are analyzed. These programme allows to realize the goals and objectives of early profiling of students, starting from the level of the school secondary classes. Within the framework of the state cultural policy, the Government of the Russian Federation is taking a number of measures. They are aimed at developing creativity both in the field of modern culture and in the field of education. In the field of culture, creative locations are being developed on the basis of model libraries and museums, and creative clusters are being formed that create a synergistic effect in the field of collaborations within the framework of the development of creative industries. In the field of education, creative classes are being created in secondary and senior secondary schools. They focus on the development of specialized project activities in the creative industries. Professional orientation and profiling are analogous to the art education system. They are implemented within the framework of a step-by-step educational trajectory of students, allowing them to maintain and strengthen continuity in the assimilation of specialized professional competencies. This opens up the possibility of selective selection of potential applicants for various levels of the vocational education — professionalitet in the system of secondary and higher vocational education. To solve problematic issues in the field of education, primarily, in the field of culture and the arts it is necessary to combine the traditional Russian system of fundamental theoretical training with practice. In the field of specialized professional training, practice is possible not only in the form of educational creative projects and socially significant events, but also in the format of creative industries. This will make it possible to transform educational institutions with a sociocultural profile into centers of cultural life of local communities and contribute to the development of scientific and methodological support for specialized professional activities based on real material and the development of various models of multi-channel financing of the cultural sector.

Keywords

State cultural policy, multi-level education system, creative industries, digitalization of creative industries, professional orientation, creative classes.

RAR
УДК 930.85
ББК 63.3

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРАХ УКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Путрик Юрий Степанович,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра социокультурных
и туристских программ
Российского научно-исследовательского
института культурного и природного
наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, дом 2, Москва, Россия,
putrik@list.ru

Соловьев Андрей Петрович,
кандидат педагогических наук,
старший научный сотрудник
Цentra социокультурных и туристских программ
Российского научно-исследовательского
института культурного и природного
наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, дом 2, Москва, Россия,
andrey476_85@mail.ru

Аннотация

В статье авторами анализируются социокультурные факторы укрепления культурного суверенитета Российской Федерации, приводится понятие «культурный суверенитет», «суверенитет», история возникновения термина, а также рассматривается каким образом в современных условиях развития информационных коммуникаций культурный суверенитет базируется на историко-культурных ценностях российской цивилизации.

Ключевые слова

Единое культурное пространство, комплексность, культурное наследие, культурный суверенитет, цивилизационная идентичность.

В условиях обострения межкультурного противостояния вопросы укрепления культурного суверенитета России становятся все более актуальными. Суверенная культура в СССР была мало зависима от зарубежного влияния в силу

закрытости государства, партийного диктата и ограничений в информационной сфере. В современных условиях развития информационных коммуникаций культурный суверенитет базируется на историко-культурных ценностях россий-

ской цивилизации. Возрастает необходимость совершенствования форм и методов эффективного обеспечения государственной и общественной поддержки культурного суверенитета страны на федеральном и региональном уровнях.

Понятие «культурный суверенитет» относительно новое и его применение в культурологической науке пока не получило широкого распространения и применения. Однако в современных условиях двух встречных процессов — все увеличивающегося, с одной стороны, информационно-коммуникационного взаимопроникновения культур и, с другой стороны, усиливающегося межкультурного противостояния — приводит к необходимости внимательного рассмотрения проблемы сохранения и укрепления культурного суверенитета Российской Федерации как на национальном, так и на региональном уровнях.

Понятие «суверенитет» изначально возникло, закрепилось и распространилось в сфере государственного регулирования и означает «полную независимость государства от других государств в его внутренних делах и во внешней политике»¹. В более расширенном толковании Брокгауза и Ефрона² суверенитет понимается как «верховенство, совокупность верховных прав, принадлежащих государству или его главе», т.е. суверенитет государства является комплексным и многоуровневым понятием относительно которого возникает множество теорий и подходов. В конце XX и начале XXI веков в области понимания суверенитета появились новые аспекты, и, соответственно, новые сферы применения, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации и нового мирового порядка. При этом наблюдается уход от абсолютизации понятия «суверенитет» как неограниченной и бессрочной верховной власти монарха в государстве в сторону его демократизации, что подразумевает определённые ограничения независимости на базе цивилизованных признаков.

Государственный суверенитет позволяет государствам и народам сохранять свою уникальность, независимость и гордость. Уникальность

государств и народов складывается из исторических, этнокультурных/этнорелигиозных и природных характеристик, присущих любой стране мира и определяющих её цивилизационную идентичность. В Конституции Российской Федерации провозглашена суверенная государственность России и утверждена незыблемость ее демократической основы³. В Конституции Российской Федерации записано: «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия»⁴. В Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию отмечено, что «политическая система России — одна из опор суверенитета страны. Будем и дальше развивать институты демократии, никому не позволим вмешиваться в наши внутренние дела»⁵.

В то же время незыблемость этнокультурной и этнорелигиозной компоненты, как одной из основ культурного суверенитета и ключевой компоненты государственного суверенитета, не должна выступать консервативным фактором, сдерживающим технологическое и социально-экономическое развитие общества. Поэтому актуализируется проблема поиска путей гармоничного сочетания задач сохранения целостности этнокультурного достояния в условиях перспективных социально-экономических преобразований и нарастающих угроз эколого-демографического характера. Важно понимать также, что в этнокультурном и историческом материальном и нематериальном достоянии кроются немалые резервы и потенциал для решения многих актуальных проблем глобализирующегося мира и общества.

В настоящее время понятие «суверенитет» получает все более широкое распространение не только в сфере культуры, но в других сферах. И мы сегодня уже все чаще встречаем в не только в информационном и научном, но и в норматив-

1 Ожегов С.И. Сергей Ожегов: Толковый словарь русского языка. 100 000 слов; Издательство Мир и образование, 2020 г. 736 с.

2 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIA (62). СПб. Типография А.О. «Издательское дело». 1901 г. С. 892-893.

3 Конституция Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации. Федеральная служба охраны Российской Федерации: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>

4 См. та же, ст. 69.

5 Послание Президента Федеральному Собранию 29.02.2024. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/> (дата обращения 04.03.2024)

но-правовом пространстве понятия «интеллектуальный суверенитет», «технологический суверенитет», «информационный суверенитет», «экономический суверенитет», «финансовый суверенитет» и другие компоненты государственного суверенитета, которые в современных условиях обострения межцивилизационного противостояния взаимосвязаны между собой и, в конечном итоге, эти области суверенитета по отдельности и в совокупности выступают фактором обеспечения и укрепления национальной безопасности государства, его независимости, государственной и территориальной целостности, защиты традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечения обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации⁶.

Актуальность рассматриваемой в данной статье темы исследования подтверждается и внесенными в январе 2023 года Указом Президента России В.В. Путина изменениями в Основы государственной культурной политики, где впервые культурный суверенитет представлен как «...совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁷. Поэтому не случайно этот документ получил народное название как «указ о суверенитете», т.к. представляет «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструк-

тивного идеологического и информационного воздействия...»⁸

К социально-культурным факторам обеспечения культурного суверенитета следует отнести прежде всего состояние культурной среды региона, местности, города, поселка, села, т.е. конкретного места/локации проживания населения, определяемое не только наличием совокупности объектов и служб сервисной и культурной инфраструктуры, объектов культурного наследия, но и уровнем социально-экономического развития территории и, соответственно, благосостояния населения⁹. К социокультурным основам обеспечения культурного суверенитета Российской Федерации относятся традиционные ценности российского общества, такие, как «...жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹⁰. Культурный суверенитет органично вплетён в понятие «государственный суверенитет» и поэтому в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации «укрепление культурного суверенитета Российской Федерации и сохранение ее единого культурного пространства» позиционируется как одна из важнейших задач государства, наряду с сохранением материального и нематериального

6 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". См. Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 14.02.2024 г.)

7 Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. (дата обращения 12.01.2024).

8 Директор Института наследия Владимир Аристархов: «Культурный суверенитет означает наш самостоятельный выбор, что считать лучшим». Газета «Культура» https://dzen.ru/a/Y--Hke-XXB6kr_iu?sid=181167508767109008. (дата обращения 14.02.2024 г.).

9 Критерии и подходы к формированию качественно нового уровня развития культурной среды в малых городах и сельских населенных пунктах / Авторский коллектив: Кыласов А.В., Путрик Ю.С., Селезнева И.А., Хилько Н.Ф. / Под общей редакцией д. и. н. Путрика Ю.С. — М.: Институт Наследия, 2021. С. 24.

10 Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 20.02.2024 г.)

культурного наследия¹¹. Там же указывается на то, что факторы и опасности разрушения культурного суверенитета подрывают основы политической стабильности и государственности. Культурный суверенитет Российской Федерации базируется на российской культурной/цивилизационной идентичности, и здесь мы полностью солидарны с позицией П.А. Шашкина и др. относительно того, что «общероссийская культурная идентичность, являясь самостоятельной фундаментальной характеристикой самосознания граждан России и российских соотечественников, выступает неотъемлемой ценностной и культурной основой «общероссийской гражданской идентичности», российского гражданского самосознания»¹².

Государственная культурная политика реализуется в едином культурном пространстве, которое включает и географическое пространство регионов Российской Федерации с расположенными на их территориях объектами культурного и природного наследия, являющимися материальной и нематериальной основой обеспечения культурного суверенитета нашей страны.

Актуальность разработки новых, более эффективных форм и методов сохранения и использования культурного наследия как фактора обеспечения культурного суверенитета в значительной мере определяется современной геополитической ситуацией, когда «...деятельность по сохранению культурного и исторического наследия народа России отнесена к стратегическим национальным приоритетам»¹³. Суверенна была культура в СССР — по существу, новая культура, мало зависимая от зарубежного влияния в силу

закрытости государства, партийного диктата и ограничений в информационной сфере. В современных условиях развития информационных коммуникаций культурный суверенитет базируется на историко-культурных ценностях российской цивилизации, что не означает полную изоляцию от международных тенденций в сфере культуры, но делает российскую культуру приоритетной в плане государственной поддержки и поэтому устойчивой по отношению к зарубежным негативным влияниям и не поддающейся размыванию с их стороны. Дальнейшее раскрытие огромного потенциала объектов культурного наследия как фактора укрепления культурного суверенитета в регионах и малых городах России напрямую связано с повышением эффективности их использования (в т.ч. методами и технологиями социокультурного проектирования и культурных индустрий) как часть комплекса мер по государственной охране культурного наследия. Современные тенденции в развитии межотраслевых и региональных коммуникаций с применением цифровых форматов открывают широкие возможности для разработки и применения новых форм и методов сохранения и использования объектов культурного наследия путем значительного усиления интеграционного процесса в сфере культуры, а также сферы культуры с сопредельными сферами социокультурной и экономической деятельности, что будет способствовать укреплению цивилизационной идентичности российских регионов и создавать условия культурной и туристской среды, обеспечивающие устойчивый культурный суверенитет России.

Таким образом, вызовы, которые стоят перед современным российским обществом актуализируют необходимость совершенствования механизмов сохранения и использования культурного наследия нашей страны, в том числе с применением новых форматов транслирования ценностей и закрепления значимости культурного наследия не только в академической и образовательной среде, но и в самом широком общественном сознании.

К настоящему времени созданы необходимые методологические и технологические предпосылки к переходу на новый уровень деятельности по сохранению и использованию объектов культурного наследия в целях укрепления цивилизационной идентичности российских регионов и, соответственно, для создания условий обеспече-

11 Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/> (дата обращения 19.02.2024 г.)

12 Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [Электронное сетевое издание] / Шашкин П. А., Рудаков А. Б., Волобуев С. Г. — М.: Институт Наследия, 2023. С. 37

13 Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: Официальный сайт Президента России: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. (дата обращения 10.01.2024).

ния культурного суверенитета России, сохранения и дальнейшего развития единого культурного пространства страны. В частности, в 2016–2021 гг. Институтом Наследия разработан и научно обоснован геокультурный матричный подход к изучению состояния и повышению эффективности использования объектов культурного наследия как фактора укрепления российской цивилизационной идентичности, основанный на современных возможностях цифровых и информационных технологий¹⁴.

Рассмотрение понятия «культурный суверенитет» с позиций системного подхода также позволяет более эффективно реализовать цели и задачи по формированию методов и технологий интенсификации вовлечения объектов культурного наследия в систему внутрикультурных и туристских интеграций в российских регионах как важнейшего механизма обеспечения и укрепления культурного суверенитета России. При этом субъектом деятельности по обеспечению культурного суверенитета являются федеральные и региональные органы государственной власти, а также содействующие им общественные организации гражданского общества, учреждения и организации сферы культуры и туризма, иницирующие и реализующие комплекс нормативно-правовых, организационных, финансовых, материально-технических, информационных и иных мер, направленных на стимулирование вовлечения объектов культурного наследия в культурный, событийный и туристский оборот.

Системный подход позволяет обеспечить комплексное использование объектов культурного наследия на современном уровне, выявлять и оптимизировать механизмы действия внутрикультурных коммуникаций, проводить анализ широкого практического опыта внедрения мер и способов сохранения культурного достояния страны, что в конечном итоге создаст необходимую информационно-методическую базу для оптимизации процессов управления и координации деятельности региональных структур в сфере культуры по сохранению и использованию объ-

ектов культурного наследия как фактора укрепления культурного суверенитета России.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Сергей Ожегов: Толковый словарь русского языка. 100 000 слов; Издательство Мир и образование, 2020 г. 736 с.
2. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIA (62). СПб. Типография А.О. «Издательское дело». 1901 г. С. 892–893.
3. Конституция Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации. Федеральная служба охраны Российской Федерации: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>.
4. Послание Президента Федеральному Собранию 29.02.2024. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/>
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 14.02.2024 г.).
6. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. (дата обращения 12.01.2024).
7. Директор Института наследия Владимир Аристархов: «Культурный суверенитет означает наш самостоятельный выбор, что считать лучшим». Газета «Культура» https://dzen.ru/a/Y--Hke-XXB6kr_iu?sid=181167508767109008.
8. Критерии и подходы к формированию качественно нового уровня развития культурной среды в малых городах и сельских населенных пунктах / Авторский коллектив: Кыласов А.В., Путрик Ю.С., Селезнева И.А., Хилько Н.Ф. / Под общей редакцией д. и. н. Путрика Ю.С. — М.: Институт Наследия, 2021. — 100 с.
9. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных

14 Геокультурная матрица Российской Федерации как новый фактор и перспективный инструмент формирования общероссийской системы сохранения, изучения, популяризации и использования объектов культурного наследия: сборник научных докладов / Отв. редактор Ю. С. Путрик. — М.: Институт Наследия, 2022. — 120 с. —

ценностей». Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 20.02.2024 г)

10. Показатели эффективности государственной политики в области защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [Электронное сетевое издание] / Шашкин П.А., Рудаков А.Б., Волобуев С.Г. — М.: Институт Наследия, 2023. С. 37.

11. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии националь-

ной безопасности Российской Федерации». Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс»: Официальный сайт Президента России: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. (дата обращения 10.01.2024).

12. Геокультурная матрица Российской Федерации как новый фактор и перспективный инструмент формирования общероссийской системы сохранения, изучения, популяризации и использования объектов культурного наследия: сборник научных докладов / Отв. редактор Ю.С. Путрик. — М.: Институт Наследия, 2022. — 120 с.

ON THE QUESTION OF SOCIO-CULTURAL FACTORS OF STRENGTHENING THE CULTURAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Putrik Y. S.,

Doctor of Historical Sciences

Chief Researcher,

Head of the Center for Socio-Cultural and Tourism Programs
D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural
and Natural Heritage Moscow, Russia
putrik@list.ru

Solovyov A. P.,

Candidate of Pedagogical Sciences,

Senior Researcher

The Center for Socio-Cultural and Tourism Programs
D. S. Likhachev Russian Scientific Research Institute of Cultural
and Natural Heritage, Moscow, Russia,
andrey476_85@mail.ru

Abstract

In the article, the authors analyze the sociocultural factors of strengthening the cultural sovereignty of the Russian Federation, give the concept of “cultural sovereignty”, “sovereignty”, the history of its origin, and also examine how, in modern conditions of the development of information communications, cultural sovereignty is based on the historical and cultural values of Russian civilization.

Keywords

Single cultural space, complexity, cultural heritage, cultural sovereignty, civilizational identity.

RAR
УДК 93/94
ББК 63

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И МЕСТ ПАМЯТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Пархоменко Татьяна Александровна,
доктор исторических наук, главный научный
сотрудник, руководитель отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.
Берсеневская наб., д. 18-20-22, стр. 3,
119072 Москва, Россия.
ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается одно из актуальных направлений современного социогуманитарного знания, посвященного исследованию взаимодействия трех фундаментальных оснований культуры – памяти, истории и наследия, реперными точками пересечения которых являются места памяти. Основное внимание в научной литературе обращается на изучение структуры, рамок, среды социальной памяти и проблематики мест памяти, механизмов взаимодействия памяти и времени, памяти, истории и забвения, а также политики исторической и культурной памяти.

Ключевые слова

Память, места памяти, история, культура, традиция, наследие, Россия, мир.

Основу любой культуры формируют память, история, наследие. Места памяти, посвященные ключевым событиям прошлого, их участникам и героям, играют важную роль в создании и актуализации национальных образов культуры, укреплении духовного единства и социокультурной идентичности. Традиция сохранения памяти о прошлом существовала с древнейших времен. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля указывал, что память связана со «свой-

ством души хранить, помнить сознание о былом», с «памятью слов, цифр, имен и событий», с памятью местности и мест¹. О том же писал и философ Ален (Эмиль Шартье): «Род человеческий возвышается, отдавая дань памяти; наши предки делают

1 Память // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. – Санкт-Петербург; Москва: Т-во М. О. Вольф, 1907. Т. 3: П–Р. – 1907. Ст. 26–27.

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева» по теме «Русское мемориальное пространство в мире: памятные доски, знаки, топонимика». Рег. № НИОКТР 124012800521-2

нас лучше, чем были сами, уже тем только, что мы почитаем их, прислушиваемся к памяти сердца»².

Особую актуальность проблема памяти получила в XX веке, социальные катаклизмы и мировые войны которого породили всеобщее стремление к увековечению «мест памяти, мест траура» («Sites of Memory, Sites of Mourning») и путем коммеморации переосмыслению полученного «наследия травмы»³. Возникло новое направление научных исследований, связанных с памятью — «Memory Studies», в рамках которого разрабатывались темы «истории и памяти», «истории как искусства памяти», «памяти и времени», «культуры памяти и исторической политики», «социальной истории как мест памяти», «проблематики мест памяти», «памяти, забвения и власти» и некоторые другие. Они находились в центре внимания многих научных коллективов мира, например, российского Института Наследия, французской «Школы Анналов» (École des Annales), Французской социологической школы Э. Дюркгейма (French sociological school), немецкой исторической «Билефельдской школы» (Bielefeld School), американской «Новой школы социальных исследований» (The New School for Social Research), а также ЮНЕСКО, экспертами которой была разработана и в 1992 году принята Программа «Память мира» (Memory of the World).

Истоки широкого интереса к исследованиям исторической и культурной памяти восходят к XIX веку, к сочинениям «Недуги памяти» художника Теодюля Рибо⁴ и «Материя и память» философа Анри Бергсона⁵, тематика которых оказала влияние на творчество видного социолога, преподавателя Страсбургского университета Мориса Хальбвакса. Его книги «Социальные рамки памя-

ти» и «Коллективная память»⁶ получили широкое признание в мире, а разработанная в них концепция формирования коллективной памяти и социальных представлений о прошлом учитывалась всеми последующими исследователями памяти. Одним из них был, в частности, известный французский философ Поль Рикёр, издавший в 2000 году в Париже работу «Память, история, забвение», которая вскоре была переведена на русский язык и опубликована в Москве⁷. Основным императивом данной книги стала «идея о политике справедливой памяти», которую Рикёр связывал с общей проблематикой репрезентации прошлого, анализировавшейся им с трех точек зрения: во-первых, феноменологии памяти и ответов на вопросы «О чем мы вспоминаем?» и «Кому принадлежит память?», во-вторых, эпистемологии истории и, в-третьих, герменевтики исторического существования людей, где «под слоем памяти и истории обнаруживается мир забвения, мир, в котором вопреки ему самому существуют две возможности: либо окончательного стирания следов, либо их сохранения...»⁸.

Современные исследователи пытаются определить, с одной стороны, как соотносятся память о прошлом и история, можно ли доверять исторической науке и профессиональным историкам, а, с другой стороны, в чем состоит социальная функция коллективной памяти, которая формируется из присущих разным социальным группам исторических представлений, в большинстве своем субъективных и далеких от реальных фактов. Особый интерес ученых связан с так называемой «конфликтной памятью», которая, как отмечалось на одной из конференций, «порождается

2 Ален. Суждения / сост. В. А. Никитин; пер. с фр. Г. В. Волковой и др. – М.: Республика, 2000. – С. 184.

3 См.: Winter, J. Sites of Memory, Sites of Mourning: The Great War in European Cultural History. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 310 p.; Wood, N. Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe. – Oxford; New York: Berg, 1999. – 204 p.

4 Ribot T. Les Maladies de la mémoire. – Paris: Librairie Germer Balliere et. cie 1881. – 169 p.

5 Bergson, H. Matière et mémoire. – Paris: Alcan 1896. – 346 p.

6 Halbwichs, M. Les Cadres sociaux de la mémoire. – Paris: Alcan, 1925. – 404 p.; Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкин. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.; Halbwichs, M. La Mémoire collective. – Paris: Presses Universitaires de France, 1950. – 205 p.; Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / Пер. с фр. Мих Габович // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 16–50.

7 Ricœur, Paul. La mémoire, l'histoire, l'oubli. – Paris: Éd. du Seuil, 2000. – 675 p.; Рикёр, П. Память, история, забвение / Пер. с фр.: И. И. Блауберг и др. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

8 Рикёр, П. Память, история, забвение / Пер. с фр.: И. И. Блауберг и др. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – С. 15, 16, 21.

различными интерпретациями и оценками тех или иных событий, а также попытками формировать и/или регулировать процессы исторической памяти, либо вынося их в центр воспоминаний, либо предавая забвению»⁹. Изучение «конфликтной памяти» тесно связано с исследованиями таких вопросов как «структура памяти», «рамки памяти», «непрерывность и трансформация памяти», «нейтрализующая память», «политика сожаления и исторической ответственности», которые отражены в целом ряде публикаций конца XX — начала XXI века, например, в книгах Ивонны Ирвин-Зарецкой¹⁰, Джеффри Олика¹¹ и Рафаэля Самюэля¹². Для культурологов, теоретиков и историков культуры важным является разработка определений «культурная память», «социальная память», «историческая память», а также понятия «культура памяти», которое в основном трактуется «как деятельность по увековечению современной мемориализатору культуры, так и реконструкция прошлой (ушедшей) по отношению к современности культуры»¹³.

По характеру «культуры памяти», выражающейся в особом отношении народа и государства к определенным историческим фигурам, фактам, событиям, местам, образующим «среду памяти», можно судить о национальном сознании и политической культуре страны. Нагляднее всего это проявляется в периоды крутых революционных изменений социально-политических систем. Так, среда памяти Франции до сих пор наполнена зна-

ками и символами Великой французской революции конца XVIII века, начиная с государственного гимна «Марсельеза», национального праздника «День взятия Бастилии» (14 июля) и национального девиза «Свобода, Равенство, Братство» (Liberté, Égalité, Fraternité) и заканчивая Музеем Французской революции в замке Визий, памятниками Дантону, Марату, Мирабо, статуей Робеспьера в парижском Пантеоне, площадью Бастилии и барельефом «Марсельеза» на фасаде Триумфальной арки в Париже.

Аналогичным путем складывалась среда памяти в советской России, продолжившей дело французских революционеров и коммунаров. Уже в 1918 году дата создания Парижской Коммуны (18 марта 1871 года) по инициативе В.И. Ленина была объявлена праздничным нерабочим днем, а в 1924 году РСФСР было торжественно вручено знамя Парижской Коммуны. Тогда же по всей стране стали появляться населенные пункты, учебные, промышленные, торговые и прочие организации, названные в память и честь Парижской Коммуны. Взятая на вооружение большевиками революционная политика созидания через разрушение, полностью изменила мемориальный облик страны: вместо снесенных монументов царей и героев императорской России были установлены памятники советским вождям и героям Красной армии, вместо прежних названий городов, улиц, площадей появлялись имена Ленина, Сталина, Дзержинского, Калинина и других деятелей революции. Их имена присваивались фабрикам и заводам, колхозам и совхозам, поездом и пароходам, даже детям: появилось революционное поколение Виленов, Владиленов, Володаров, названных в честь Владимира Ленина, и Мэлсов, Мэлоров, Октябрин, чтивших память Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и считавших началом подлинной истории народа Октябрьскую революцию.

Большой вклад в разработку проблематики памяти и памятных мест внес один из основателей «Nouvelle Histoire», член Французской академии Пьер Нора, который писал: «Игра памяти и истории формирует места памяти, взаимодействие этих двух факторов приводит к их определению друг через друга», и «если правда, что фундаментальное право мест памяти на существование состоит в остановке времени, в блокировании работы забвения, в фиксации настоящего порядка вещей, <...> тогда очевидно, что именно делает их крайне привлекательным понятием —

- 9 Кочеляева, Н. А. Методология работы с культурной памятью. «Трудные места» и их представление в публичном пространстве // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? Материалы VIII социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства. СПб, СИ РАН, 9–11 декабря 2014 г. / Редактор и составитель О. Б. Божков / – СПб: Эйдос, 2015. – С. 104.
- 10 Irwin-Zarecka, I. Frames of Remembrance: The Dynamics of Collective Memory. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1994. – 214 p.
- 11 Olick, J. K. States of Memory: Continuities, Conflicts, and Transformations in National Retrospection (Politics, History, and Culture). – Durham, NC: Duke University Press, 2003. – 368 p.
- 12 Samuel, R. Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture. – London: Verso, 1996. – 479 p.
- 13 Святославский, А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М.: «Древлехранилище, 2013. – С. 9.

тот факт, что места памяти не существуют вне их метаморфоз, вне бесконечного нагромождения и непредсказуемого переплетения их значений»¹⁴. Рассматривая места памяти в качестве бастионов «коммеморативной бдительности» и сохранения истории, потребность в которой определяется потребностью в памяти, Нора утверждал: «То, что мы называем памятью, — это на самом деле гигантская работа головокружительного упорядочивания материальных следов того, что мы не можем запомнить, и бесконечный список того, что нам, возможно, понадобится вспомнить»¹⁵. Как следствие — «императив истории <...> вышел далеко за пределы круга профессиональных историков. Не только обычные маргиналы официальной истории оказались захвачены потребностью восстановить свое исчезнувшее прошлое. Все организованные сообщества, интеллектуальные и нет, ученые и нет, а не только этносы и социальные меньшинства, обнаруживают необходимость заняться поисками основ своей собственной организации, разысканием своих истоков»¹⁶. Такая массовая увлеченность памятью, ее коммеморацией в многочисленных местах памяти в итоге привели к вольному обращению с прошлым, которое в XX веке утратило свой органичный характер, в результате чего получило «значение не то, что прошлое накладывает на нас, а лишь то, что в него вкладывают»¹⁷.

Задаваясь вопросом, «Что послужило свидетельством известности мест памяти — их изначальная интенция или бесконечное возвращение циклов памяти?», Нора отвечал: «Очевидно, и то и другое: все места памяти — это отдельные предметы, отсылающие к памяти как к целому. <...>

Память «вцепляется» в места, как история — в события»¹⁸. Это определяет многообразие мест памяти, их классификации и типологии: архивы, музеи, библиотеки, кладбища, архитектурные и мемориальные памятники, награды, памятные знаки, топографические места и другие. «Можно до бесконечности оттачивать классификации: — писал Нора, — противопоставлять места публичные и частные, места памяти в чистом виде, полностью исчерпываемые их коммеморативной функцией, — такие, как надгробные речи, Дюмон или Стена коммунаров, и те, чье измерение памяти — лишь одно из многих в фасциях их символических значений — национальный флаг, праздник, паломничество и т.д.»; суть состоит не в этом, а в том, «что невидимая нить связывает объекты, не очевидно взаимосвязанные между собой, <...> что существует выраженная сеть этих разных идентичностей, бессознательная организация коллективной памяти, которой мы позволяем осознать самое себя»¹⁹.

Концепция мест памяти Пьера Нора не поставила точку в вопросе соотношения памяти и истории, и он до сих пор остается дискуссионным. Некоторые ученые считают их идентичными, другие отдают приоритет истории за стремление к научной объективности, третьи выделяют память как менее восприимчивую к идеологическим манипуляциям при освещении прошлого. В то же время, как писал профессор Колумбийского университета Й.Х. Йерушалми, необходимо всегда иметь в виду, что только благодаря коллективной памяти древние народы, не имевшие еще своего собственного историописания, но крепко державшиеся заповеди «Помни», смогли сохранить себя, свою идентичность и культуру²⁰. О значении памяти в культурном развитии человечества писал и русский мыслитель Вяч. Иванов, считавший, что «культура, в ее истинном смысле <...>

14 Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 40, 41.

15 Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 29.

16 Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 32.

17 Нора, П. Эра коммемораций // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 133.

18 Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 43, 46.

19 Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. — С. 48.

20 Йерушалми, Й. Х. Захор = Zakhor : Еврейская история и еврейская память / Пер. с англ. Р. Нудельмана. — Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. — 167 с.

есть память не только о земном и внешнем лице отцов, но и достигнутых ими посвящениях»²¹.

Исследователи полагают, что память и история связаны категорией времени, которая «в историческом исследовании выполняет самые разные функции. Важнейшие из них: обеспечение социальной памяти, организация прошлого, его реконструкция и интерпретация»²². Разделяет же память и историю разный характер «конструирования прошлого» и выражения «истины прошлого», объективности или тенденциозности исторических нарративов²³. По мнению польского профессора Войцеха Вжосека, «память о прошлом и знание о нем совместно создают современные смыслы культуры», наделяющие «преимуществом те образы исторического порядка, которые поддерживают в сфере культурной коммуникации господствующие ценности и их актуальные воплощения»²⁴. В общем, как писал французский историк Жак Ле Гофф, «Память — это исходный материал истории. Будь то в идеальной, устной или письменной форме, она представляет собой некий живой источник, который питает историков. Но поскольку историческая память чаще всего имеет бессознательный характер, в действительности существует гораздо большая опасность, что со временем в мыслящих сообществах манипулированию будет скорее подвергнута она, чем сама история как отрасль знания. Впрочем, последняя, в свою очередь, питает память и вновь подключается к тому грандиозному диалектическому процессу, в котором участвуют память и забвение и которым живут индивиды и общества», иначе говоря, «память — это понятие-перекресток», которое связано с «феноменами, непосредственно относящимися к наукам о человеке и обществе»²⁵.

Одним из таких феноменов является наследие, которое, по мнению исследователей, «способствует формированию, циркуляции и закреплению памяти на транснациональном (глобальном), национальном, региональном, локальном, семейном и индивидуальном уровнях», что делает необходимым «сопрягать исследования наследия и политики памяти», изучать, «как объекты наследия служат конструированию идеологически нагруженной коллективной памяти»²⁶. А также, в какой степени наследие и память отражают «истинное» прошлое, по какой причине вспыхивают «войны памяти» и «войны за наследие», почему в одних странах их практически нет, а в других смена идеологических смыслов и практик, связанных с историей, памятью, забвением и наследием, происходит довольно регулярно. Как писал культуролог, профессор Ю.М. Лотман, «Каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать». Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения. То, что объявлялось истинно-существующим, может оказаться «как бы несуществующим» и подлежащим забвению, а несуществовавшее — сделаться существующим и значимым», иначе говоря, «память не является для культуры пассивным хранилищем, а составляет часть ее текстообразующего механизма»²⁷. Таковую память Лотман называл «креативной (творческой)» в отличие от информационной памяти, к которой он относил «механизмы сохранения итогов некоторой познавательной деятельности»²⁸.

Ведущая роль в работе механизмов управления памятью и забвением всегда отводилась ин-

21 Переписка из двух углов. Вячеслав Иванов – Михаил Гершензон // Наше наследие. – 1989. – № III (9). – С. 125.

22 Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и время. В поисках утраченного. – М.: «Языки русской культуры», 1997. – С. 139.

23 См.: *Constructing the Past: Essays in Historical Methodology*, edited by Jacques Le Goff and Pierre Nora. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 217 p.

24 Вжосек, В. Об историческом мышлении / Пер. с польск. К. Ю. Ерусалимский // Вжосек, В. Культура и историческая истина. – М.: Кругъ, 2012. – С. 167.

25 Ле Гофф, Ж. История и память / Пер. с фр. К. З. Акупян. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 6, 79.

26 Фелькер, А. В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов = Felcher, A.V. *Heritage studies and the politics of memory – in search for common approaches* // *Political science (RU)*. – М., 2018. – N 3. – P. 33.

27 Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман, Ю. М. *Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры.* – Таллинн: Александра, 1992. – С. 200–202.

28 Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман, Ю. М. *Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры.* – Таллинн: Александра, 1992. – С. 201.

ститутам памяти — архивам, библиотекам, музеям, мемориалам, институализирующим наследие, «преобразующим» память в историю. Самым проблемным при этом является процесс коммеморации, мемориализации и музеефикации конфликтных, «трудных мест» памяти, вызывающий жаркие споры в мировом профессиональном и гражданском обществах вплоть до «сражений на полях памяти», частью которых являются периодически возникающие войны с памятниками. Их накал и широкое распространение привел к возникновению международного и национального «мемориального законодательства», которое вводило юридический запрет на отрицание тех или иных исторических событий и правовую ответственность за их непризнание, например, две Резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 60/7 от 21 ноября 2005 года и № 61/255 от 26 января 2007 года, осуждающие отрицание Холокоста, или правовые нормы Франции рубежа XX–XXI веков, определяющие юридическую ответственность французов за отрицание Холокоста. Вместе с тем, некоторые исследователи обращают внимание на неоднозначность такого «мемориального законодательства», а также «проникновения юридического мышления в сферу отношения к прошлому», в результате которого, «с одной стороны, происходит консолидация мнения общества в отношении прошедших и будущих событий. Но, с другой стороны, наносится удар по свободе научных исследований, свободе слова»²⁹.

Таким образом, все вышеизложенное говорит о том, что память, история, наследие и «места памяти» как их выразители и хранители являются в настоящее время актуальными темами научных исследований. Это обусловлено тем, что их проблематика тесно связана с ключевыми вопросами (историософскими, культурологическими) познания культуры, которые определяют основной вектор развития социально-гуманитарного знания в современном мире.

Список литературы

1. Вжосек, В. Об историческом мышлении /

29 Дорская, А. А., Дорский, А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX – начала XXI века / А. А. Дорская, А. Ю. Дорский // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4 (36). – С. 24.

Войцех Вжосек; пер. с польск. К.Ю. Ерусалимский // Вжосек, В. Культура и историческая истина / Войцех Вжосек. — М.: Кругъ, 2012. — С. 139–286.

2. Дорская, А.А., Дорский, А.Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX — начала XXI века / Александра Андреевна Дорская, Андрей Юрьевич Дорский // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. — 2019. — № 4 (36). — С. 19–27.

3. Ле Гофф, Ж. История и память / Жак Ле Гофф; пер. с фр. К. З. Аюпян. — М.: РОССПЭН, 2013. — 302 с.

4. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении / Юрий Михайлович Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 200–202.

5. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / Пьер Нора // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 17–50.

6. Нора, П. Эра коммемораций / Пьер Нора // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память / пер. с фр. Д. Хапаева. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 95–148.

7. Рикёр, П. Память, история, забвение / Поль Рикёр; пер. с фр.: И.И. Блауберг и др. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 725 с.

8. Савельева, И.М., Полетаев, А.В. История и время. В поисках утраченного / Ирина Максимовна Савельева, Андрей Владимирович Полетаев. — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 800 с.

9. Святославский, А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / Алексей Владимирович Святославский. — М.: «Древлехранилище, 2013. — 592 с.

10. Фелькер, А. В. Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов / Анастасия Владимировна Фелькер // Политическая наука. М., 2018. № 3. С. 28–52 = Felcher A.V. Heritage studies and the politics of memory — in search for common approaches // Political science (RU). М., 2018. N 3. P. 28–52.

11. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкин. — М.: Новое издательство, 2007. — 346 с.

THE PROBLEM OF CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY AND PLACES OF MEMORY IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Parkhomenko Tatiana Alexandrovna,
Doctor of Historical Sciences,
the Head of the Department of Cultural Studies,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Bersenevskaya embankment, d. 18-20-22, building 3.
119072, Moscow, Russia
ParchomenkoT@yandex.ru

Abstract

The article considers one of the most relevant areas of modern socio-humanitarian knowledge devoted to the study of the interaction of three fundamental foundations of culture — memory, history and heritage, the reference points of intersection of which are places of memory. The main attention in the scientific literature is paid to the study of the structure, framework, environment of social memory and the problems of places of memory, mechanisms of interaction between memory and time, memory, history and oblivion, as well as the politics of historical and cultural memory.

Keywords

Memory, places of memory, history, culture, tradition, heritage, Russia, the world.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

RAR
УДК 7.01
ББК 85.1

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГИМНОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ: НЕИЗВЕСТНЫЙ КОНДАК СВЯТОЙ ВАРВАРЕ

Серегина Наталья Семеновна,
доктор искусствоведения,
ведущий научный сотрудник,
Сектор музыки Российского института
истории искусств,
Исаакиевская площадь, 5,
Санкт-Петербург, Россия, 190121
nseregina@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию традиции почитания в домонгольской Руси Варва́ры Илиопо́льской (Никомиди́йской (ум. 306) — христианской святой великомученицы, причастной к истории Руси, в связи с принесением мощей святой из Константинополя в Киев. Мощи были положены в Михайловском Златоверхом монастыре, построенном в 1108 г. В свете этих данных интересно наличие двух кондаков св. Варваре в Благовещенском кондакаре, второй из которых не известен. Наличие двух кондаков позволяет сделать предположение о существовании в древности местного празднования принесения мощей св. Варвары отечественного происхождения.

Ключевые слова

Святая Варвара, кондак, гимнография, стихосложение, древнерусское певческое искусство.

Варва́ра Илиопо́льская (Никомиди́йской (ум. 306) — христианская святая великомученица. В русской истории она появляется в связи с принесением мощей святой из Константинополя

в Киев Варварой Комниной, дочерью византийского императора Алексея I, вышедшей около 1103 г. замуж за кн. Святополка Мстиславича. Мощи были положены в киевском Михайловском

Златоверхом монастыре (построенном в 1108 г.).¹ Гипотеза о браке Святополка с Варварой, дочерью императора Алексея I Комнина, опровергается новейшими исследователями, которые считают Варвару Комнину вымышленным лицом².

Как бы ни были интересны эти исторические перипетии сами по себе, для нас важен в первую очередь их художественный контекст. В свете этих данных интересно наличие двух кондаков св. Варваре в Благовещенском кондакаре. Они имеют заголовок: «Месяца декабря въ 4 святеи Варваре». Первый кондак: «Въ троицы благовѣрно ... вельгласно въпиюще присно». (24 об.-л.25). 2-й кондак «Прехвальная и божествъная ... богъ есть съ вами и никто же ...» (л. 25–25 об.) (лист с окончанием кондака утрачен)³.

Наличие двух кондаков говорит о том, что и празднования было два, что позволяет предположить о возникновении местного празднования принесения мощей отечественной традиции, считающегося полуполюгендарным.

Уже в XII в. память св. Варвары отмечена более чем в ста русских месяцесловах⁴. В Сказании о Борисе и Глебе гибель Бориса по приказу брата сравнивается со смертью Варвары от руки отца⁵. Ее житие вошло в состав ВМЧ (Декабрь, дни 1–5. Стб. 101–104) [4]. Студийско-Алексиевский Типикон [3] предписывал на утрене чтение жития («мучения») Варвары, которое дошло в списках XIV в., но было известно уже в XI в.⁶

Житие — «Мучение Варвары» — переводной агиографический памятник, старшие спи-

ски которого находятся в сборниках XIV–XV вв.⁷ Почитание св. Варвары было распространено в русской традиции в жанре церковной певческой службы и нашло разнообразный отклик в фольклоре.⁸

Стихиры св. Варваре, по-видимому, так же переводные, содержатся в стихирарях минейных XII в.⁹, как и в минеях служебных, содержащих и кондак «Въ троицы благовѣрно ...», (напр. РГАДА Ф. 381. Оп. 1. Ед.хр.96, л.15 — РГАДА Ф. 381. Оп. 1. Ед.хр.97, л. 11)

Служба Варваре на 4 декабря содержится в стихираре за декабрь-февраль РГБ Разумовского № 64, входящем в комплект наиболее полных списков стихираря русской традиции (Раз. 64–66 и БАН Вятское 9). Здесь на л. 10 выписан заголовок: «мца того ж въ 4 день стья великомученицы Варвары стая бѣ в лета #Е Ψ Ч (5790) во царство Максимияне дуки Диоскора елина». А на л. 13 об. в уставном перечне упоминаются «два канон(а) с(вя)тей», что корреспондируется с двумя кондаками Благовещенского кондакаря.

В Благовещенском кондакаре на л. 24–25 на 4 декабря содержится два Кондака великомученице Варваре. Первый: «Въ Троицы благовѣрно...» — известен по рукописной традиции и по современной церковной практике. Второй не известен ни по научным публикациям, ни по древним и поздним источникам, отсутствует в служебных минеях московской печати XVII в. и в современных минеях.¹⁰

Второй кондак:

«Прехвальная и божъствъная
мученица Варваро.
яко богоозаренъ стоя градъ
утвърже (л. 25 об.) нъ на небесѣхъ

1 Миней декабрь: Издат. совет Русской Православной Церкви, 2002. 12 том. 2002. / Ч. 1. - 600; С. 144.

2 7.Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. ревняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв.; Автор А.В. Назаренко; Серия. Studia Historica / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории; Москва: Яз. рус. культуры, 2001. 780 с. С. 576.

3 2.Бражников М.В. Благовещенский кондакарь (Вступительная статья, примечания, сверка указателей, подбор иллюстраций — Н. С. Серегинной. СПб.: Издательство Петрополис, 2018.

4 5.Лосева О.В. Русские месяцесловы XI-XIV веков / О.В. Лосева; Науч.-исслед. отд. рукописей Рос. гос. б-ки. - Москва: Памятники ист. мысли, 2001. - 419 с. С. 217

5 11.Успенский сборник XII– XIII вв. Под ред. С.И. Коткова. - М., 1971.

6 ГИМ. Син. № 330. XII в. Л. 101 об

7 Федотова М.А. Житие святой Варвары в Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 76-89;

8 8.Некрылова А.Ф. Святая Варвара в народной культуре // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 52-65;

9 Славянский Минейный стихирарь (по рукописям XII–XIII вв.). Т. 1. Пузина М.А., Крысько В.Б. Тексты и комментарии. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2022. - 918 с. С. 243-249

10 Миней декабрь: Издат. совет Русской Православной Церкви, 2002. 12 том. 2002. / Ч. 1. - 600; С. 144.

показася твърда и свѣтъла.
тѣмь и цѣсаревѣ побѣды
приносиши божьствѣною благодатию
въпиющи къ любящимъ та
[: «]Святѣи богъ есть съ вами
и никто же / [на вы...»]¹¹

Кондак обрывается из-за утраты листа в рукописи, но фраза легко восстанавливается, она общеизвестна, звучит в других службах иконам Богородицы и в кондаке на Вознесение, из того же Кондакаря, по образцу которого (на подобен), что указано в заголовке, сложен наш кондак (л. 25 «т(о)му ж глас б под(обен) еже о нас»), имеет сходный финал: «... въпия къ любящимъ тя: «Азъ есмь с вами и никто же на вы!»» (70 об.): л. 69 об — 70 На вознесение глас б с(а)могл(а)с(ен) Еже о нас съвърши съмотрение.
и яже на земли съмѣше съ небесными
възнесея въ славъ Христе Боже.
никакоже ся отлучая
но прѣбывая непрѣступно.
въпия къ любящимъ тя.
Азъ есмь съ вами и никто же на вы.

Песнопение, сложенное на подобен, да простят меня литургисты, ярче по звучанию, поэтике, образными тропами богаче и содержательнее своего образца. В нем сильна эмоция радостной приближенности к реалиям конкретного пространства истории и культуры своего времени.

Слова и образы стиха связаны между собой в символической метафорике христианства и с образным строем предшествующей Иларионовской эпохи, эпохи исторического оптимизма, возвращенного градостроительной и государственной деятельностью Ярослава Мудрого и митрополита Илариона.¹²

В кондаке Варвара сравнивается с градом, твердо и светло стоящим на небесах в божьем озарении — **«богоозарень стоя градъ утвржень на небесѣхъ»** — тот град, за который на небесах

стоит святая Варвара, ему же уподобляясь светло и твердо и его же ограждая с небес — **«на небесѣхъ показася твърда и свѣтъла»** — **«божьствѣною благодатию»**.

Звучание образа Благодати, провозглашенной в середине XI века митрополитом Иларионом в «Слове о законе и благодати», непреложно заявляет о себе местоположением в точке золотого сечения этого образа в стихе — благодатью, приносящей государственного значения победы — **«тѣмь и цѣсаревѣ побѣды приносиши»** — придает силу уверенности и уверования, возвещая новообращенному народу о любви и Божественной благодатной помощи — **«въпиющи къ любящимъ тя»: «Святѣи богъ есть съ вами и никто же на вы!»**

Чеканная форма кондака и все его образы — твердого града, светлой и твердой его заступницы, образ победы и Благодати и прямая речь Божественного заступника — все с необычайной

Илл. 1. Благовещенский кондакаръ. Л. 25

Илл. 2. Благовещенский кондакаръ. Л. 25 об.

11 Бражников М.В. Благовещенский кондакаръ (Вступительная статья, примечания, сверка указателей, подбор иллюстраций — Н. С. Серединой. СПб.: Издательство Петрополис, 2018.

12 Аверинцев С.С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство и художественная культура домонгольской Руси. М., «Наука», 1972, с. 25-49

Илл. 3 Благовещенский кондакаръ. Л. 69 об. — 70. Кондак на Вознесение

силой и совершенством новой поэтической правды говорит об укорененности в насущные зовы новой обители святой Варвары.

Каждое слово кондака весомо и многозначно. Сам собой всплывает в памяти стих А.С. Пушкина:

«Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон. ...
(А.С. Пушкин. Домик в Коломне).

Стихотворец 12 века нам не известен. Но почувствовать силу его творения, дошедшего до нас через восемь веков, может всякий. Тем более, что это не просто стих, а кондак, торжественное песнопение, записанное кондакарными — не простыми, а витиеватыми невмами (большими ипостазами), о мелодическом значении которых мы пока можем только строить предположения и научные гипотезы. Но сам стих должен быть введен в современную культуру, поскольку своей актуальностью символизирует связь времен и непреходящие смыслы истории.

Список литературы

1. Бугаевский А.В., Жаворонков П.И., Жиленко И.В., Лукашевич А.А., Герасименко Н.В.,

«Варвара»// Православная энциклопедия, т. 6, с. 558–563.

2. Великие минеи четьи /ВМЧ/ (Декабрь, дни 1–5. Стб. 101–104

3. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков / О.В. Лосева; Науч.-исслед. отд. рукописей Рос. гос. б-ки. — Москва: Памятники ист. мысли, 2001. — 419 с. С. 217

4. Минея декабрь: Издат. совет Русской Православной Церкви, 2002. 12 том. 2002. / Ч. 1. — 600; С. 144.

5. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. *ревняя Русь на международных путях*. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.; Автор А.В. Назаренко; Серия. Studia Historica / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории; Москва: Яз. рус. культуры, 2001. 780 с. С. 576.

6. Некрылова А.Ф. Святая Варвара в народной культуре // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 52–65;

7. Славянский Минейный стихирарь (по рукописям XII–XIII вв.). Т. 1. Пузина М.А., Крысько В.Б. Тексты и комментарии. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2022. — 918 с. С. 243–249

8. Творогов О.В. Житие Варвары (Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. // ТОДРЛ. 1990. Т. 44. С. 204

9. Федотова М.А. Житие святой Варвары в Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 76–89;

Рукописные источники

1. ГИМ. Син. № 330. XII в. Л. 101 об.

2. РГАДА Ф. 381. Оп. 1. Ед.хр.96. Минея служебная на декабрь, конец XII в. нотированная. Кондак «Въ троици благовѣрно ...» — л. 15 канон — л. 17 об.-24), нотация знаменная.

3. РГАДА Ф. 381. Оп. 1. Ед.хр.97. Минея служебная на декабрь. XIII в., ненотированная, л. 11. тот же кондак («Въ троици благовѣрно ...»), 13–17 об. — канон).

4. РГБ Разумовского №64. РНБ Благовещенский кондакаръ h <https://expositions.nl.ru> > ex_manus > kondakar

UNKNOWN KONTAKION TO SAINT BARBARA

Seregina Natalia Semyonovna

Doctor of Art History,

Leading Researcher,

The Music sector of the Russian Institute of Art History,

St. Isaac's Square, 5, St. Petersburg, Russia, 190121

nseregina@mail.ru

Abstract

The article is devoted to highlighting the tradition of veneration in pre-Mongol Russia of Barbara of Iliopolis (Nicomedia (d. 306)) — a Christian holy great martyr involved in the history of Russia in connection with the bringing of the saint's relics from Constantinople to Kiev. The relics were placed in St. Michael's Golden-Domed Monastery built in 1108. In the light of these data, it is interesting that there are two kontakia to St. Barbara in the Annunciation kontakara, the second of which is unknown. The presence of two kontakia allows us to make an assumption about the presence in antiquity of a local celebration of the bringing of the relics of St. Barbara of domestic origin.

Keywords

Saint Barbara, kontakion, hymnography, versification, ancient Russian singing art.

RAR
УДК 930.85
ББК 63.3

РЕЛИГИОЗНАЯ И АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ПО МАТЕРИАЛАМ ПУТЕВОДИТЕЛЯ РНБ «ГАЗЕТЫ В СЕТИ И ВНЕ ЕЁ»

Шукшин Сергей Иванович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления и проектной деятельности в сфере культуры,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Дворцовая наб., д. 2, г. Санкт-Петербург, Россия, 191186,
pravo_spbguki@mail.ru

Кравец Игорь Викторович,
аспирант кафедры медиалогии и литературы,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Дворцовая наб., д. 2, г. Санкт-Петербург, Россия, 191186,
ashbetka@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются отличительные признаки религиозной и антирелигиозной пропаганды, распространяемой в отечественной периодике. Основное внимание сосредоточено на материалах отдельных выпусков периодических изданий религиозного и антирелигиозного содержания, изданных в 1912–1925 годы. На основе изучения текстов газет и современных исследований, авторы приходят к выводу, что пропагандистские техники, используемые в газетах антирелигиозного содержания по своей природе деструктивны, и направлены преимущественно на молодое поколение. Главный урон от этой пропаганды заключается в обесценивании деятельности религиозных служителей, принижении их вклада в развитие страны

Ключевые слова

Религия, атеизм, антирелигиозная пропаганда, отечественная периодика, газеты, Российская национальная библиотека, путеводители РНБ.

На протяжении всей истории XX века отношение государства к религии в России не единожды пересматривалось. Идеологическая политика формировалась с учетом применения различных

пропагандистских техник. Роль главного «рупора» действующих властей на разных исторических этапах исполняла отечественная периодическая печать.

Феномену антирелигиозной пропаганды в отечественной периодике большое внимание уделяют исследователи Е.А. Катаев, В.В. Котлецов и В.В. Первушин. Основное внимание авторов научных трудов сосредоточено на событиях 1920-х годов, когда антирелигиозная агитация получила широкое распространение в периодической печати. Следует сопоставить материалы религиозных и антирелигиозных периодических изданий для формирования объективного представления о противостоянии государства и религии в это сложное для страны время.

В данном контексте научный интерес представляет путеводитель «Газеты в сети и вне её», разработанный специалистами Российской национальной библиотеки¹. Тематический раздел путеводителя включает коллекцию оцифрованных газет религиозного и антирелигиозного содержания, хронологические границы которых охватывают период с 1858 по 2019 годы.

На настоящий момент в коллекции представлено всего 24 наименования газет в алфавитном порядке на русском, немецком и татарском языках, однако, составитель и редактор путеводителя А.Н. Каштаньер отмечает, что работа над наполнением материалов путеводителя не прекращается. Доступ к конкретным номерам обеспечивается за счет перехода по соответствующим им ссылкам².

Газеты религиозного и антирелигиозного содержания представляют собой весьма ценные первоисточники с позиции изучения феномена религиозной и атеистической пропаганды, распространяющейся в отечественной периодической печати. В частности, посредством изучения оцифрованных текстов можно выявить основные способы и приемы, используемые пропагандистами, транслирующими через периодику атеистические идеи, которые оказывали колоссальное влияние на общественное сознание. Достаточно вспомнить, что газеты на протяжении нескольких столетий представляли собой главный источник информации о происходящих в мире событиях.

С этой точки зрения путеводитель РНБ «Газе-

ты в сети и вне ее» — это значимый ресурс, позволяющий провести сравнительный анализ газет религиозного и антирелигиозного содержания, выявить основные проблемы, рассматриваемые в этих периодических изданиях.

Так, если обратиться непосредственно к текстам дореволюционных газет религиозного содержания, можно убедиться, что основной акцент в них поставлен на идею о спасении души через покаяние, изучение Библии, праведном образе жизни. Данный тезис подтверждает контент религиозно-нравственной газеты «Евангельская труба», издающейся в Риге в 1912–1915 годы³.

Во вступительном слове первого выпуска газеты отмечено, что главной целью этого еженедельного периодического издания является трактовка канонических книг Евангелия для широкой читательской аудитории. Авторы газеты уточняют, что всех ее читателей объединяет принадлежность к христианским конфессиям, а также интерес к изучению Священного Писания.

Среди ключевых рассматриваемых в газете вопросов: учение о покаянии и прощении, истолкование Библии, молитвы, свидетельства о существовании Бога и пр. Издание включает и авторские колонки, например, рубрика «Ободрение для печальных» Лены Дауль, которая утверждает, что обращение к Богу поможет человеку преодолеть любые страдания: «Я знаю одну сестру, которая испытала много страданий и притеснений, но как она через милость Божию осталась тиха, то Господь мог очистить ее, так что она могла иметь внутреннее общение с Богом и достоинство спасения научилась ценить более чем прежде»⁴.

Существовали также газеты религиозного содержания более узкой направленности. В частности, еженедельная газета «Трезвость», издаваемая в Санкт-Петербурге в 1914–1916 годы⁵. Это первое в нашей стране антиалкогольное периодическое издание, в котором выражается крайне негативное отношение к распространению и употреблению спиртных напитков в российском обществе.

В качестве альтернативы неправильному об-

1 Газеты в сети и вне ее // Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург, 1998. URL: https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/cat_show.php?rid=10580 (дата обращения: 18.03.2024).

2 Там же.

3 Евангельская труба. 1912. № 1 (15 сент.). URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000100626/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).

4 Там же. С. 4.

5 Трезвость. 1914. № 1 (4 мая). URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000285230/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).

разу жизни авторы газеты рассматривают воздержание, религиозность, физический и мыслительный труд во благо общества. Обращение к религии в этом смысле имеет первостепенное значение, что подтверждается следующим высказыванием: «Говоря о трезвости, как нравственном законе, нам невозможно отрешиться от той связи, которую она имеет с христианским учением»⁶.

Сообразно с этим, среди основных тем, комментируемых авторами газеты: освещение проблемы алкоголизма в нашей стране; пропаганда здорового образа жизни; духовные наставления и призывы к служению государству и Церкви; заметки об усилиях городского управления и общественных организаций, направленных на борьбу с пьянством; сведения о деятельности Литейного отделения Александро-Невского Общества трезвости.

Несколько иная картина обнаруживается при исследовании содержания другого религиозного периодического издания под названием «Петроградский церковно-епархиальный вестник», что обусловлено происходящими на тот момент историческими событиями. В частности, в первом за 1918 год выпуске пристальное внимание уделяется проблеме защиты интересов Церкви, высказываются опасения относительно ее отделения от государства и дальнейшей судьбы представителей духовенства и церковного имущества⁷.

В целом, настроение авторов-составителей данной газеты можно назвать крайне упадническим, что вполне обосновано с учетом того давления, которое новая советская власть оказывала на религиозных деятелей. В тексте периодически прослеживается возмущение авторов статей и заметок, священнослужителей, которые выражают беспокойство по поводу собственного будущего: «Что же теперь делать. Неужели церковь должна безмолвно и беспомощно сдать все свои позиции и остаться не у дел», — обращается к читателям газеты анонимный автор статьи «Спасите остатки»⁸.

В состав коллекции оцифрованных газет РНБ входят также материалы антирелигиозного

характера. Среди представленных в путеводителе выпусков — молодежная газета «Комсомольская пасха», опубликованная в апреле 1923 года⁹.

Авторы-составители газеты призывают читателей отказаться от празднования религиозных торжеств в пользу присоединения к комсомольскому движению, которое направлено на демонстрацию антирелигиозных настроений. По этой причине они рекомендуют проводить массовые комсомольские мероприятия на фоне самых главных христианских праздников — Рождества и Пасхи: «Молодежь! Смелей отбрасывай от себя эту ветошь и иди в ряды комсомола, чтобы достойно встретить Комсомольскую Пасху», — призывает читателей один из создателей выпуска¹⁰.

Помимо побуждения к антирелигиозным действиям газета включает антирелигиозные стихи, цитаты К. Маркса и других идеологов советской эпохи, обоснование атеистического миропонимания, карикатурные изображения на антирелигиозную тематику, заметки об антинаучной сущности религии.

Другим наглядным примером антирелигиозного периодического издания является газета «Соловецкий Безбожник»¹¹. В частности, в одном из выпусков 1925 года внимание уделяется проблеме останков основателей Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия. В статье подвергается сомнению сам феномен нетленности мощей святых, высмеиваются люди, допускающие вероятность такого феномена¹².

Среди других предметов внимания в данной газете: взаимоотношения Римского папы и итальянского политического и государственного деятеля Муссолини; критическое замечание относительно установленных цен на церковные услуги; антирелигиозные стихи.

Стоит отметить, что создатели антирелигиозных газет вели свою деятельность в период расцвета антирелигиозной кампании 1920-х годов, когда в советском обществе осуществлялось

6 Там же. С. 1.

7 Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. № 1 (27 фев.). 8 с. — URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000126420/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).

8 Там же. С. 3.

9 Комсомольская пасха. Листок молодежи. 1923. не- нум. вып. (7 апр.). URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000261190/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).

10 Там же. С. 1.

11 Соловецкий Безбожник. 1925. № 4 (27 сент.) (к № 39). URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000190368/view/> (дата обращения: 18.03.2024).

12 Там же. С. 1.

внедрение традиции отмечать упомянутые ранее праздники — «Комсомольскую пасху» и «Комсомольское рождество». Данное явление подробно рассматривает К.К. Табачник, которая делает вывод, что попытки укоренения этих праздников в быту населения не увенчались успехом¹³. Автор статьи также сообщает об активном вовлечении в антирелигиозную кампанию представителей молодого поколения.

К основным мероприятиям, реализуемым в ходе антирелигиозных праздников можно отнести: лекции о сущности и происхождении христианских праздников, театральные постановки на атеистическую тематику, демонстрации соответствующих кинофильмов¹⁴.

В этом отношении следует обратиться к научному труду В.В. Первушина на предмет исследования создаваемого в период 1920-х годов образа Православной российской церкви в материалах газеты «Правда». Несмотря на то, что данная газета не представляет собой специализированное антирелигиозное издание, Церковь время от времени упоминается в материалах газеты, и, как правило, в негативном ключе¹⁵.

В.В. Первушин выявил основные антирелигиозные приемы, используемые составителями этой светской газеты: наделение отрицательными качествами представителей духовенства и мирян, высмеивание и порицание их деятельности, сообщения о неразрывной связи Церкви с царским режимом.

О создаваемом государством образе Церкви в указанный период пишет В.В. Котлецов, который на основе анализа материалов периодической печати Владимирской губернии пришел к выводу, что практика антирелигиозной кампании в этом регионе привела к обострению конфликта между властью и Церковью. Автор выделил основные направления антицерковной пропаганды — дис-

кредитация религиозного жизненного уклада населения Владимирской губернии, дискредитация религиозных праздников и обрядов, антирелигиозная агитация, направленная против представителей местного духовенства¹⁶.

Исходя из вышеизложенного, следует, что с точки зрения формирования негативного образа религии и Церкви в период 1920-х годов периодические издания сыграли особую роль как главный новостной источник информации для российского общества. На данном историческом этапе государство фактически осуществило переход к марксистско-ленинской идеологии, в основе которой лежит представление о религии как о форме общественного сознания, искажающей существующие природные и социальные явления¹⁷.

Можно заключить, что советская власть сделала все возможное, чтобы обесценить вклад в развитие нашей страны, который внесли религиозные деятели и служители. В то же время в наши дни исследователи материалов отечественной религиозной периодической печати обнаруживают свидетельства их активного участия в духовной и культурной жизни России.

Данный тезис подтверждают научные труды кандидата исторических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета (РГГМУ) В.С. Черепенчук¹⁸. Валерия Сергеевна посредством изучения текстов отечественной периодической печати периода Первой мировой войны подробно проанализировала отдельные эпизоды военного времени, а именно: депортация немцев, проживающих на российской территории; подписание Брестского соглашения; преобразование всей системы отечественной периодической печати в условиях революции и т.д.

13 Табачник К. К. «Комсомольская пасха» и «Комсомольское рождество» и их место в антирелигиозной кампании 1920-х гг. // Православный собеседник. 2023. С. 117–123.

14 Катаев Е. А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере прессы Царицынской губернии) // Труды Белгородской духовной семинарии. 2017. № 6. С. 149–156.

15 Первушин В. В. Образ православной российской церкви на страницах газеты «Правда» в 1920 году // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 235–242.

16 Котлецов В. В. Антицерковная пропаганда во Владимирской губернии во второй половине 1920-х гг. (по материалам периодической печати) // Современная научная мысль. 2022. № 5. С. 145–152.

17 Введение // Библиотечно-библиографическая классификация. Вып. 22. Э: Религия. Атеизм / [Сост. А. Ф. Анисимов, А. А. Вершинская, М. А. Виляев и др.]. М., 1967. – С. 8–19.

18 Черепенчук В. С. Российская периодическая печать времен первой мировой войны как исторический источник // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16. № 1. С. 169–177.

Особое внимание автор уделяет событиям 1918 года, когда взаимоотношения между государством и Церковью переходят в фазу активного противостояния. На основе исследования материалов газеты «Петроградский церковный епархиальный вестник» В.С. Черепенчук прослеживает феномен зарождения новой советской идеологии, во главе которой стоял атеизм¹⁹.

Об исторической ценности отечественной периодической печати религиозного содержания говорит А.И. Чернова, которая путем изучения текстов газет «Церковный вестник», «Известия по Петроградской епархии», «Вестник военного и морского духовенства» и других источников собрала персональные данные о наставниках, студентах и выпускниках петербургских духовно-образовательных учреждений. Многие из них служили отечеству на полях сражений во время Первой мировой войны, некоторые оказались в эмиграции из-за гонений со стороны представителей советской власти, другие подверглись репрессиям. Всего А.И. Черновой удалось раскрыть сведения о 127 персоналиях²⁰. Необходимо отметить, что научный труд Анны Игоревны представляет собой высокую значимость с точки зрения восстановления исторической справедливости.

Возникает вопрос: что этому могут противопоставить материалы ранее рассматриваемых газет антирелигиозного содержания? Основной контент антирелигиозных периодических изданий сводится к формированию негативного отношения к религии и Церкви путем нападок на представителей христианской конфессии, высмеивания религиозных праздников и традиций с использованием карикатурных иллюстраций, антирелигиозных лозунгов и стихов. Создатели газет атеистического характера ориентировались в первую очередь на молодое поколение, по этой причине в газетах активно освещали различные антирелигиозные мероприятия, направленные

на привлечение молодежи — лекции, кинопоказы, театральные постановки и пр.

Подводя итоги, можно констатировать, что рассматриваемые газеты религиозной направленности, в отличие от антирелигиозных газет, не содержат деструктивных идей, хотя в материалах религиозных периодических изданий также прослеживается пропагандистский контент. В качестве примера можно привести продвижение идеи о ведении здорового образа жизни, отказе от употребления алкогольных напитков в пользу занятий физическим или мыслительным трудом. Основное же предназначение газет религиозного содержания — поддержка сторонников христианской конфессии и отдельных людей, находящихся в духовном поиске. Именно такую цель преследовали авторы-составители религиозно-нравственной газеты «Евангельская труба». Очевидно, что в текстах религиозных изданий транслируются выдержки из Библии, придающие газетным статьям больший авторитет.

В заключение следует отметить, что отечественная периодика представляет высокий научный интерес для исследователей, анализирующих исторические процессы и феномены. В частности, материалы газет религиозного и антирелигиозного содержания позволяют оценить масштаб трагедии первой половины XX века, особенно периода 1920-х годов, когда в нашей стране активно развивалась антирелигиозная кампания. В данном ключе тематический раздел путеводителя РНБ «Газеты в сети и вне её» — это уникальный ресурс для историков, религиоведов и культурологов, изучающих разные аспекты религиозной жизни в России.

Список литературы

1. Введение // Библиотечно-библиографическая классификация. Вып. 22. Э: Религия. Атеизм / [Сост. АФ. Анисимов, А.А. Вершинская, М.А. Вилев и др.]. — М., 1967. — С. 8–19.
 2. Газеты в сети и вне ее // Российская национальная библиотека : сайт. — Санкт-Петербург, 1998. — URL: https://nlr.ru/res/inv/ukazat55/cat_show.php?rid=10580 (дата обращения: 18.03.2024).
 3. Евангельская труба. — 1912. — № 1 (15 сент.). — URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000100626/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).
 4. Катаев Е.А. Борьба с православными праздниками в 20-х годах XX века (на примере
- 19 Черепенчук В. С. События весны-лета 1918 года: по материалам «Петроградского церковному епархиального вестника» // *Modernity: человек и культура*. 2020. С. 135-142.
- 20 Чернова (Мартынова) А. И. Наставники, студенты и выпускники Петроградских духовных школ на полях сражений первой мировой войны. (Биографический список) // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2019. № 1 (3). С. 72-120.

прессы Царицынской губернии) // Труды Белгородской духовной семинарии. — 2017. — № 6. — С. 149–156.

5. Комсомольская пасха. Листок молодежи. — 1923. — ненум. вып. (7 апр.). — URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000261190/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).

6. Котлецов В.В. Антицерковная пропаганда во Владимирской губернии во второй половине 1920-х гг. (по материалам периодической печати) // Современная научная мысль. — 2022. — № 5. — С. 145–152.

7. Первушин В.В. Образ православной российской церкви на страницах газеты «Правда» в 1920 году // Исторический курьер. — 2023. — № 2 (28). — С. 235–242.

8. Петроградский церковно-епархиальный вестник. — 1918. — № 1 (27 фев.). — 8 с. — URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000126420/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).

9. Соловецкий Безбожник. — 1925. — № 4 (27 сент.) (к № 39). — URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000190368/view/> (дата обращения: 18.03.2024).

10. Табачник К.К. «Комсомольская пасха» и «Комсомольское рождество» и их место в анти-религиозной кампании 1920-х гг. // Православный собеседник. — 2023. — С. 117–123.

11. Трезвость. — 1914. — № 1 (4 мая). — URL: <https://vivaldi.nlr.ru/pn000285230/view/#page=> (дата обращения: 18.03.2024).

12. Черепенчук В.С. Российская периодическая печать времен первой мировой войны как исторический источник // Вестник русской христианской гуманитарной академии. — 2015. — Т. 16. — № 1. — С. 169–177.

13. Черепенчук В.С. События весны-лета 1918 года: по материалам «Петроградского церковному епархиального вестника» // Modernity: человек и культура: Сборник материалов XXII межвузовской научной конференции. — 2020. — С. 135–142.

14. Чернова (Мартынова) А.И. Наставники, студенты и выпускники Петроградских духовных школ на полях сражений первой мировой войны. (Биографический список) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. — 2019. — № 1 (3). — С. 72–120.

RELIGIOUS AND ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA
IN NATIONAL PERIODICALS: A HISTORICAL
RETROSPECTIVE BASED ON MATERIALS FROM
THE RNL GUIDEBOOK «NEWSPAPERS
ON THE INTERNET AND OFFLINE»

Shukshin Sergei Ivanovich

Ph. D. in historical science,
Associate Professor of the Department of Management
and Project Activities in the Field of Culture,
St. Petersburg State Institute of Culture,
St. Petersburg, Russian Federation
pravo_spbguki@mail.ru

Kravets Igor Viktorovich

graduate student
of the Department of Medialogy and Literature,
St. Petersburg State Institute of Culture,
St. Petersburg, Russian Federation
ashbetka@yandex.ru

Abstract

The article examines the distinctive features of religious and anti-religious propaganda disseminated in national periodicals. The main attention is focused on the materials of individual issues of periodicals with religious and anti-religious content, published in the period 1912–1925s. Based on the study of materials from periodicals and modern research, the author comes to the conclusion that the propaganda techniques used in newspapers with anti-religious content are destructive in nature and are aimed primarily at the younger generation. The main damage from this propaganda lies in the devaluation of the activities of religious ministers and the belittlement of their contribution to the development of the country.

Keywords

Religion, atheism, anti-religious propaganda, national periodicals, newspapers, The National Library of Russia, RNL guidebooks.

ИСКУССТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА

RAR
УДК 930
ББК 85.7

СПЕКТАКЛЬ «РУВН БУРЛЕС» В ПОСТАНОВКЕ БИРОБИДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕВРЕЙСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ Л. КАГАНОВИЧА

Гамалей Софья Юрьевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт МВД России,
пер. Казарменный, д 15, г. Хабаровск, Россия, 680030,
s.u.gamaley@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности уникального спектакля, поставленного на сцене Биробиджанского государственного еврейского театра, – «Рувн Бурлес» по пьесе биробиджанского писателя Г. Рабинкова в 1941 г. Автор статьи раскрывает содержание этой революционной по своему смыслу пьесы, положительные и отрицательные моменты премьерной постановки, о которых сообщали в своих статьях журналисты. В статье приводятся фамилии актеров, сыгравших на сцене еврейского театра, анализируется специфика созданных на сцене образов. В заключение автор делает вывод о несомненной важной роли, которую сыграл данный спектакль в творческой деятельности театра, подтвердив его высокий профессионализм.

Ключевые слова

Еврейский театр, спектакль «Рувн Бурлес», режиссура, национальная культура, Г. Рабинков, Е. Гельфанд, Я. Розенфельд.

Духовный и исторический народный опыт является ключевым элементом идентичности каждого человека вне зависимости от места проживания, поскольку именно сохранение истории

ческой памяти позволяет каждому гражданину понять роль своей страны в мировой истории, ее ценности и традиции, а также осмыслить свое место в жизни. В современных политических ре-

алиях XXI в. в условиях роста межнациональных противоречий изучение культуры и искусства приобретает особую значимость. Ведь изучение культуры народа, постижение его внутренней сущности позволяет сформировать толерантные отношения между нациями и тем самым снять уже имеющиеся межнациональные конфликты.

История нашей страны уникальна — художники, музыканты, актеры вне зависимости от национальной принадлежности своим творчеством вдохновляли людей, что особенно было важно в непростые для страны времена. Таким образом, изучение особенностей культуры народа посредством анализа отдельных спектаклей известных театральных коллективов, в том числе и национальных, является актуальным и значимым.

Государственный еврейский театр г. Биробиджана начал свою работу 6 мая 1934 г., спустя четыре дня после опубликования Постановления ЦИК «О создании Еврейской автономной области».

Данный театр был самым молодым из еврейских коллективов страны. Однако он был не просто уникальным национальным коллективом, он был сформирован высокопрофессиональными актерами, которые работали не по контракту, а на постоянной основе, что для начала 1930-х гг. в периферийных театрах было необычным явлением. Естественно, это способствовало хорошему качеству постановок.

Государственный еврейский театр им. Л. Кагановича был сформирован в Москве выпускниками театральной студии С. Михоэлса, которые, совершив гастрольный тур в Биробиджан, приняли решение остаться в новой национальной автономии на постоянное место жительства и работы. На протяжении 1934–1949 гг. данный коллектив успешно работал, хотя политические события влияли на его деятельность. Именно из-за произошедших перемен в национальной политике 1940-х гг., ростом космополитизма произойдет расформирование всех еврейских театров, существовавших в СССР, хотя свой весомый вклад в развитие национального театрального искусства они смогли привнести, доказательством чего является отдельная глава, посвященная еврейскому театру, в многотомном издании «История советского театра», вышедшем в 1960-е гг.¹

Среди постановок Биробиджанского еврейского коллектива в 1930-е гг. можно было встретить совершенно разные спектакли: одни — художественно наиболее совершенные, идейно богатые, которые твердо вошли в его репертуар («Тевье Молочник», «Уриель Акоста»), другие — менее совершенные, которые под влиянием общественности быстро ушли со сцены («Клад Наполеона»)². Были в репертуаре коллектива спектакли, посвященные жизни Еврейской автономной области («Молоко и мед»), и спектакли, которые по политическим причинам были сняты с репертуара, — «Разбойник Бойтре», в данном случае в связи с репрессиями в отношении ее автора М. Кульбака.

Но были в репертуаре такие спектакли, которые не просто вошли в него, а стали частью истории данного театра, подтвердили его рост как профессионала и совершенствование как коллективного творца идейно-художественных ценностей. Именно таким стала для биробиджанского театра постановка спектакля Е. Гельфанда и Я. Розенфельда «Рувн Бурлес» — народно-героическая драма в 4-х действиях на еврейском языке.

Премьера этого спектакля состоится в мае 1941 г., он войдет в гастрольный репертуарный план лета 1941 г., что неопровержимо доказывает тот факт, что советские граждане накануне вероломного нападения фашистской Германии жили своей простой, мирной жизнью.

Этот спектакль стал радостным событием для всей культурной общественности Еврейской автономной области, так как в нем ярко проявилась талантливость целой группы творческой интеллигенции, живущей и работающей в ЕАО — автора пьесы, биробиджанского писателя Г. Рабинкова, режиссера Е. Гельфанда и Я. Розенфельда, исполнителей главных ролей (И. Гросс, Я. Абрамович) и всего театрального коллектива³.

Григорий (Гессель) Борисович Рабинков родился в 1908 г. на Украине. Будучи в подростковом возрасте, он сбежал в Москву, где работал каменщиком и участвовал в кремлевских постройках. В 1920-е годы закончил педагогический институт, а в 1930-е переехал в Биробиджан в ка-

1 История советского драматического театра: в 6 т. Т. 4. М., 1968. С. 618.

2 Фридман Н. Творческая победа // Биробиджанская звезда. 1941. 8 июня. С. 3.

3 Герцберг Б. Новый сезон — новые задачи // Биробиджанская звезда. 1939. 21 октября. С. 4.

честве преподавателя еврейского языка и литературы, работал в школе. В студенческие годы, как и актеры БирГОСЕТа, Г. Рабинков познакомился с С. Михоэлсом, который поощрял его литературные опыты. Возможно поэтому Г. Рабинков постоянно участвовал в жизни театрального коллектива города, дружил с актерами Ф. Аронесом, Л. Колиным. К пятилетию юбилея области его награждают орденом «Знак почета»⁴. Столь тесное общение с театром, успехи на литературном поприще создали условия для их творческого союза. Так Г. Рабинков стал автором пьесы «Рувн Бурлес», которую было решено поставить на сцене театра в рамках требования Главреперткома по сотрудничеству театров с местными авторами.

Автор пьесы Г. Рабинков, создавая свое произведение, обратился к быту и жизни еврейского народа XIX в., теме, достаточно плотно исследованной классиками еврейской литературы, такими как И. Аксенфельд, Йцхок-Лейбуш Перец. Главной темой их произведений была борьба против консервативных устоев еврейской жизни, социальная окраска раскрывала мрачные стороны жизни еврейской диаспоры в условиях оседлости. Иной характер жизни евреев был представлен в произведениях Шолом-Алейхема, который в своих романах показывал динамику жизни евреев, которые не просто страдают, но и пытаются вырваться из «оков» тяжелой действительности⁵.

В отличие от классиков, пьеса Г. Рабинкова получилась совершенно оригинальным произведением; явления и образы, знакомые по классической литературе, получили в ней иное освещение, старые мотивы приобрели новое звучание. Объяснялось это тем, что в художественном истолковании определенной эпохи в истории еврейского народа автор исходил из нового социалистического мировоззрения.

Борьба двух враждующих лагерей, изображенных в пьесе — главы общины Тэвеле и его окружающих, с одной стороны, и Рувн Бурлеса и народных масс — с другой в пьесе была дана не изолированно, а в тесной связи с подспудно придавленной жестоким режимом «палки и шпицрутена», но ни на минуту не затухающей

окончательной борьбой крепостного крестьянства против помещиков. Особо выразительно автор изобразил тесную связь глав общины с представителями царской власти. Естественно, что пьеса приобретала тем самым политический окрас, изображая борьбу еврейской бедноты против существующего самодержавного строя.

В то же время автор произведения сумел очень конкретно вплести в содержание интернациональный мотив, чего ранее классики еврейской литературы не делали, мотив братской связи между угнетаемым еврейским народом и массой русских крепостных крестьян. Так, в сюжете достаточно точно были изображены тщетные попытки царской власти сохранить отчужденность между еврейской беднотой и трудящимися других народов. Именно это новое звучание делало пьесу Г. Рабинкова не просто актуальной, она демонстрировала многонациональность советской России, где каждый ее член обладает полным комплексом прав, при этом данные права носят естественный характер и советская власть, учитывая данный факт, проводит правильную многостороннюю, национальную политику⁶.

Это большое идейное содержание пьесы было воплощено посредством созданных автором ярких образов. Благодаря этому в произведении отсутствовали «ходячие схемы», каждое из действующих лиц пьесы было по-своему типично и в то же время обладало только ему присущими индивидуальными чертами. При этом писатель смог небольшими штрихами вдохнуть жизнь и в эпизодические образы.

В пьесе присутствовало много настоящей, хорошей еврейской поэзии. Именно поэтические образы музыканта-самородка Бурлеса, крепостной актрисы Топи и история их трагической любви были наполнены лиризмом. В то же время в произведении не было ни тени сентиментализма, слезности. Ее поэзия — строгая, мужественная, так как не об оскорбленных и униженных, а о протестующих и борющихся писал Г. Рабинков, хотя язык, на наш взгляд, в пьесе немного отягощен архаизмами, хотя и сохранил свою выразительность и силу.

«Рувн Бурлес» — первая пьеса Г. Рабинкова. Театр поставил ее с полной отдачей своих творче-

4 Земля, на которой нам выпало жить. Литературно-краеведческий сборник. Биробиджан, 2013.

5 Шкваровский И. Жизнь и творчество Шолом-Алейхема // Биробиджанская звезда. 1939. 9 апреля. С. 3.

6 Рабинков Г. Ривн Бурлес (отрывок из пьесы) // Биробиджанская звезда. 1941. 23 мая. С. 3-4.

ских сил. Журналисты газеты «Биробиджанская звезда» опубликовали ряд статей, которые восхваляли актерский состав. «Режиссеры спектакля Е. Гельфанд и Я. Розенфельд в этом спектакле показали себя мастерами сцены. Они проделали огромную творческую работу», — писали они⁷.

В спектакль было включено много массовых сцен, множество сложных мизансцен, которые получились красочными и осмысленными. Вникнув глубоко в идейную сущность пьесы, режиссеры методами сцены сделали выпуклым наиболее важное, ценное из содержания. И в результате с еще большей силой, чем в самой пьесе, зазвучал в спектакле мотив братского единства наций. Режиссеры сумели воодушевить своим замыслом и художника декоратора А. Шапина, который воссоздал с подлинностью еврейское местечко XIX в., типичную обстановку дома богача и хижин бедноты. Сложнее пришлось с музыкой, поскольку автор-композитор А. Бугачевский, единственный не местный участник созданного спектакля, не совсем верно, по мнению журналистов, оценил внутренний сюжет произведения⁸. Но эта проблема была решена благодаря длительной работе над постановкой спектакля, удалось создать музыкальные композиции, которые раскрывали содержание. В результате музыка не только сопровождала сцены, но и позволила глубже их прочувствовать, осмыслить.

Премьерный показ прошел с огромным успехом. Как писали журналисты, «все актеры, задействованные в спектакле, играли с большим творческим подъемом. Даже те, кто был задействован в массовых сценах, которым автор в уста вложил несколько фраз, играли с полной отдачей»⁹. В результате коллективу БирГОСЕТа удалось создать слаженный, сыгранный состав, направляющий все свои возможности на создание единого творческого организма.

Хотя пьеса, по мнению критиков, была не лишена «некоторых недостатков часто композиционного характера»: так, например, «действие разворачивается недостаточно энергично», — писали они¹⁰.

Анализируя работу главных актеров, задействованных в спектакле, можно констатировать следующее.

И. Гросс и Н. Койфман играли главного героя Тэвеле, но играли по-разному. В исполнении И. Гросса этот образ был чрезвычайно характерный и интересный. Ведь в пьесе Г. Рабинкова, при всем своем национальном своеобразии, Тэвеле напоминает горьковские типы купцов-хищников. «Хватка у него волчья, он хитер, как змея, изворотлив, как лиса». Именно эти особенности И. Гроссу удалось воплотить безукоризненно. В результате получился яркий образ социальной значимости. УН. Койфмана, как писали журналисты, образ Тэвеле был заметно «снижен», приглушен. «Актер, видимо, сознательно стремился не выделять особенно Тэвеле из его окружения. Но это стремление было ни чем не оправдано», — писали критики на страницах газеты «Биробиджанская звезда»¹¹.

Так же строго они оценили исполнителя роли Рувн Бурлеса, актера Я. Аброновича, который, напротив, как писали журналисты, «выделил своего героя из народной массы», хотя трактовка образа Бурлеса в спектакле показалась критикам не совсем соответствующей замыслу автора. Так, по замыслу Г. Рабинкова Рувн Бурлес представлялся натурой художественной и бунтарской. Он одаренный скрипач и композитор, человек сильный, страстный, волевой. В его лице местечковая беднота находит выразителя ее социального протеста, ее недовольства сложившимся образом жизни¹². Но внешне Рувн Бурлес, представленный на сцене театра, выглядел совершенно как представитель другой «породы». Он был разодет как концертный артист, в его движениях, походке отсутствовала достаточная простота и естественность, что не соответствовало ни его поступкам, ни характеру его речи — народной, простой, энергичной. Именно поэтому основные замечания критиков были к этому образу, в заключительных предложениях своих статей журналисты писали: «над образом Рувн Бурлеса, центральным и главным в спектакле, нужно еще поработать и актеру, и режиссерам»¹³.

7 Фридман Н. Указ. соч. С. 3.

8 Фридман Н. Указ. соч. С. 3.

9 Там же.

10 Там же.

11 Фридман Н. Указ. соч. С. 3.

12 Рабинков Г. Ривн Бурлес (отрывок из пьесы)// Биробиджанская звезда. 1941. 23 мая. С. 3-4.

13 Фридман Н. Указ. соч. С. 3.

Помимо актеров, сыгравших главные роли, журналисты выделили игру и других актеров театра. Так, «прекрасно сыграл роль отца Бурлеса, старого музыканта Симхэ, актер Ф. Аронес. Он тонко, с добродушием изобразил борьбу разных влияний на старика. Так, Симхэ ненавидит общинных заправил и боится их. Он всем своим существом тянется к бедноте, к их веселой жизни, но в то же время другая, мещанская среда, держит его»¹⁴. Данное противоречие Ф. Аронес смог показать с присущим ему тактом и профессионализмом.

Эту же роль музыканта Симхе сыграл актер И. Гершман, который играл не менее хорошо, сохраняя в основном те же черты образа, что были присуще игре Ф. Аронеса. Однако «некоторые тонкие и трудно уловимые штрихи, которыми Ф. Аронес делает образ Симхэ особенно привлекательным, в исполнении И. Гершмана отсутствовали»¹⁵. Оба актера работали в коллективе фактически с момента его существования, были его душой, может быть, поэтому они столь естественно вошли в образ музыканта Симхе.

Еще об одной роли, которая была не менее привлекательной и важной для большинства еврейских пьес, рисующих старый еврейский быт, которая также была в этой пьесе — роль «бадхена», балагура, сказителя на свадьбах. Есть он и в этом спектакле, играет его актер Ю. Котойнти. «Но и эту традиционную роль актер Ю. Котойнти сумел сыграть по-новому, создав своеобразную и очень интересную фигуру. Бадхен как будто посредничает между богатыми, в дома которых он вхож «по долгу службы», и беднотой, к которой принадлежит. В действительности он не посредник, а зоркое око и чуткое ухо лагеря бедноты во враждебном ему лагере богатей. Приподняв, таким образом, обычно только смешную фигуру бадхена, актер при этом избежал излишнего серьезничества, он играет живо, весело, смешно»¹⁶.

Колоритную, очень выразительную роль создал актер М. Желковер, как бы воплотив в нее всю грубость, деспотичность царского режима. Городничий в исполнении М. Желковера — фигура комическая, и в качественном воплощении

сочетания этих характеристик на сцене сказалось мастерство актера. М. Желковер был одним из возрастных актеров театра, за свою долгую творческую карьеру он сыграл множество ролей, и эта роль также стала одной из его лучших.

Несравнимо бледнее выглядел в спектакле другой представитель власти — помещик Судзиловский. Фигура крепостника-вольтерянца, ценителя искусств, секущего своих крепостных актеров, в пьесе занимала видное место, но на сцене она получилась маловыразительной. Не по силам, по мнению журналистов, оказалась и артистке Мельниковой роль крепостной актрисы Тони. «Хотя играла К. Мельникова просто, трогательно, но духовное богатство образа в ее исполнении частично теряется»¹⁷.

Одно из достоинств спектакля, как уже было сказано, состояло в том, что актеры не только основных ролей, но и второстепенных, исполняющие более или менее эпизодические роли, играли в полную силу, создав интересные, запоминающиеся сценические образы. Так, очень хороша была артистка А. Цилькер в роли девушки Хевкэ — прислуги в доме Тэвеле. Жуткую, чрезвычайно характерную фигуру Цалэ-Ноеха, цепного пса Тэвеле, создал актер М. Николаевский. Среди музыкантов из капеллы Бурлеса выделяется Ионтл в исполнении актера М. Шейна, который со значительным мастерством провел нелегкую роль двурушника, прикидывающегося другом Бурлеса, чтобы предать его главам общины. Запомнился жителям Биробиджана и актер А. Шувал в роли одного из музыкантов, и, особенно, в роли зятя Тэвеле.

Спектакль «Рувн Бурлес» был по достоинству оценен зрителями, как новая творческая победа биробиджанского театра. Он стал прекрасным завершением театрального сезона 1940–1941 гг. и предвестником новых творческих побед в будущем сезоне. Но жизнь в стране спустя месяц изменилась настолько, что эта безусловно талантливая работа коллектива будет забыта.

В июне Биробиджанский еврейский театр выехал на гастроли в Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре, включив в репертуар и спектакль «Рувн Бурлес»¹⁸.

14 Фридман Н. Указ. соч. С. 3.

15 Там же.

16 Там же.

17 Фридман Н. Указ. соч. С. 3.

18 Биробиджанский театр на гастролях // Биробиджанская звезда. 1941. 9 июня. С. 3.

Именно в Комсомольске-на-Амуре коллектив узнал о начавшейся Великой Отечественной войне. На смену мирной жизни придут суровые военные годы, что приведет к необходимости пересмотреть репертуар театра. На смену лирическим пьесам придут спектакли патриотического жанра.

Несмотря на это, творческий союз между еврейским писателем Биробиджана Г. Рабинковым и коллективом еврейского государственного театра им. Л. Кагановича имел качественные результаты. Уже после Великой Отечественной войны данный союз позволил поставить еще одну пьесу автора «В горах Крыма». Лишь изменение национальной политики, вызванной внешнеполитическими факторами, приведет к закрытию БирГОСЕТа и к аресту Г. Рабинкова. Несмотря на это, спектакль «Рувн Бурлес» войдет в историю еврейского театрального искусства советской страны.

Список литературы

1. Биробиджанский театр на гастролях // Биробиджанская звезда. 1941. 9 июня. С. 3.
2. Герцберг Б.Н. Годы далекие время близкое. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство, 1988. 124 с.
3. Герцберг Б. Новый сезон новые задачи // Биробиджанская звезда. 1939. 21 октября. С. 4.
4. Земля, на которой нам выпало жить. Литературно-краеведческий сборник / сост. Е.А. Кузнецова; худ. В. Цап. Биробиджан, 2013. 84 с.
5. История советского драматического театра: в 6 т. Т. 4. М.: Наука, 1968. 696 с.
6. Рабинков Г. Ривн Бурлес (отрывок из пьесы) // Биробиджанская звезда. 1941. 23 мая. С. 3–4.
7. Фридман Н. Творческая победа // Биробиджанская звезда. 1941. 8 июня. С. 3.
8. Шкваровский И. Жизнь и творчество Шолом-Алейхема // Биробиджанская звезда. 1939. 9 апреля. С. 3.

THE PLAY "RUVN BURLES" STAGED BY THE BIROBIDZHAN STATE JEWISH THEATER named AFTER L. KAGANOVICH

Gamalei Sofya Yuryevna

candidate of Historical Sciences

associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kazarmenny Lane, 15, Khabarovsk, Russia, 680030,

s.u.gamaley@mail.ru

Abstract

The article examines the features of a unique performance staged on the stage of the Birobidzhan State Jewish Theater – "Ruvn Burles" based on the play by the Birobidzhan writer G. Rabinkov, in 1941. The author of the article reveals the content of this revolutionary play in its meaning, the positive and negative aspects of the premiere production, which were reported in their articles by journalists. The article provides the names of the actors who played on the stage of the Jewish theater, analyzes the specifics of the images created on the stage. In conclusion, the author concludes about the undoubtedly important role that this performance played in the creative activity of the theater, confirming its high professionalism.

Keywords

Jewish Theater, the play "Ruvn Burles", directing, national culture, G. Rabinkov, E. Gelfand, J. Rosenfeld.

RAR
УДК 008
ББК 85.7

НОВЫЕ ФОРМЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ФОРТЕПИАННОЙ МУЗЫКИ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ КОНЦЕРТОВ К КОНЦЕПТУАЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ И МИНИ-ФИЛЬМАМ

Говар Наталья Алексеевна,
кандидат искусствоведения, профессор кафедры фортепиано
Российской Академии Музыки имени Гнесиных,
Зеленоград, корпус 2010, кв. 26, гор. Москва, 124365,
nataliagovar@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей современной фортепианно-исполнительской практики, где наряду с традиционными филармоническими концертами, происходит развитие новых форм популяризации академической музыки. Анализируя эти события с точки зрения их жанрового и содержательного наполнения, автор приходит к выводам о том, что среди наиболее перспективных форматов презентации академического искусства в условиях информационной эпохи – создание концептуальных программ на основе фортепианной миниатюры с привлечением возможностей литературы, театра, кино.

Ключевые слова

Популяризация академической музыки, фортепианно-исполнительская практика, фортепианная миниатюра, программы синтетического типа..

Наступление четвертой промышленной революции накладывает отпечаток на все сферы жизни. Радикальные изменения затрагивают также человеческое сознание, сталкивающееся в новой реальности с нарастанием информационного потока и одновременным снижением способности к его восприятию. «Испарению смыслов» (Ж. Бодрийяр) содействует распространение тотального интернета, когда непрерывный «скроллинг» новостных лент становится одним из знаков времени. Происходящие культурные трансформации сказываются, в том числе, на способах презентации музыкального искусства, обретающих в цифровую эру новые векторы развития, когда наряду с традиционными филармоническими концерта-

ми развиваются иные, более гибкие формы его популяризации. Но, прежде чем перейти к освещению наиболее актуальных тенденций в этой сфере, остановимся более подробно на этимологии ключевого понятия.

Анализируя различные типы взаимодействия исполнителя и публики, мы неизменно употребляем слово «концерт», включающее в себя наиболее общее его определение как «одну из сценических форм существования искусства»¹. Одновременно известно толкование концерта

1 Дуков Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры. – Москва: Классика-XXI, 2003. – С. 5.

в качестве «распространенного способа непосредственного общения артиста и публики»². Как следует из приведенных определений, данное понятие обладает многослойным семантическим полем, охватывая весьма разнообразный спектр явлений³.

Зарождение новых способов презентации академического искусства во многом обусловлено реалиями постмодернизма, стирающими «барьер между элитарным и массовым»⁴. В этой ситуации возникает культура нового типа — «middle culture» (В.Н. Сыров), объединяющая между собой явления академического и неакадемического искусства. Соответственно, условия бытования классической музыки существенно изменяются, что во многом отражается на способах ее презентации. Все чаще академические концерты приобретают черты шоу, театрализации, ярких праздничных мероприятий. Одновременно возникает и иной формат событий, когда высокое искусство оказывается погруженным в повседневную жизнь. Речь в данном случае идет о фоновой музыке на светских мероприятиях, в ресторанах или торговых центрах, когда классические произведения исполняют роль «фонодизайна» окружающего пространства, вне связи с изначально заложенными в ней идеями и смыслами»⁵.

Вместе с тем, сущностной задачей высокого искусства остается трансляция собственных ценностей. Поиск путей к слушателю — одна из «вечных» проблем академической музыки, обретающих особую остроту в XXI веке. В данном отношении представляется перспективным создание концептуальных программ синтетического типа с использованием возможностей родственных искусств — литературы, живописи, театра,

кино, где важное место принадлежит фортепианной миниатюре.

С чем это связано?

В условиях преобладания визуальной культуры и клипового сознания, существенным образом влияющих на процессы в цепочке «композитор — исполнитель — слушатель», значительную роль играет лаконизм художественного высказывания. Этот фактор актуализирует жанр фортепианной миниатюры, сущность которого раскрывается в афористичной формуле — «большое в малом»⁶. Его смысловая насыщенность обуславливает особый художественный строй: будучи жанром программным, обладающим многослойным семантическим полем, миниатюра эллипсична и метафорична по своей сути. Дуализм формы и содержания определяет композиционные особенности миниатюры, в которой музыкальная идея получает сжатое выражение. Данное качество позволяет рассматривать жанр как концентрат музыкального смыслообразования. Таким образом, специфическая фрагментарность миниатюры в сочетании с глубиной музыкально-семантического наполнения и программностью представляются решающими коммуникативными факторами в попытке краткого, но содержательного сообщения о творчестве композиторов различных направлений и школ.

В построении концертных программ, ориентированных на жанр миниатюры, на первый взгляд, нет ничего кардинально нового — пьесы присутствовали в репертуаре пианистов всегда — и в основном репертуаре, и в разделе сочинений, исполняемых «на бис». Однако не исключено, что в XXI веке наступает время концертных событий, состоящих целиком из пьес⁷ и даже их фрагмен-

2 Там же

3 В современный период времени, по мнению Е. В. Дукова, концерт как социокультурное явление заметно расширяет свои границы, вбирая в себя достаточно широкий спектр событий — от аудиовизуальных мероприятий до шоу, включающих выступления изобретателей или автомобилистов. См. об этом: там же. С. 5–11.

4 Сыров В. Н. Шлягер и шедевр (к вопросу об аннигиляции понятий) // Искусство XX века: Элита и масса: Сб. ст. / Ред.-сост. Б.С. Гецелев, Т.Б. Сиднева. — Н. Новгород: НГК им. М.И. Глинки, 2004. — С. 288.

5 Журкова Д. А. Искушение прекрасным. Классическая музыка в современной массовой культуре. — Москва: НЛО, 2016. — С. 19.

6 Назайкинский Е. В. Поэтика музыкальной миниатюры — URL: <http://www.21israel-music.com/Poetika.htm> (дата обращения 15.05.2023).

7 Назовем лишь некоторые события: концерт в государственном Музее-заповеднике г. Павловска «Николай Метнер и русская фортепианная миниатюра» в рамках XV-го международного фестиваля русского искусства «Петербургская Осень», 26.11.2016, исполнитель А. Чернов, сайт: <https://pavlovskmuseum.ru/news/events/1397/>; концерт в Зале органной и камерной музыки им. Дебольской в Сочи «Театр фортепианных миниатюр», 27.11.2018, исполнитель С. Вартамян, сайт: <https://vesti-sochi.tv/obshhestvo/59226-v-sochi-vystupit-teatr-fortepiannykh-miniatur>; концерт «Русская фортепианная миниатюра» в Музее А. Н. Скрябина в Москве, 23.01.2022, исполни-

тов. Так, французский пианист Пьер-Лоран Эмар в 2012 году представил публике программу с комментариями под названием «Коллаж-монтаж», включающую в себя несколько блоков — миниатюры, объединенные общей идеей (Д. Лигети, Б. Барток, А. Шенберг, А. Веберн, П. Булез); пьесы одного жанра различных эпох — три вальсы или три регтайма (И. Стравинский, Д. Бенджамин, С. Джоплин); комбинацию пьес, перетекающих одна в другую без перерыва (Т. Мюрай, А. Шенберг, Д. Куртаг, О. Мессиан, М. Равель, М. Мусоргский). Оценивая данную программу как экспериментальную, музыкант отмечал, что «это игра, но весьма серьезная, она побуждает к размышлению о времени, о соотношении пьес между собой, о нашем к ним отношении и о том, что можно с ними делать»⁸.

Одна из наиболее заметных тенденций отечественной концертной практики — возрождение традиций концертов во дворцах, усадьбах, музеях, памятных исторических местах, библиотеках. Изменение топографии событий нередко приводит к смещению репертуарных акцентов, способствуя возвращению в музыкальную культуру «забытых» и «потерянных» имен. Эта тенденция отражает особенности того антропологического поворота, о котором писал в конце XX века философ и культуролог А.В. Михайлов, констатируя все возрастающий интерес к сочинениям композиторов так называемого «второго ряда». Сочинения этих авторов, с точки зрения ученого, «стоят на своем месте и не могут быть пропущены, потому что пропуск их означал бы <...>, что мы совершенно бесосновательно выбрасываем что-то из истории <...> И вместо разделения музыки на шедевры и все остальное, на этом месте оказывается нечто гораздо более занимательное.

тель О. Приз, сайт <https://www.mosconsv.ru/ru/venue.aspx?id=153767>; концерт в Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова «Музыка путешествий. Фортепианные миниатюры», 04.08.2023, исполнитель — композитор и пианист Д. Жученко, сайт: <https://lermontovka-spb.ru/events/kontsert-muzyka-puteshestviy-fortepiannye-miniatury-/>; вечер фортепианной миниатюры в Музее П. И. Чайковского в Москве 22.09.2023, исполнитель Л. Терсков, сайт: <https://music-museum.ru/events/kontserty/vecher-fortepiannoj-miniatury.html?ysclid=ll2k67frii878652870>

8 Цит. по: Овчинников И. Пьер-Лоран Эмар: «У меня своя стратегия». — URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/interview/pierre-laurent-aimard-2012/> (дата обращения 28.08.2019).

А именно: художественные миры, разные, которые устроены внутри себя очень своеобразно, и где ничего нельзя пропустить, потому что если мы что-то пропустим, то этот мир плохо узнаем»⁹.

Благодатная почва для творческих поисков — музыкальная культура Серебряного века, созвучная нашему времени своим синкретизмом. В качестве примера, иллюстрирующего сказанное, приведем программу «Планеты и звезды Федора Акименко» с участием пианиста М. Мордвинова, состоявшуюся 5 февраля 2015 года в Малом зале Дома Русского зарубежья. В концерте прозвучали фортепианные циклы «Урания» (ор. 25, 1904) и «Звездные сны» (ор. 42, 1907), принадлежащие перу этого малоизвестного автора, последователя импрессионизма, увлеченного идеями французского астронома и писателя К. Фламариона. Исполнение сопровождалось рассказом Е. Кривцовой о творческой судьбе Акименко — композиторе, писателе, дирижере, пианисте, теоретике, педагоге, активном деятеле русской эмиграции, в ходе которого демонстрировались редкие документы, фотографии, картины. Примечателен и внешний антураж этого события: для организаторов мероприятия, состоявшегося в камерном зале с приглушенным освещением, было важно воссоздать атмосферу музыкального салона начала прошлого века.

Еще одним подтверждением тех изменений, о которых писал А.В. Михайлов, становится осмысление в жанре миниатюры путей отечественного искусства как некой целостности, любопытное своими неожиданными переходами от шедевров к малознакомым сочинениям. В этом смысле весьма показательна программа композитора и пианиста Алексея Чернова «Русская фортепианная миниатюра. Из XIX в XXI век» (Петербург, 2008), охватывающая репертуар широкого стилистического диапазона — от А. Рубинштейна, В. Ребикова, А. Скрябина и Ю. Буцко до миниатюр самого А. Чернова.

Другой пример концептуального подхода — программа «Вспомненные мотивы» композитора, музыковеда и пианистки Настасьи Хрущевой (Москва, 2020). В аннотации к данному событию говорится о том, что программа, представляющая собой «дайджест русской музыки XIX–XX

9 Михайлов А. В. Раздел III. Из лекций. Поворачивая взгляд нашего слуха /А. В. Михайлов. Языки культуры. — Москва: Языки культуры, 1998. — С. 857.

веков», состоит из фрагментов пьес П. Чайковского, Н. Метнера, Ю. Красавина, а также собственного произведения Н. Хрущевой «Русские тупики» (2018–2021). Остановимся на нем несколько подробнее.

Какие экзистенциальные смыслы содержит опус?

Комментируя заголовок, автор говорит об отсутствии в нем негативного наклона: «Это цикл о красоте, это рефлексия на тему музыки XIX века, признание в любви Чайковскому, это купание в бесконечных гармонических оборотах»¹⁰. Представляя собой постепенно разрастающийся цикл (на данный момент существует его третья версия), сочинение состоит из микропьес или, точнее, фрагментов с элементами классической гармонии XIX века, повторяющихся неограниченное количество раз. Цитаты как таковые отсутствуют, но все звуковое пространство «Русских тупиков», основанное на принципах копирования и самоцитирования музыкального материала, осеняют «тени» великих композиторов — Мусоргского, Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова. Проявления русского культурного кода многогранны: лирические эпизоды в соединении с соборностью, залихватской удалью, юродством. Примечательно, что с точки зрения своего фортепианно-стилевого облика, сочинение отражает идеи «нового салонного музицирования», предназначенного для ближнего круга слушателей.

В ряду многочисленных концертных событий отдельного упоминания заслуживают программы, ориентированные на детскую аудиторию. Рассуждая об их особенностях, популяризатор современной музыки пианист Геннадий Пыстин говорит: «Играть длинные сочинения в детской аудитории невероятно сложно... Поэтому мои мини-циклы современных композиторов длятся минут 10–12, максимум 15»¹¹. Пласт миниатюр, который выбирает исполнитель для своих концертов, часто связан с киномузыкой: в этом ряду и «Настроения» М. Таривердиева, и «Простая му-

зыка» Г. Канчели, благодаря узнаваемым интонациям воспринимающиеся как близкие и знакомые мелодии. Пропагандируя фортепианные пьесы А. Бызова, М. Броннера, Ю. Ащепкова, Ю. Шибанова, С. Кравцова, В. Пономарева, Э. Маркаича и др., музыкант размышляет о сближении исполнительской и композиторской практики, о специальной драматургической задаче, проявляющейся в умении «соединить, сконцентрировать и выстроить новую музыкальную форму из большого количества пьес одного автора, создать экстракт и новую последовательность контрастных состояний на маленьком промежутке времени»¹².

Обращаясь к детям, Г. Пыстин использует приемы театрализации фортепианного концерта. Исполнитель убежден: музыка должна иметь визуальную поддержку, благодаря чему музыкант превращается в лицедея, а аудитория — в соучастника театрального действия. Так, «Сказки» Гаврилина, где каждая из пьес предваряется кратким литературным сюжетом, становятся занимательным спектаклем, вовлекающим слушателей в его атмосферу.

Исследуя особенности популяризации фортепианной музыки на современном этапе, обратим внимание и на появление мини-фильмов с использованием мультимедийных возможностей. В частности, размещенные на онлайн-ресурсах видео, где звучат фортепианные этюды-картины «Суфий и Будда»¹³ и «Играем в нарды»¹⁴ российско-таджикского композитора Т. Шахиди в исполнении Е. Мечетиной, были созданы в сотрудничестве с иранским режиссером М. Бемани, обогатившим музыкальные тексты достижениями современных компьютерных технологий¹⁵. Эти киноэтюды (именно так называют создатели свои аудиовизуальные эксперименты, подчеркивая их принципиальное отличие от клипов) представляют собой маленькие фильмы, в которых

10 Цит. по: Малиновская Р.А. «Русская хтонь» Настасьи Хрущевой. – URL: <https://whitehall.spbstu.ru/media/news/culture/russkiy-khton-nastasi-khrushchevoy/> (дата обращения 20.03.2022).

11 Цит. по: Пыстин Г.А. Я играю там, где меня ждут. Интервью с Мариной Логиновой // PianoForum. – 2018. – № 4. – С. 70.

12 Там же

13 https://www.youtube.com/watch?v=oxLoxYsz_0E

14 <https://www.youtube.com/watch?v=KdV2H8aiHAU>

15 Примечательно, что появление этих сочинений совпало с пребыванием композитора в Тегеране в качестве преподавателя Университета изящных искусств, где состоялось его знакомство с режиссером и оператором М. Бемани. Их творческий тандем принес интересные плоды в виде киноэтюдов на музыку из мировой классики, а несколько позже и на музыку самого Шахиди.

фрагментарность микроэпизодов подчинена логике единого сюжета. Комментируя заложенные в них разнообразные экзистенциальные смыслы, в одном из интервью Т. Шахиди замечает, что «жизнь — игра в нарды, и встреча «Суфия и Будды» в пустыне случайна... Задушевная беседа скитальцев-дервишей закончилась внезапно так же, как и началась — вдруг все вокруг рассыпалось в песок...»¹⁶.

Представляя собой яркие образцы визуальной презентации академической музыки, мини-фильмы привлекают органичным соединением различных сфер искусства, дополняющих друг друга. «Сюжеты-символы», лежащие в их основании, заключают в себе широкий спектр образов, связанных с восточной и европейской культурами¹⁷. Особый интерес представляют цветовые решения: если в «Суфии и Будде» можно говорить о яркости и сочности красок, характерных в целом для иранского кинематографа, то «Играем в нарды» — взгляд художника-конструктивиста, заостряющий идею формы (кубик для игры в нарды, внешнее пространство, решенное в конструктивистском ключе); графические образы (преобладание черно-белого изображения); а также принципы движения, скорости, остигнатности, созвучные виртуозной стихии концертного этюда.

Появление другого мини-фильма связано с фортепианной миниатюрой О. Пайбердина *Ave, багатель*» (2008), посвященной пианистке Моне Хабе. Представитель новой консонантной музыки — благозвучной, стилистически отточенной и прозрачной, О. Пайбердин ищет пути коммуникации со слушателями, расширяя звуковые горизонты рояля XXI века: противопоставление контрастных регистров с заполнением верхнего в его хрустальном диапазоне трепетной вязью мелодических фигураций, напоминающих пение

птиц, не только создает ощущение особой свежести звучания, но и вызывает ассоциации с пространственными идеями визуального характера. И появление видеоряда — маленького фильма, в течение которого звучит эта фортепианная пьеса, представляется в данном случае естественным ее продолжением¹⁸.

Следует добавить, что композитор, активно работающий в сфере мультимедийного искусства, убежден, что в современную эпоху визуальные средства играют существенную роль в восприятии серьезной музыки, расширяя смысловые горизонты ее понимания. Так, основой «сюжета» его мини-фильма оказывается подмосковная природа — ее просторы, ощущение привольности, воздуха, рассматриваемые в медитативном ключе. Одним из символических его подтекстов становится дорога, в обобщенном плане представляющая собой дорогу к дому. Все эти смыслы — явные и скрытые, отсылающие к национальным архетипам и ментальным представлениям, — значительно обогащают восприятие слушателя, постигающего современную музыку — и шире — современный мир — сквозь призму фортепианного звучания.

Резюмируя сказанное, обобщим: данные формы популяризации фортепианной музыки содержат не только интересные идеи, касающиеся репертуарной части исполнительских программ, заметно обновляющихся в период XXI века. Их значение более объемно: стремление к философско-концептуальным решениям и синтетическим экспериментам, созвучным современности, становится свидетельством наступления нового этапа музыкальной культуры, когда формы преподнесения академического искусства выходят за рамки непосредственно музыкальных событий, превращаясь в познавательные историко-культурные акции.

16 Толиб Шахиди & Мехди Бемани: творческий тандем. — URL: <https://vipzoneonline.ru/people/portrait/110-tolib-shahidi-mehdi-bemani-tvorcheskiy-tandem.html>. (дата обращения 25.08.2023).

17 В целом, в творчестве Т. Шахиди, в музыке которого тесно переплетаются западноевропейские и фольклорные традиции, находит многогранное проявление идея синтеза культур. Так, в фортепианных сочинениях, преломляющих опыт романтического искусства (обращение к жанру этюда-картины, вдохновленного творчеством С. Рахманинова), несомненной самобытностью отличается интонационная сфера, основанная на восточном фольклоре.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. — Москва: Постум, 2017. — 240 с.
2. Дуков Е.В. Концерт в истории западноевропейской культуры. — Москва: Классика-XXI, 2003. — 254 с.
3. Журкова Д.А. Искушение прекрасным.

18 <https://www.youtube.com/watch?v=j9rHxpxCEHA>

Классическая музыка в современной массовой культуре. — Москва: НЛО, 2016. — 320 с.

4. Малиновская Р.А. «Русская хтонь» Настасьи Хрущевой. — URL: <https://whitehall.spbstu.ru/media/news/culture/russkiy-khton-nastasi-khrushchevoy/> (дата обращения 20.03.2022).

5. Михайлов А.В. Раздел III. Из лекций. Поворачивая взгляд нашего слуха /А.В. Михайлов. Языки культуры. — Москва: Языки культуры, 1998. — 912 с.

6. Назайкинский Е.В. Поэтика музыкальной миниатюры — URL: <http://www.21israel-music.com/Poetika.htm> (дата обращения 15.05.2023).

7. Овчинников И. Пьер-Лоран Эмар: «У меня своя стратегия». — URL: <https://www.classicalmusicnews.ru/interview/pierre-laurent-aimard-2012/> (дата обращения 28.08.2019).

8. Пыстин Г.А. Я играю там, где меня ждут.

Интервью с Мариной Логиновой // PianoForum. — 2018. — № 4. — С. 70.

9. Сыров В.Н. Шлягер и шедевр (к вопросу об аннигиляции понятий) // Искусство XX века: Элита и массы: Сб. ст. / Ред.-сост. Б.С. Гецелев, Т.Б. Сиднева. — Н. Новгород: НГК им. М.И. Глинки, 2004. — С. 280–288.

10. Толибхон Шахиди. Времен контрасты. Интервью, статьи, письма, фотографии: сб. статей / под ред. Л. Джумановой. — Москва: Композитор, 2014. — 120 с.

11. Толиб Шахиди & Мехди Бемани: творческий тандем. — URL: <https://vipzoneonline.ru/people/portrait/110-tolib-shahidi-mehdi-bemani-tvorcheskiy-tandem.html>. (дата обращения 25.08.2023).

NEW FORMS OF PIANO MUSIC POPULARIZATION: FROM TRADITIONAL CONCERTS TO CONCEPTUAL PROGRAMS AND MINI-FILMS

Govar Natalia Alekseevna,

PhD in Arts Professor at the Department of Piano

Gnesin Russian Academy of Music

nataliagovar@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the features of modern piano-performing practice, where, along with traditional philharmonic concerts, new forms of popularization of academic music are developing. The paper emphasizes that in the conditions of the predominance of visual culture and clip thinking, laconism of artistic expression is of special importance. This factor actualizes the genre of piano miniature, the principle of which is revealed in the aphoristic formula – «big in small». Among the most modern formats for the presentation of academic art are programs of a synthetic type with the involvement of the possibilities of literature, theater, cinema, philosophical and conceptual solutions and mini-films, indicating the onset of a new stage in musical culture, when concert events turn into educational historical and cultural events.

Keywords

popularization of academic music, piano performance practice, piano miniature, synthetic programs.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RAR
УДК 069
ББК 79.1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЕВ ГОРОДА ИРКУТСКА В XIX — НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Саяпарова Екатерина Владимировна,

кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии, социологии и истории,
Иркутский аграрный государственный
университет им. А.А. Ежевского,
Российская Федерация, 664038, Иркутская область,
Иркутский район, п. Молодёжный,
morok_vv.ev@mail.ru

Аннотация

Информирование широкой общественности о деятельности музеев является одним из основных инструментов эффективного привлечения посетителей. В XIX — начале XX века, в отсутствие четко разработанной структуры связей с общественностью, периодическая печать играла ключевую роль в освещении различных аспектов музейной работы. Для региональных музеев такие публикации, наряду с трудами исследователей и ученых, выступали средством привлечения общественности к своей работе, музейным коллекциям и отдельным экспонатам, а также существующим проблемам..

Ключевые слова

Музеи Сибири, историко-культурное наследие, историческая память, периодические издания, музейное обозрение, социокультурное пространство.

Изучение социокультурного пространства регионов в XIX — начале XX века представляет безусловный интерес для современного исследователя. Наряду с библиотеками, музеи являются

одним из ключевых элементов социокультурного пространства, их деятельность выступает важнейшим инструментом в деле сохранения исторической памяти народа, историко-культурного

наследия. Помимо непосредственной и определяющей функции сохранения, изучения и трансляции коллекций, музеи всегда представляли собой образовательные и просветительские институты, деятельность которых оказывала влияние на культурную парадигму, придавая ей устойчивость, ненавязчиво, но эффективно пропагандируя исторические взаимосвязи и патриотические настроения.

Стоит отметить, что развитию музейного дела Восточной Сибири посвящены труды ученых, сотрудников музеев, однако предназначались они для узкого круга специалистов. Отдельный интерес представляет информирование широкой общественности о функционирующих учреждениях культуры посредством периодической печати. Необходимо упомянуть о том, что публикации региональных изданий в большей степени посвящены деятельности библиотек, что можно объяснить как наличием большего количества проблем в сфере библиотечного дела, так и все увеличивающейся популярностью чтения среди населения. Анализ публикационной активности периодических изданий города Иркутска и Восточной Сибири показал наличие весьма скромного количества материалов, посвященных музеям, в отличие от числа статей, раскрывающих различные аспекты развития библиотечной сферы региона.

Цель данной статьи — представить обзор материалов периодической печати конца XIX — начала XX в., так или иначе упоминающих музеи, чтобы составить понимание уровня осведомленности населения о деятельности музеев в указанный период. Одним из главных факторов, определяющих востребованность учреждений и организаций культуры, является уровень информированности их целевой аудитории о направлениях деятельности. Связи с общественностью — «Public relations», являясь неотъемлемым элементом деятельности современных музеев, включают в себя, в том числе такие пункты как реклама в средствах массовой информации. И хотя сам термин «связи с общественностью» появился только в 1948 году¹, а специальные отделы, целенаправленно занимающиеся выстраиванием отношений между музеем и его общественностью, стали функционировать значительно поз-

же, в рассматриваемый период времени прямая взаимосвязь между популяризацией музеев и их аудиторией определялась поддержанием интереса к их деятельности посредством публикаций в прессе того времени.

Иркутский музей, созданный в 1782 г., в 1854 г. был передан Сибирскому отделению Императорского Русского географического общества (с 1877 г. — Восточно-Сибирский отдел Географического общества)². Большой интерес представляет ряд публикаций о нем в периодической печати, достаточно всесторонне освещающих аспекты его деятельности. Так, в «Известиях Иркутской городской думы» 1888 года в № 23 от 17 декабря размещен материал, объясняющий читателям цели и задачи музея, и определяющий его роль, прежде всего, как научной базы, предоставляющей широкий спектр возможностей для молодых исследователей, а также центром удовлетворения любознательности населения. В публикации отмечается, что две эти цели зачастую не совпадают, а иногда противоречат друг другу, что вызывает споры среди администрации музея, так как ярко выраженный дуализм в области задач, стоящих перед музеем, требует принципиального иного подхода к их осуществлению. С одной стороны, администрация музея, в рамках обеспечения потребностей ученых, должна, в первую очередь, заботиться о максимально полном собрании необходимых коллекций образцов местной природы и культуры. С другой стороны, в качестве образовательного учреждения музей обязан давать исчерпывающее представление о природе и жизни всей планеты. Далее отмечается, что Отдел никогда не упускал из виду общеобразовательного значения музея для местного населения, проводя политику открытых дверей и доступности посещения для всех слоев населения, однако это не является задачей первостепенной важности; наиболее приоритетной целью является развитие географических познаний о крае посредством снаряжения ученых экскурсий, разработки собранных ими коллекций и публикация их результатов³.

1 Электронный ресурс PR-info: режим доступа: <https://pr-info.ru/PRУспех.htm> (Дата обращения: 16.12.2023)

2 Родионова Т. В. Г. Н. Потанин и музей Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. Серия История. - №2, 2011. - С. 91-92

3 Известия Иркутской городской думы. - 1888, 17 дек. - Иркутск, 1886-1913. - № 23. - С. 419-466. (С. 439).

Любопытной представляется публикация, посвященная пополнению музейных коллекций, в том числе некой курьезной ситуации, возникшей при перевозке экспонатов, отправленных в Париж для участия во Всемирной выставке 1887 года. В перечень предметов входили: байкальские неводы, модели различных сетей и неводов, чучела птиц и зверей, шкурки, большой валун зеленого нефрита с верховьев р. Белой и этнографические коллекции. Казус заключался в том, что часть экспонатов оказалась перепутана; вместо чучела байкальской нерпы получено чучело большого морского тюленя, также вместо одного из байкальских получен морской невод. Многие экспонаты, особенно чучела, пострадали во время перевозки и требуют большого ремонта. Здесь же выражалась уверенность автора статьи в том, что, несмотря на все возникшие проблемы, после реставрационных работ пострадавшие коллекции пополнят музей и, в скором времени, будут доступны вниманию публики непосредственно ко дню открытия музея, 15 сентября⁴.

В одном из номеров газеты «Иркутские губернские ведомости» размещен доклад комиссии об устройстве Восточно-Сибирской научно-промышленной выставки и расширении музея в г. Иркутске общему собранию ВСОИРГО, разъясняющий идею о расширении музея и устройстве новой выставки. Члены Восточно-Сибирского отдела географического общества, как поясняется в тексте доклада, решили реорганизовать музейное пространство подобно тому, как это сделало Уральское общество любителей естествознания в Екатеринбурге. Одной из причин стало осознание необходимости не увеличения числа экспонатов, но пересмотра задач музея, которые предлагалось существенно расширить. Кроме того, постепенно назрела необходимость единовременного обзора естественных богатств, производительных сил, промышленности и культуры района, являвшихся предметом изучения общества любителей естествознания. Аналогичные соображения привели к мысли об организации научно-промышленной выставки, в связи с чем история

организации и результаты работы уральско-сибирской выставки в Екатеринбурге представляли особый интерес для членов Отдела...»⁵.

На старицах следующего номера издания представлено продолжение темы, посвященное проблемам, стоящим перед музеем. По мнению специалистов ВСОИРГО начала XX в., Иркутский музей обладал недостаточным объемом коллекций для формирования у посетителей полного понятия о крае, результатом чего стало отсутствие сведений о деятельности населения, о типичных, самых распространенных явлениях, предметах и действиях. Отмечалось, что Иркутск является городом привлекательным для путешественников, в том числе как интеллектуальный и наиболее крупный центр, обладающий музеем и книгохранилищем, собравшими сведения о Восточной Сибири. Далее шло обоснование экспозиций, посвященных промышленности, а сам музей определялся как естественно-исторический, в то же время отмечалось, что он располагает интересными и ценными минералогическими, геологическими, археологическими и другими коллекциями⁶.

В заметке от 1905 г. отмечается качественная постановка музейного дела в Иркутске, налаженное под руководством Д.Л. Иванова «музейное дело Восточно-Сибирского отделения Географического Общества получило надлежащую постановку, был приглашен консерватор музея человек со специальным образованием и солидной подготовкой»⁷.

Музей ВСОИРГО активно занимался просветительской работой с молодежью, получающей образование, на базе учреждения позволительно было проводить учебные лекции специалистам, не являющимся членами общества, а приглашаемым со стороны. Заметка от 1908 г. посвящена посещению музея курсистами Духовной семинарии с образовательными целями. Экскурсантам были прочитаны лекции по геологии, зоологии, антропологии, археологии и этнографии, а также о культуре каменного века с демонстраци-

4 Восточное обозрение: газета литературная и политическая. – 1901, 12 авг. – Иркутск, 1882–1906. – № 179. – 4 с. (С. 2).

5 Иркутские губернские ведомости. – 1901, 6 нояб. – Иркутск, 1857–1919. – № 242. – 4 с. (С. 2).

6 Иркутские губернские ведомости. – 1901, 7 нояб. – Иркутск, 1857–1919. – № 243. – 4 с. (С. 2).

7 Иркутские губернские ведомости. – 1905, 24 февр. – Иркутск, 1857–1919. – N 3996. – 4 с. (С. 2).

ей наглядного материала: орудий труда, оружия и украшений⁸.

Музей ВСОРГО выполнял функции лектория не только для учеников, но и для профессионалов, повышающих свою квалификацию. Большое распространение имели лекции практической педагогики, например, 18–19 марта 1912 г. под руководством учителя И.Л. Симанинова в зале музея прошла серия лекций, затрагивающих такие аспекты педагогической деятельности как детская психология, технологии преподавания русского языка и литературы, особенности освоения грамматики школьниками, развитие творческих способностей у детей и т.д. О чем был помещен материал в издании «Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная»⁹. В этом же издании, но уже за 1913 год, находим небольшую заметку, гласящую: «В субботу, 22 июня, музей отдела географического Общества осматривали экскурсанты, гимназисты 4-й варшавской гимназии и калишской. Всех учащихся было 24 из разных классов не ниже 6. Едут они в Японию под руководством директора 4-й варшавской гимназии г. Никонова... Объяснения экскурсантам давали М.П. Овчинников и консерватор музея Н.Н. Богородский»¹⁰.

Понятен интерес прессы к главному музею города и региона, значимость которого лишь подчеркивается постоянным вниманием к его деятельности. Развитие музейного дела в регионе происходило постепенно, долгое время Иркутский музей являлся единственным, в дальнейшем, с открытием других музеев, его роль продолжала оставаться ведущей, и во многом он продолжал влиять на музейную политику региона.

Заметок в периодической печати, посвященных другим иркутским музеям, не так много, главным образом они раскрывают небольшие эпизоды из жизни последних.

При Иркутской духовной семинарии вел свою деятельность минералогический музей. Заметка от 1899 г. в «Иркутских епархиальных ве-

домостях» содержит сведения о посещении музея военным министром, генерал-лейтенантом А.Н. Куропаткиным. Во время посещения ректором Семинарии были представлены наставники и учащиеся, представлен доклад о составе и количестве воспитанников, целях и задачах семинарского образования. Был проведен осмотр ученических помещений, спален и учебных кабинетов, а также библиотечного зала, в котором был расположен минералогический музей, обладавший предметами буддийского и шаманского культа, вызвавшими особый интерес сановного экскурсанта, оставившего запись в книге почетных посетителей¹¹.

Примечательно, что профессионалы из сферы педагогики и равнодушные представители общественности неоднократно указывали на необходимость создания в Иркутские специализированного педагогического музея. Вопросам о необходимости создания на территории Иркутска педагогического музея посвящен ряд материалов. В Иркутске в рамках летней Детской площадки периодически проводил мероприятия педагогический подвижной музей, о чем свидетельствует письмо председателя общества «Просвещение» И. Федорова в редакцию газеты «Восточная заря»: «...на площадке был устроен «детский праздник», прошедший весьма оживленно. Подвижной педагогический музей все лето был открыт для обозрения публики»¹². Однако, результативность деятельности указанного музея, как и самой организации, весьма спорная, т.к. в прессе «Просвещение» он подвергается критике, в частности, из-за своей «инертности» и неумения заинтересовать широкую публику. И. Федоров, в ответ на критические замечания, отмечает, что проблемы деятельности общества во многом связаны с ограниченным объемом бюджетных средств и неоднородным контингентом населения, различным уровнем знаний людей и присущим определенной части публики индифферентизмом.

В 1910-х гг. в Сибири начинает зарождаться новая тенденция в сфере музейного дела, поддержанная, впрочем, далеко не всеми пред-

8 Иркутские епархиальные ведомости. – 1908, 15 февр. – Иркутск :Типография А. А. Сизых, 1863–1918. – 142 с. (С. 118).

9 Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная. – 1912, 17 марта. – Иркутск, 1910–1913. – N 357. – 4 с. (С. 2).

10 Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная. – 1913, 25 июня. – Иркутск, 1910–1913. – N 61. – 4 с. (С. 2).

11 Иркутские епархиальные ведомости. – 1899, 1 нояб. – Иркутск: Типография А. А. Сизых, 1899. – № 21. – 675-706 с. (С. 696).

12 Восточная заря: газета политическая, общественная и литературная. – 1909, 26 авг. – Иркутск, 1909–1910. – № 104. – 4. (с. 2).

ставителями иркутской общественности. Неоднократно поднимался вопрос о создании специализированного музея для переселенцев на территории Иркутска, данному вопросу, в частности, был посвящен пространственный материал в одном из номеров издания «Сибирский край: газета политическая, общественная и литературная»: «Никто, даже самый оптимистически настроенный чиновник переселенческого управления того или другого района, не исключая и главного управления, оперируя тем цифровым материалом, каким располагает переселенческое ведомство, не решится утверждать, что дело заселения Сибири «добровольными» переселенцами из Европейской России идет без сучка и задоринки... Положение переселенческого дела <...> прийти переселенцу на помощь специальных показательных музеев, в которых будут собраны предметы (характерные) по отделам: естественно-историческому, почвенному, сельско-хоз. и др. то есть то, что, по мысли организаторов такого музея, дает переселенцу такое представление о местности, чтобы они могли совершенно сознательно остановить свой выбор на том или другом сибирском участке. Отрицать пользу таких музеев, конечно, нельзя: они будут ценны не только для переселенцев... <Однако> ни один музей не в состоянии заменить личного осмотра местности, да, кроме того, все ли переселенцы могут воспользоваться благами музея... Нет, при безграмотности большинства переселяющихся, делу не поможет не только музей, но и брошюры с подробным и добросовестным описанием отводимых под переселение долей... Тут нужно что-то другое, более развлекательное...»¹³.

Действительно, процесс познания может продвигаться более эффективно, с использованием элементов развлекательной культуры и привлечением интерактивных технологий. В Иркутске, в описываемый период времени, действовали так называемые передвижные музеи, неизменно пользовавшиеся популярностью у публики, деятельность которых не вполне соответствовала традиционной, они представляли собой по сути аттрактивные учреждения с функциями музеев. В начале XX века в иркутских периодических из-

даниях большую рекламу получил расположившейся на углу Большой и 3 Солдатской улицы передвижной Музей Паноптикум Г.О. Иванова, работающий ежедневно с 10 утра до 11 вечера. Музей состоял из пяти отделов и содержал в себе массу интересного, приглашал всех желающих посетить свои залы и увидеть «множество предметов этнографии, эмбриологии и хирургии». Публику приглашали посмотреть на весьма экстравагантные экспонаты, так, например, в объявлении за 21 ноября 1910 г. отмечается: «в панораме новая роскошная перемена художественной картины «Инквизиция 1435 г. При музее бесплатно в электрическом театре будут демонстрироваться похороны графа Льва Николаевича Толстого. И много других интересных картин. Картины меняются каждые три дня. Анатомическое отделение только для взрослых, для дам — по пятницам». Кроме того, в театре при музее выступали весьма необычные артисты, например, иркутяне имели возможность увидеть «самого маленького человека в мире» — Матрену Степановну Елманову, рост которой достигал 17 вер. при возрасте в 19 лет. Стоимость билета за вход в музей и театр составляла 30 к. Желающие посетить анатомическое отделение должны были доплатить 15 к. Детям до 10 лет, учащимся форме и воинским нижним чинам предоставлялись льготы¹⁴.

Подобным учреждением был Интернациональный музей, периодически прибывавший в Иркутск и размещавшийся на Тихвинской площади. Музей имел собственное летнее помещение и принимал посетителей с 10 часов утра до 11 часов вечера и также специализированный на организации в большей степени развлекательных мероприятий, чем на проведении образовательной работы с населением. По праздникам иркутяне ждали бесплатные шоу, например, можно было посмотреть на то, как диковинные гости поднимают предметы в воздух, не касаясь их руками или увидеть первого Человека машину¹⁵.

Заметки о культурно-просветительской работе на территории Иркутска появлялись на страницах периодической печати достаточно редко.

13 Сибирский край: газета политическая, общественная и литературная. – 1912, 16 июня. – Иркутск, 1912. – 4 с. (С. 1).

14 Иркутская копейка: газета политическая, общественная, литературная и сатирическая. – 1910, 21 нояб. – Иркутск, 1910–1910. – N 20. – 4 с. (С. 1).

15 Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная. – 1911, 13 апр. – Иркутск, 1910–1913. – N 84. – 4 с. (С. 1).

Из всего массива изданий той поры можно вычленишь лишь критически небольшое количество публикаций, посвященных этому вопросу. В одном из номеров газеты «Молодая Сибирь: газета политическая, общественная и литературная» за 1912 год предлагается одно из возможных объяснений данному явлению. В публикации аргументируется постулат, что открытое проявление культурно-просветительной деятельности среди рабочих присуще лишь Петербургу. Причины этого находятся, главным образом, в сложившихся условиях русской действительности, поскольку провинциальная администрация каждую попытку проявления общественной инициативы в самодеятельности трактует как повод к потрясению основ российского общества и предпринимает ряд законных и незаконных мер с целью пресечения и предупреждения. Также указывается и другая немаловажная причина подобной тенденции, а именно, отсутствие упорного стремления со стороны заинтересованных групп общества использовать представленные им законом рамки для проявления самодеятельности. Немаловажной проблемой представляется недостаток в провинции интеллигентских сил, способных обслуживать культурно-просветительские учреждения. Отмечается, что в Сибири «по части культурно-просветительской деятельности дела обстоят еще хуже, чем в России, а между тем нужда в ней чувствуется гораздо более, чем где бы то ни было, особенно в промышленных центрах»¹⁶.

Таким образом, скудость и недостаточность информации, публикуемой в прессе указанного периода, безусловно, создает дефицит сведений не только о музейном деле Иркутска, но и о недостатке интереса к культурной жизни города, немаловажной частью которой являлись музеи, со стороны администрации, не поощрявшей прессу к широкому освещению событий происходящих в данной сфере. Как уже было сказано выше, развитие библиотечного дела в регионе подвергалось куда более тщательному освещению, что подтверждается, в том числе, материалами периодической печати этого времени. Основным источником информации о деятельности музеев оставались труды исследователей ВСОИРГО, ученых, краеведов, этнографов и т.д. Однако все

выявленные материалы, опубликованные в периодической печати того времени, достаточно разнообразны. Стоит отметить, что особое внимание было приковано к музею ВСОИРГО, долгое время остававшемуся единственным и ведущим музеем в регионе. Периодическая печать сыграла свою роль в освещении музейной деятельности и является ценным источником сведений о деятельности музеев.

Список литературы

1. Восточная заря: газета политическая, общественная и литературная. – 1909, 26 авг. – Иркутск, 1909–1910. – № 104. – 4. (с. 2).
2. Восточное обозрение: газета литературная и политическая. – 1901, 12 авг. – Иркутск, 1882–1906. – № 179. – 4 с. (С. 2).
3. Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная. – 1911, 13 апр. – Иркутск, 1910–1913. – N 84. – 4 с. (С. 1).
4. Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная. – 1912, 17 марта. – Иркутск, 1910–1913. – N 357. – 4 с. (С. 2).
5. Голос Сибири: газета политическая, общественная и литературная. – 1913, 25 июня. – Иркутск, 1910–1913. – N 61. – 4 с. (С. 2).
6. Известия Иркутской городской думы. – 1888, 17 дек. – Иркутск, 1886–1913. – № 23. – С. 419-466. (С. 439).
7. Иркутская копейка: газета политическая, общественная, литературная и сатирическая. – 1910, 21 нояб. – Иркутск, 1910–1910. – N 20. – 4 с. (С. 1).
8. Иркутские губернские ведомости. – 1901, 6 нояб. – Иркутск, 1857–1919. – № 242. – 4 с. (С. .2).
9. Иркутские губернские ведомости. – 1901, 7 нояб. – Иркутск, 1857–1919. – № 243. – 4 с. (С. 2).
10. Иркутские губернские ведомости. – 1905, 24 февр. – Иркутск, 1857–1919. – N 3996. – 4 с. (С. 2).
11. Иркутские епархиальные ведомости. – 1899, 1 нояб. – Иркутск: Типография А. А. Сизых, 1899. – № 21. – 675-706 с. (С. 696).
12. Иркутские епархиальные ведомости. – 1908, 15 февр. – Иркутск: Типография А.А. Сизых, 1863–1918. – 142 с. (С. 118).
13. Молодая Сибирь: газета общественно-политическая и литературная. – 1912, 20 окт. – Иркутск, 1912. – № 28. – 4 с. (С. 1).
14. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин и музей Восточно-Сибирского отдела Императорского

16 Молодая Сибирь: газета общественно-политическая и литературная. – 1912, 20 окт. – Иркутск, 1912. – № 28. – 4 с. (С. 1).

русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. Серия История. – №2, 2011. – С. 91-92.

15. Сибирский край: газета политическая, общественная и литературная. – 1912, 16 июня. – Иркутск, 1912. – 4 с. (С. 1).

ACTIVITIES OF MUSEUMS OF THE CITY OF IRUKTSK IN THE XIX — EARLY XX CENTURIES (BASED ON MATERIALS OF PERIODICAL PRESS)

Ekaterina Vladimirovna Sayaparova

PhD (History), Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Sociology and History,
Irkutsk State Agrarian University
named after A. A. Ezhevsky
Molodezhny village, Irkutsk region,
Irkutsk district, Russian Federation, 664038
morok_vv.ev@mail.ru

Abstract

Informing the general public about the activities of museums is one of the main tools for effectively attracting visitors. At the turn of the century, in the absence of a clearly developed public relations structure, periodicals played a key role in publicizing various aspects of museum work. For regional museums, such publications, along with the works of researchers and scientists, acted as a means of popularizing the public about their work, museum collections and individual exhibits, as well as existing problems.

Keywords

Museums of Siberia, historical and cultural heritage, historical memory, periodicals, museum review, sociocultural space.

RAR
УДК: 069.01
ББК: 79.19

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ИКОН ЧИСТОГО УКРАИНСКОГО ТИПА КИЕВСКОЙ ИКОНОПИСИ» НА СЛОБОЖАНЩИНЕ

Краснова Ирина Владимировна,
соискатель Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
ул. Космонавтов, д. 2, г. Москва, Россия, 129366,
krasnova_i@mail.ru

Аннотация

Слобожанская икона — одна из духовных составляющих геокультурного пространства России. Благодаря первым исследователям церковного искусства Слобожанщины, находившим ее истоки в киевской иконописи, она была причислена к украинскому искусству, что в настоящее время является парадигмой. Цель статьи: используя методы исторического анализа, рассмотреть события XVII–XVIII вв., происходящие на территории Малороссии и Слобожанщины, и определить влияние киевской иконописной школы на развитие иконописного искусства Слобожанщины.

Сравнительный анализ доказал, что Киевская иконопись, находясь во власти униатских священников с XVI по XVII вв., развивалась под сильным влиянием католической церкви и её искусства и только с XVIII в. — под русским, а Слобожанская — формировалась в лоне русской православной церкви и испытывала те же изменения, что и русская.

Ключевые слова

Слобожанщина, Киев, иконы, православие, униаты, католицизм.

Начало изучения церковного искусства Слобожанщины положили такие исследователи конца XIX нач. XX в. как Е.К. Редин, Д.И. Богалей, Н.Ф. Сумцов, П.Г. Фомин. Делая упор на том, что на Слобожанщине в XVII–XVIII вв. были сильны миграционные процессы, названные колонизацией, они автоматически причислили ее религиозное искусство к заднепровскому или украинскому. Так, по результатам выставки XII Археологического съезда было определено, что памятники живописи церковью Харькова и Слобожанщины в целом, «примыкают к южнорусской или малорусской живописи (здесь — киевской прим. автора И. Красновой), которая,

находясь под сильным влиянием западной живописи эпохи Возрождения, подражает ее образцам, копирует их, но не рабски, а внося местные черты, типы»¹. Поэтому цель статьи — определить, могла ли киевская иконопись XVII–XVIII вв. влиять на развитие слобожанской и в чем это влияние выражалось.

Слобожанщина на протяжении XVI–XVIII в. являлась основным форпостом русского государства, ставившим заслон ордам крымских ханов

1 Редин Е.К. Храмы города Харькова. – 2-е изд, испр. и доп. – ХХЧМУГУ, Изд. САГА, 2006, 108 с. Акты Южной и Западной России, Т. 3. С. 65 – 66.

на южных рубежах, польскому вторжению на западе и ногайским ордам на востоке. Изначально она формировалась как военная территория, на которой строились засечные черты, возводились монастыри и крепости. Сюда под защиту русского царя стекалось православное население из Речи Посполитой, а с конца XVII в. переселялись целые казачьи полки, которые вместе с русскими сторожевыми отрядами охраняли южные рубежи России. В своем исследовании «История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905)» Д.И. Багалея и Д.П. Миллер, говоря о черкасах, переселившихся на Слобожанщину, пишут о том, что не было в их военной среде художника и негде было им купить готовых икон.

В XVIII в. население Слобожанщины росло за счет переселенцев из Западной Европы и разных областей России.

В XVII начале XVIII вв. наблюдается всплеск церковного строительства на Слобожанщине, что повлекло за собой развитие церковного искусства. Еще в XVI в. в Москве были созданы специальные ремесленные мастерские, которые обеспечивали всеми необходимыми церковными принадлежностями вновь построенные церкви и монастыри на окраинных и вновь присоединённых территориях Московского царства. Благодаря такой поддержке и помощи в Белгородской епархии, в которую входила вся Слобожанщина, к 1667 г. было построено 300 православных церквей, а в 1679 г. — их насчитывалось уже 542. В 1721 г. только в Харьковской губернии насчитывалось 86 церквей, а к концу XIX в. их было около 1000. «Некоторые из них уже к половине XVIII в. достигли цветущего состояния, отличались обширным благоустройством, многочисленными архитектурными и богатыми храмами, драгоценною и оригинальных типов утварью, своеобразною иконописью»². В 1726 г. в Харькове было открыто первое высшее учебное заведение — Харьковский Коллегиум. В 1768 г. под руководством академика И. Саблукова в нём начата целенаправленная подготовка живописцев по программам Императорской Академии художеств³. К сожалению, памятников

церковного искусства Слобожанщины до сегодняшнего дня практически не сохранилось.

П.Г. Фомин писал, что, переселяясь на Слобожанщину, черкасы и казаки приносили с собой из Заднепровья не только свой скарб, но иконы, иконостасы и даже церкви. Это позволило ему сделать вывод, что все созданное на Слобожанщине искусство имеет украинское (заднепровское) происхождение. В развитие этой теории в отношении слобожанской иконы появляются и закрепляются в научной литературе такие термины, как «черкасский стиль», «малороссийский характер живописи», которые «потом сказались и в направлении местной слободско-украинской иконописи»⁴. Эти идеи проходят красной линией во всех исследованиях XX и XXI вв.: С.А. Таранущенко, Л.Д. Соколюк, Д. Степовик, В.Г. Пуцко, В.С. Немцовой, В.В. Шулики, Т.В. Панёк и др. Они никогда не подвергались сомнению и пересмотру, а в настоящее время стали особенно популярны на Украине. Например, Д. Степовик, пишет: «когда Украина и Киев находились под унией, и православие преследовалось поляками, в Киеве — процветало иконописное искусство, мастера которого создали свою неповторимую иконописную школу, которая стала духовно-культурным центром всей Украины». А «киевский вариант стиля барокко распространяется на всё Приднепровье, достигает также Подолья и униатскую Волынь, левобережную Полтавщину, Слобожанщину, Черниговщину, Северщину и соседнюю Белоруссию»⁵.

Для того, чтобы разобраться, что собой представляли «*иконы чистого украинского типа киевской иконописи*»⁶ XVII в., обратимся к анализу исторических событий на территории Заднепровья и Киева.

жанщине // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. – 2003. – № 1. – С. 24-35. DOI: 10.32340/2949-2912-2023-1-24-35.

2 Фомин П.Г. Церковные древности Харьковского края /П.Г. Фомин. – Х.: ХЧМГУ 2011. – 237 с.

3 Краснова, И. В. И.С. Саблуков – «жертва царских вельмож» или основатель художественной школы на Слобо-

4 Фомин П.Г. Церковные древности Харьковского края /П.Г. Фомин. – Х.: ХЧМГУ 2011. – 237 с.

5 Степовик Дмитро. Історія української ікони Х – ХХ століть. Вид. 2-ге, стереотип. – К.: Либідь, 2004. – 440 с; іл. ISBN 966-06-0309-6 – URL: <https://ru.djvu.online/file/eFHG5H9Kcx9HI>(дата обращения 16.04.2023).

6 Фомин П.Г. Церковные древности Харьковского края /П.Г. Фомин. – Х.: ХЧМГУ 2011. – С. 135.

С 1324 г. Малороссия была включена в состав Литовского княжества, а по результатам Люблинской унии 1569 г. вошла в состав Речи Посполитой.

Православные митрополии Малороссии пребывали под юрисдикцией Константинопольского патриархата, однако, несмотря на это, назначал православных иерархов польский король в награду за заслуги перед своим католическим отечеством, что приводило к постепенной утрате доверия православного населения к своим священнослужителям и соответственно авторитета этих церквей. Киев как культурная столица Киевской Руси перестал существовать.

В 1596 г. часть православных епископов Киевской митрополии заключили с папством Брестскую унию, результатом которой явилось принятие католического вероучения, передача земель православных храмов католической церкви. Это означало ослабление влияния Московского патриархата на земли Юго-Западной Руси и духовных связей православных в Речи Посполитой с Русским государством.

В 1600 г. главенство католической церкви на всей территории государства закреплялось королевской грамотой, по которой все права и собственность Православной Церкви Киевской митрополии переходили униатскому духовенству Речи Посполитой, включая Софийский собор и Выдубицкий монастырь.

К.О. Апанович приводит документы, убедительно показывающие бесправное положение православных в Речи Посполитой. После подписания Брестской унии Православная Церковь в католической Речи Посполитой утратила статус «терпимой» конфессии и была отнесена к «нетерпимым» вероисповеданиям, что стало причиной постоянных межконфессиональных конфликтов. «Ни федеративное устройство Речи Посполитой, ни ее шляхетская демократия не предотвратили иррациональной практики религиозной нетерпимости по отношению к православным»⁷. Такие иностранные путешественники как Гейденштейн, Гваньини, Герберштейн, Лясота и другие, посещавшие Киев в конце XVI в., описывают его развалины, и сожалеют об упадке некогда знаменитого города. Если обратиться к запискам

Рейнгольда Гейденштейна, посетившего Киев в конце XVI века, то он прямо указывает на то, что значительная часть города, многочисленные православные храмы и памятники старины лежат в развалинах, свидетельствуя о былой пышности и величии города. Из сохранившихся храмов он назвал лишь храм Святой Софии и храм Святого Михаила, которые, однако, пребывали в таком «жалком виде», что богослужения в них не совершались. Владения Киево-Печерской архимандрии постоянно подвергались разорению (рис. 1, 2, 3).

Такое положение дел привело к долгой и ожесточенной борьбе между последователями двух конфессий на западнорусских землях и положило начало развала православной церковной организации. Уже в начале XVII в. латинская культура начала активно внедряться в православную, оказывая значительное влияние на церковно-полемическую литературу как униатов, так и православных. Это отразилось и в сакральном искусстве, прежде всего в иконописи. Таким образом, через католическую и униатскую церковь польское правительство и шляхта шаг за шагом совершали духовную экспансию в Малороссии.

Уния и ограничение прав православного населения положили начало освободительному движению украинских крестьян и казаков против польской шляхты. С конца XVI в. начались восстания под предводительством: Криштофа Косинского (1591–1593 гг.); Северина Наливайко и последовавшие за ними выступления, возглавляемые гетманом М. Жмайлом (1594–1596 гг.); Тараса Федоровича (Трясило) (1625 г.); Ивана Сулимы (1630 г.); П. Бута (Павлюк) (1635 г.); Якова Остриянина (Острияницы) и Дмитрия Гуни (1637–1638 гг.).

Н.Ф. Сумцов писал, что страдания Украины были так велики, что даже иноверцы и иноплеменики не могли воздержаться от выражения своего сожаления. Он приводит слова польского проповедника Млодзяновского: «Я думаю, что если бы Господь Бог собрал в одно место все слезы бедного народа, пролитые и проливаемые вследствие притеснений и разных несправедливостей, то человек в этих слезах мог бы утопиться. Милая Украина... в чем ты утонула? В слезах народа». И далее Сумцов с горечью констатирует: «Если поляк и католик так чувствовал горе Украины, то тем более оно должно было трогать сердца ее

7 Апанович К.О. Православие в Речи Посполитой и Османской Империи в конце XVI – первой трети XVII в. // Христианское чтение / 2015. - С. 59 – 75.

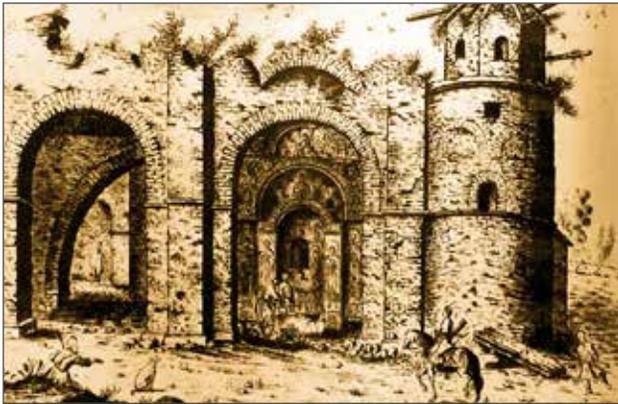

Рис. 1, 2, 3. Изображения руин собора Святой Софии в Киеве (1651 г.). Голландский художник Абрагам ван Вестерфельд (1620/21–1692 г.)

лучших кровных сынов»⁸.

Усилиями гетмана П. Сагайдачного в 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан, возвращавшийся из Московии, рукоположил митрополита (им стал Иов Борецкий) и украинских епископов

и восстановил православную иерархию. Это явилось новым витком борьбы православных против католицизма и унии. В этой ситуации Киев на несколько десятилетий становился центром острой борьбы.

В 1633 г. польский король Владислав IV признал легальное существование православной митрополии в Киеве и четырёх епархий. На киевскую кафедру он утвердил Петра Могилу, создавшего в 1632 г. на основе объединения Киевской братской школы и школы Киево-Печерской лавры Киево-Могилянский коллегиум по типу иезуитских учебных заведений, ориентированных на прозападное воспитание подрастающего поколения. Православная знать и церковные иерархи — лидеры унии, возглавляемые Петром Могилей, с 1635 по 1638 г. продолжали осуществлять свои планы по «упрочнению» Православной церкви, как части Польского государства, пытаясь убедить римские церковные власти в необходимости учреждения униатского Киевского патриархата.

В 1651 г. польско-литовский гетман Януш Радзивилл (1612–1655 гг.), подверг Киев разграблению и сожжению, в частности, были опустошены Межигорский, Печерский, Выдубицкий, Михайловский Златоверхий, Никольско-Пустынный монастыри, Софийский собор, истреблены горожане и священники. Киев практически перестал существовать: даже через 15 лет его население насчитывало менее 10 000 человек. Лишь к концу 1742 г. население выросло до 15 000 ± 500 человек⁹. Надо отметить, что даже в начале XVIII в. Заднепровье всё ещё лежало в руинах. Московский священник Лукьянов, проезжая через Малороссию в 1702 г., оставил следующую запись: «Было это путешествие печально и уныло, потому что не видно ни города, ни села, а были эти города красивы, сёла нарочиты видением, но ныне эти места пустыня»¹⁰. Поэтому более чем удивительно выглядит утверждение о строительстве и богатом украшении православных храмов на территории Киевской митрополии в описаниях П. Алеппского.

8 Сумцов Н.Ф. О литературных нравах южнорусских писателей СПб. Вас. Остр., 9 лин. №12, 1906. С. 4.

9 Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Київ / Гол. ред. кол.: Тронько П. Т. АН УРСР. Інститут історії. – К.: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1968. – стр. 57 – 587 с.

10 Лукьянов Путешествие в Св. Землю. Изд. Баргенева. См. Сумцов М.Ф. Слобожане. Исторично-етнографична розвідка – Харків: Союз, 1918. 250 с.

Только после начала восстания Хмельницкого (1648–1657 гг.) Киевский полк, образованный ещё в 1625 г., стал административно-территориальной и военной единицей Гетманщины, а Киев — полковым городом (не столичным).

Православные гетманы неоднократно обращались за помощью к русскому царю с просьбой принять Войско Запорожское в русское подданство: в 1591–1593 гг. — гетман реестровых казаков Криштоф Косинский, позже в 1620 г. — посольство гетмана Петра Сагайдачного во главе с Петром Одинцом. Епископ Исаия Копинский в 1622 г., митрополит Иов Борецкий в 1624 г. и Тарас Федорович в 1630 г. выступали с той же просьбой, но речь шла уже обо всем населении Малороссии. Только в 1654 г. просьба Богдана Хмельницкого и представителей запорожского казачества о принятии Войска Запорожского в российское подданство была принята, и решение об объединении территорий Украины, находившихся под властью запорожских гетманов (Гетманщина), с Россией закреплено присягой на верность русскому царю. К моменту подписания Переяславльской рады в 1654 г. из Заднепровья на Слободскую Украину переселилось от 80 000 до 100 000 жителей мужского пола.

По условиям Переяславского соглашения Украина включалась в состав Русского государства. Это означало, что все доходы с городов и сел Малороссии оставались в гетманской казне, а кроме того, им присылались деньги из Москвы на поддержание крепостей и строительство православных храмов. Благодаря помощи русского царя Алексея Михайловича русскими воеводами уже в 1654 г. восстанавливается Старокиевская крепость, а некоторые соборы начинают отстраиваться заново, на что есть указания у П. Алеппского.

После смерти Б. Хмельницкого в 1657 г. «функция отца и защитника народа переходит к российским монархам»¹¹. Но для России, еще не оправившейся от последствий Смуты, присоединение Малороссии означало длительную, кровопролитную и масштабную войну с Речью

Посполитой, которая продолжалась 13 лет (1654–1667 гг.). С избранием гетманом И. Выговского — польского сторонника, в казацкой среде начались восстания и борьба между различными политическими группами украинского казачества, переросшие в гражданскую войну (1657–1687 гг.), получившую в историографии название «Руина». В 1667 г. после заключения Андрусовского перемирия между Россией и Польшей, закрепившего раздел Гетманщины между этими двумя государствами, Правобережная Украина снова перешла под протекторат Речи Посполитой.

В 1680 г. польский король Ян III предпринял новую попытку объединить православных и униатов. В ответ на это архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель обратился к русскому царю Феодору Алексеевичу с просьбой защитить православных Речи Посполитой.

При патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.) в 1685 г. часть Киевской митрополии (Киевская и Черниговская епархии), находившейся в юрисдикции Константинопольского престола, была переподчинена Московскому патриархату. Только в 1686 г. по результатам «Вечного мира» Киев был окончательно выкуплен Россией у Речи Посполитой за 146 тысяч рублей серебром. С этого времени начинается полноценное церковное строительство.

В период гетманства Ивана Мазепы (1687–1708 гг.) киевский архитектор Иван Зарудный по поручению гетмана ездил послом в Москву для решения вопроса о работе в Киеве ведущих московских архитекторов Осипа Старцева и Дмитрия Аксамитова. Г.К. Лукомской в книге «Киев: церковная архитектура XI–XIX века; византийское зодчество; украинское барокко» приводит некоторые даты строительства Киевских храмов, относящихся к XVII и XVIII вв., построенных при гетмане И. Мазепе: Николаевский военный собор (1690–1693 гг.)¹²; Петропавловская церковь (1691 г.)¹³; Трехсвятительская церковь (1693–1695 гг.)¹⁴; Георгиевская церковь Выдубицкого монастыря (1696 г.); «Экономическая церковь» (1696–1698 гг.)¹⁵; Рождественская на Дальних Пещерах

11 Лукашова Светлана. «Малороссия и малороссы в Российской империи в XVIII веке: стратегии интеграции». В сб. «Малороссы против украинцев: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР». Очерки, Институт славяноведения РАН, 2018. С. 53 – 98.

12 В 1934 году храм был разрушен

13 Разрушен в 30-е годы

14 Разрушена в 1935–1936 годах.

15 Разрушена в 30-е годы

(1696 г.), Соборы Лавры (1718 г., автор Федор Старченко); Колокольня Лавры (1735–1745 гг.) и другие. Как видно из этого перечня все киевские храмы построены после вхождения Киева в состав русского государства.

Из книги А.И. Успенского «Царские иконописцы и живописцы XVII» известно, что в 1681 г. иконописец Оружейной палаты Карп Золотарев (рис. 4) — ученик Салтанова по государевому указу был прислан «описывать церковные чертежи» в Киев, Глухов и Батурин, Переяславль, Нежин, «в иные розные малороссийские города».

Рис. 4. Изображение Богоматери. Карп Золотарев. (по: Богоматерь с младенцем на престоле. Конец XVII в. Подписные иконы мастеров Оружейной палаты и их последователей, Antik Land, <https://antiqueland.ru/articles/1222/>).

В это же время «по обеим сторонам Днепра» при гетмане Иване Самойловиче (1672–1687 гг.) в «малороссийские города Батурии войска запорожского» были направлены для работы иконописцы Оружейной палаты: в 1682–83 гг. — ученик Симона Ушакова Георгий Терентьевич Зиновьев; в 1686 г. — Семен Золото (Золотой); Осип Клокунов, Елисей Иванов, Антон Байковский, Дмитрий

и Федор Балашовы, Осип Клокунов, Евтихий Богданов. А в первой трети XVIII в. из России в Малороссию выезжали художники, которые в России не рассчитывали на успешный карьерный рост.

Для золочения икон в Киевские церкви был приглашен московский «сусальник» Иоаким Евтихеев, который после того, как «преславно украсил иконы» Софии Киевской, был отпущен в Москву¹⁶. О том, что художественные материалы также привозились из Москвы, свидетельствует датированное 1649 г. письмо миргородского полковника Матвея Гладченко к московскому царю, в котором он просит разрешения закупить в Москве «материалы и краски к малярскому ремеслу принадлежащей», необходимые для выполнения иконописных работ в новопостроенной церкви в Миргороде. Василий Острозкий в своем произведении «О единой истинной православной вере» писал про отсутствие у киевских «иконописцев искусно... по первообразному образы написующие».

О киевских иконописцах XVII в. в литературе сведений практически нет. Первые иконописцы и иконописные мастерские появляются только в первой половине XVIII в. До 1763 г. в Лавре проводились «келейные малярские обучения» отдельными монахами-иконописцами, у которых находились в обучении послушники из Киева и западных областей. Первым начальником «келейных малярен» с 1730 по 1744 гг. был Феокист Павловский. Среди имен киевских иконописцев и 20 их учеников, обучавшихся в иконописных мастерских Киево-Печерской лавры с 1759 г. по 1769 г., называются имена сербов, болгарина, грека¹⁷, однако, среди них нет ни одного выходца из Слобожанщины. Среди мест, где работали киевские иконописцы, названы храмы во «множестве сел и местечек, принадлежащих Лавре, а из удаленных мест сербские монастыри Крушедол и Боджани, где ими выполнялись настенные росписи и иконостас Троицкой надвратной церкви. Упоминаний о работе киевских мастеров на территории Слобожанщины на сегодняшний день не выявлено. Исследование киевских, так называемых южнорусских, икон, проведенное профессорами И. Сахаровым, Д.А. Ровинским,

16 Акты Южной и Западной России, т. 3, с. 65 – 66.

17 Истомин М.П. К истории живописи в КиевоПечерской Лавре в XVIII в. // Чтения в Историческом обществе НестораЛетописца. К., 1895. Кн. 9. С. 64.

Н.И. Петровым, М.П. Истоминым в конце XIX в. убедительно доказывают:

1. Киевская школа иконописи в XVII в. ограничивается повторением Печерского Патерика, однако памятников этой школы к концу XIX в. не сохранилось.

2. О достижениях русских иконописцев XVI–XVII вв. наглядно свидетельствуют открытия, сделанные реставраторами в XIX — нач. XX вв. Под слоями поздних наслоений живописи кроется искусство, «располагающее огромной силой цвета, изобретательности в композициях и достигшее высокого мастерства исполнения. Все в нем, начиная от глубоко своеобразной техники, говорит о чрезвычайно древних и прочных традициях»¹⁸.

3. При киевском митрополите Петре Могиле в Киеве началось «систематическое собирание памятников западно-европейского гравировального искусства с целью применения его к нуждам южно-русской церкви»¹⁹ и с конца XVII в. гравюры из альбомов и атласов, изданных в Германии, Италии, Франции и Голландии, становятся основой для копирования «в ученических работах местных киево-печерских маляров»²⁰. Излюбленным источником для лаврских художников был «Библейский театр» Николая Фишера в латинизированной форме Пискатора.

4. Для организации лаврской школы церковной живописи был приглашен итальянский живописец Вениамин Фридериче, расписывающий в 1758 г. Бердичевский кармелитский монастырь²¹. Иконописная школа при Лавре была открыта в 1763 г. (рис. 5).

Рис. 5 Рисунки XVIII в. (по: Жолтовський П.М. Навчальні малюнки учнів іконописної та малярської майстерні Києво-Печерської лаври. XVIII ст. Альбом № 6. 1701–1795. 158 арк.)

5. Влияние западной живописи на южнорусскую иконопись посредством гравюр определило ее характер «как подражательный» и «примитивный» с точки зрения технологии, о чем свидетельствуют образцы икон, представленные в «Альбоме достопримечательностей церковно-исторического музея при Императорской Киевской духовной академии».

6. С XVI в. на южнорусскую иконопись значительное влияние оказывает северорусская иконопись. Большое количество икон непосредственно жертвовались русскими людьми, также большая часть привозилась на продажу в Киев из Литвы, а с присоединением Киева к Московскому царству по приглашению киевских митрополитов в киевских храмах работали московские мастера (например, Иоаким Евтихеев, В.Л. Боровиковский).

Подражание московскому религиозному искусству также наблюдается в увеличении числа ярусов иконостаса (появляются 7 ярусные иконостасы).

Сравнительный анализ образцов религиозной живописи и икон XVIII в. киевской школы и слобожанской, представленный соответственно в каталогах выставки XI и XII Археологических съездов, наглядно демонстрирует различный подход художников к изображаемым сюжетам. Влияние, которое оказало западное искусство на киевскую школу, заключается в следующем. Выхолащенные образы киевских художников,

18 Выставка Древне-Русского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование чествования 300-летия Дома Романовых. Москва, Типография П.П. Рябушинского, 1913 г.

19 Петров Н.И. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Вып. IV-V / К. 1915 <https://elibrary.org.ua/view.html?id=1024>

20 Истомин М.П. к истории живописи в Киево-печерской лавре. // труды X-го Археологического съезда в Риге в 1896г. Москва 1900. Т.III, Протоколы, С 64-65

21 Истомин М.П. К истории живописи в Киево-печерской лавре. // труды X-го Археологического съезда в Риге в 1896г. Москва 1900. Т.III. Протоколы. С. 50 – 51.

которые в погоне за внешним эффектом изображают не лица, а маски религиозных персонажей, в корне отличаются от попыток слобожанских художников передать психологическое состояние изображаемых. Такое же отличие и в технике живописи. Слепое копирование, исключаящее знание анатомии человеческого тела, нарушение пропорций, можно наблюдать на работах киевских мастеров, в то время как на сюжетах работ из слобожанских церквей рисунку и тщательной проработке деталей художники уделяли значительное внимание. Кроме этого, характерной чертой киевской школы является нарочитая помпезность образов при отсутствии их содержательности. Стремление слобожанских художников оживить византийский канон может объясняться не отступлением от привычного изображения образов, а теми переживаниями и жизненными обстоятельствами, которые испытывали художники, не желавшие принимать чужую веру и бежавшие, как и большинство православного населения, от католического насилия.

Выводы

Исходя из анализа политической ситуации в Малороссии в XVI–XVIII вв. неправомерно говорить о развитии в это время киевской живописи и привлечении польских или иноземных художников для росписи разрушенных православных храмов. В конце XVII–XVIII вв. Малороссия и Киев только оправлялись от ужасных разорений, учиненных Польской шляхтой и католической церковью. С помощью русского государства на этой территории восстанавливалось православие, строились новые православные храмы, для их росписи отправлялись известные московские живописцы. На Слобожанщине в это же время уже процветало церковное искусство (рис. 6).

Для создания иконописной школы в Киеве приглашались также иностранные мастера (Вениамин Фридериче), а на Слобожанщине профессором Императорской Академии художеств И. Саблуковым воспитывались собственные кадры живописцев. Поэтому киевская иконописная школа, возникшая только во 2-й пол. XVIII в., никак не могла быть прародительницей Слобожанской иконописной школы и оказывать на нее влияние.

Кроме этого, Малороссия была присоединенной территорией, а Слобожанщина — изначально являлась частью геокультурного пространства России. Московское правительство и РПЦ

Рис. 6 Изображение Пресвятой Богоматери (по: Альбом выставки XII археологического съезда в г. Харькове. И.И. Гросманъ и Г.А. Вендельштейнъ. Типо-литография. М.: 1903 г., С. 25).

прилагало все усилия для развития православного церковного искусства на Слобожанщине, в связи с огромным количеством переселенцев из Речи Посполитой, ощутивших на себе сильное влияние католичества. Такое внимание государства к церковным нуждам Слобожанщины было вызвано тем, что здесь возникла необходимость противостояния католическо-униатской экспансии Запада, с одной стороны, и постоянная опасность с мусульманского Юга с другой.

Слобожанская школа живописи развивалась своим путем. Ее формирование шло исключительно в русле русского религиозного искусства и претерпевало на себе все те изменения, которые испытывала русская религиозная живопись. Переселенцы из Заднепровья — преимущественно военное и крестьянское население, не могли оказать влияния на развитие сакрального искусства Слобожанщины.

Список литературы

1. Редин Е.К. Храмы города Харькова. — 2-е изд, испр. и доп.— ХХЧМУГУ, Изд. САГА, 2006, 108 с.
2. Фомин П.Г. Церковные древности Харьковского края /П.Г. Фомин. — Х.: ХЧМГУ 2011. — 237 с.
3. Краснова И.В. И.С. Саблуков — «жертва царских вельмож» или основатель художественной школы на Слобожанщине Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусства)». — 2023. — № 1 (35). — URL: <https://aq.agik22.ru/wp-content/uploads/files/articles/2023/1/3.pdf> (дата обращения 21.01.2024).
4. Степовик Дмитро. Історія української ікони Х — ХХ століть. Вид. 2-ге, стереотип. — К.: Либідь, 2004. — 440 с; іл. ISBN 966-06-0309-6 — URL: <https://ru.djvu.online/file/eFHG5H9Kcx9HI> (дата обращения 16.04.2023).
5. Апанович К.О. Православие в Речи Посполитой и Османской Империи в конце XVI — первой трети XVII в. // Христианское чтение / 2015. — С. 59 - 75.
6. Сумцов Н.Ф. О литературных нравах южнорусских писателей СПб. Вас. Остр., 9 лин. №12, 1906. С. 4.
7. Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Київ / Гол. ред. кол.: Тронько П.Т. АН УРСР. Інститут історії. — К.: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1968. — стр. 57–587 с.
8. Лукашова Светлана. «Малороссия и малороссы в Российской империи в XVIII веке: стра-тегии интеграции». В сб. «Малороссы против украинцев: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР». Очерки, Институт славяноведения РАН, 2018. С. 53–98.
9. Помер, Е.О. wschodniej granicy Polski z przed 1772 r. // Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera. — Львов, 1925. — Т. 2. — 358 с.
10. Архив Юго-Западной России, т. XVIII. С. 291.
11. Рыжова О.О. Иконопись Киева XVIII века: мастерские и сохранившиеся произведения. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013 Вып 1 (10). С. 113.
12. Выставка Древне-Русского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование чествования 300-летия Дома Романовых: [Каталог] / Императорский Московский археологический институт имени императора Николая II.М.: Типография П.П. Рябушинского, 1913. [2], 137, [2] с., 56 ил.
13. Петров Н.И. Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Вып. IV–V / К. 1915 — URL: <https://elib.nlu.org.ua/view.html?id=1024> (дата обращения 26.10.2023).
14. Истомин М.П. К истории живописи в Киево-печерской лавре. // труды X-го Археологического съезда в Риге в 1896 г. Москва 1900. Т. III. Протоколы. С. 64–65.

ON THE ORIGIN OF «ICONS OF THE PURE UKRAINIAN TYPE OF KYIV ICON PAINTING» IN SLOBOZHANSHCHYNA

Krasnova Irina Vladimirovna,

Doctoral student,

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after

D.S. Likhachev (Institute of Heritage),

Kosmonavtov st., 2, Moscow, Russia, 129366

krasnova_i@mail.ru

Abstract

The Slobozhanskaya icon is one of the spiritual components of the geocultural space of Russia. Thanks to the first researchers of the church art of Slobozhanshchina, who found its origins in Kyiv icon painting, it was included in Ukrainian art. that the present is a paradigm. The purpose of the article: using the methods of historical analysis, to consider the events of the 17th — 18th centuries taking place in the territory of Little Russia and Slobozhanshchina and to determine the influence of the Kyiv icon painting school on the development of icon painting art of Slobozhanshchina.

A comparative analysis has proven that Kiev icon painting, which was under the control of Uniate priests from the XVI — XVIII centuries, developed under the strong influence of the Catholic Church and its art, and only from the 18th century. — under the Russian, and Slobozhanskaya — was formed in the bosom of the Russian Orthodox Church and experienced the same changes as the Russian one..

Keywords

Slobozhanshchina, Kyiv, icons, Orthodoxy, Uniates, Catholicism.

RAR
УДК 008
ББК 79

ЗНАЧЕНИЕ ТРЯПИЧНОЙ БУМАГИ КАК МАТЕРИАЛА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Анисимова Анастасия Андреевна,
магистрант Российского государственного
университета им. А.Н. Косыгина,
ул. Малая Калужская, д. 1, г. Москва, Россия, 119070,
anastasia0060@gmail.com

Третьякова Анна Евгеньевна,
доктор технических наук,
профессор кафедры реставрации
и химической обработки материалов
Российского государственного
университета им. А.Н. Косыгина,
ул. Малая Калужская, д. 1, г. Москва, Россия, 119070,
treyakova-ae@rguk.ru

Аннотация

Бумага – одно из величайших достижений человечества. В ней воплотилось очень многое: информация и искусство, причем искусство изобразительное и литературное, а также пластическое в виде скульптур и инсталляций. Весьма разнообразны формы бумажных источников по содержанию и формам от рукописей до документов, денежных купюр, основой многих композиционных материалов. Культура, техника и технологии, экономика тесно переплетаются с бумажной промышленностью, практически все материальное и духовное связано с бумагой, которая вошла в жизнь человека практически во все сферы его деятельности.

Ключевые слова

Бумага, тряпичная бумага, искусство, иллюстрация, офорт, реставрация, культурно-историческое наследие, история бумаги.

Слово «бумага» в Россию приходит из итальянского языка, *bombagia* — «хлопок», который в свою очередь пришел в итальянский из иранского по наследству из латинского. В языках большинства европейских народов бумага — синоним папируса, истоки которого восходят к Древнему Египту.

Папирус имеет много общего с бумагой — легкость, прочность, простота написания информации чернилами и стилусом. Но имеется ограничение — сырье, из которого изготавливается папирус, получается из одноименного растения, произрастающего в бассейне реки Нила. Ограниченность ареала источника сырья повлекло за со-

бой и ограничение распространения папируса в качестве носителя информации¹.

Бумага — одно из наиболее важных достижений в истории человечества. Она сыграла ключевую роль в развитии культуры, науки, образования и глобального обмена информацией. Первоначально бумага изготавливалась из тряпичного сырья, которое состояло из ветоши, сетей и других текстильных остатков. В этом преимущество бумаги перед папирусом — ее можно сделать из подручных материалов путем дробления до волокон и формования из водной дисперсии.

Технология изготовления бумаги берет свое начало в Древнем Китае в II веке до н.э.² Бумажные листы формовались из натуральных растительных и животных волокон, таких как крапива, хлопок и шелк, причем первые найденные образцы бумаги сделаны именно из шелка. В силу дороговизны изготовления из такого сырья, был изобретен способ отливки бумажной массы из сырья растительного происхождения, в основе которого целлюлоза. Так появилась тканевая или тряпичная бумага.

Процесс производства тканевой бумаги состоит из нескольких этапов: сначала куски ткани, ветоши рыхлили до состояния волокон, затем смешивали с водой и полученную массу фильтровали на сите. После этого массу сушили и прессовали, чтобы сформировать листы.

Тряпичная бумага отличалась от древесной бумаги, появившейся в XIX в., своей прочностью, гибкостью и возможностью повторного использования. Эти качества сделали ее идеальным материалом для различных целей, включая: письма, рукописи, произведения искусства и юридические документы.

С течением времени тряпичная бумага получила известность в других регионах Восточной Азии, включая Японию и Корею. Ее преимущества и универсальность привлекли внимание разных культур и народов. Таким образом, тряпичная бумага начала путешествовать по торговым путям, распространяясь дальше.

В VII веке тряпичная бумага была привезена в Арабский халифат, где она также стала широ-

ко используемым материалом. Арабские ученые и купцы распространили технологию производства бумаги в Европу, где она конкурировала с пергаментом, который до этого был основным материалом для письма и ксилографии³.

До этого пергамент был дорогим и трудозатратным материалом в изготовлении, доступным только ограниченному числу людей. Бумага же была гораздо доступнее и дешевле, что позволило распространить письменность среди широких слоев населения. Это привело к быстрому развитию книгопечатания, а в последствии и науки. Таким образом развитие типографских технологий и доступность бумаги способствовали глобальному обмену знаниями, и значительному росту образования в Европе. Книгопечатание подготовило предпосылки для эпохи Просвещения.

Самое раннее известное изображение европейской бумажной мастерской — гравюра Иоста Аммана (1539–1591) из книги «Подлинное описание всех состояний на земле» (Франкфурт-на-Майне, 1568)⁴. Текст под гравюрой описывает процесс создания тряпичной бумаги в середине XVI века.

Бумага также стала основным материалом для письма и документации в правительственных организациях, банках, торговых компаниях и других сферах деятельности. Первые бумажные деньги в Европе появляются в тот же период⁵.

Кроме того, тряпичная бумага стала важным фактором в развитии культуры и искусства. Художники и писатели использовали бумагу для создания произведений искусства и литературы. Она позволила сохранять и передавать историю, культурные ценности и традиции. Книги, рукописи и другие документы, созданные на бумаге, стали ценными источниками информации и наследия для будущих поколений, которые сохраняли свои первозданные свойства сквозь века.

Сырье для бумаги имеет огромное значение, например, газетная бумага низкого качества, сде-

1 Carruthers, Victoria. *The Book Before Printing: Ancient, Medieval and Oriental*. New York: Dover Publications, 2012

2 Cohen, Patricia B. *The Paper Trail: An Unexpected History of the World's Greatest Invention*. New York: Knopf, 2014

3 Carruthers, Victoria. *The Book Before Printing: Ancient, Medieval and Oriental*. New York: Dover Publications, 2012

4 Hunter, Dard. *Papermaking: The History and Technique of an Ancient Craft*. New York: Dover Publications, 1978

5 Parkes, M. B. "The Origins and Production of Paper in Ancient China." In *Paper Before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World*, edited by Jonathan Bloom, 3–22 p. New Haven: Yale University Press, 2001

ланная из соломы, хранится не более пятидесяти лет. В то время как тряпичная бумага остается в хорошем состоянии до пятисот лет.

Именно поэтому большая часть бумаги промышленного производства (производимая в XX веке с применением дешевых древесных материалов) подвержена пожелтению и утратам красочного слоя, в отличие от бумаги из тряпья.

Но тряпичная бумага полюбилась мастерам и художникам не только за свои эксплуатационные свойства. Так Ганс Гольбейн Младший (1497–1543) — немецкий художник XVI века, создал серию портретов на тряпичной бумаге. Он использовал этот материал, чтобы передать детали и текстуру одежды, акцентировать внимание на лице и особенностях моделей.

Не менее известный немецкий художник и гравер того же периода — Альбрехт Дюрер (1471–1528) также создавал гравюры на тряпичной бумаге. Он использовал этот материал для передачи тонких деталей и текстур, а также для создания богатых тонов и оттенков.

«Текстильные картины» Герарда Доу (1613–1675), голландского художника, создавались, используя тряпичную бумагу в качестве основы для живописи. Мастер применял ткань, чтобы создать реалистичные и детальные текстуры одежды и предметов.

Таким образом тряпичная бумага популярно использовалась не только из-за своих прочностных свойств, фактура тряпичной бумаги становилась частью художественной выразительности⁶.

С развитием общества и возникшими новыми потребностями тряпичная бумага была постепенно заменена целлюлозной, в период с XIX по XX веков. Важным этапом в развитии целлюлозной бумаги было изобретение механического процесса изготовления бумаги, который позволял получать бумагу из древесной массы. Этот процесс был разработан в XIX веке и стал основой для массового производства бумаги⁷.

Использование древесной бумаги имело несколько преимуществ по сравнению с тряпичной. Такая бумага была дешевле в производстве, т.к. для ее получения использовались материалы, ко-

торые были доступнее и обеспечивали большую продуктивность. Она также обладала хорошими качествами письменной поверхности и могла быть произведена в больших количествах, что сделало ее более практичной для массового использования.

Таким образом, древесная бумага постепенно заменила тряпичную, став основным типом бумаги, используемым в печатной и издательской индустрии, а также в повседневной жизни. Однако тряпичная бумага по-прежнему используется в некоторых специализированных областях, таких как: реставрация и художественная практика, где ее уникальные свойства остаются востребованными.

История тряпичной бумаги свидетельствует о том, как одно изобретение может привести к культурному и технологическому прорыву, оказывая глубокое влияние на развитие человечества. Бумага стала символом обмена информацией, развития образования и науки, торговли, а также сохранения и передачи знаний и культурного наследия. Ее значимость и влияние простираются на протяжении веков и продолжают оказывать важное воздействие на нашу жизнь в настоящее время⁸ [4].

Сохранившиеся образцы тряпичной бумаги в книгах, рукописях, гравюрах, акварелях и пр. в настоящее время являются объектами культурного наследия, в основном предметами музейных и частных коллекций, требуют определенных условий хранения и в случае необходимости реставрационно-консервационных мероприятий.

В данной работе исследуется гравюра авт. Мартине Ф., Бернар Р. «Таблица XXXIX «Естественная история», 1762 г., Франция, Париж, иллюстрация к книге «Энциклопедия или толковый словарь наук, искусств и ремесел», 1751–1780, находящаяся в фонде Государственного Дарвиновского музея (рис. 1, 2).

Произведение представляет собой офорт на тряпичной бумаге естественного сливочного оттенка с односторонней монохромной печатью и хорошо выраженным ковчегом.

На оборотной стороне документа в правом нижнем углу присутствует рукописная помета черной ручкой «НВФ». В левом нижнем углу при-

6 Tschichold, Jan. *The Form of the Book: Essays on the Morality of Good Design*. Vancouver: Hartley & Marks, 1991

7 Woodcock, George. *The History and Technique of Lettering*. New York: Dover Publications, 1988

8 Kurlansky, Mark. *Paper: Paging Through History*. New York: W. W. Norton & Company, 2016

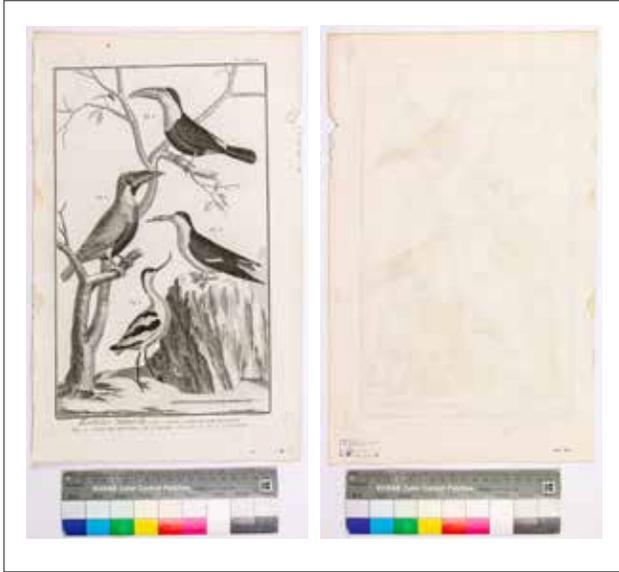

Рис 1, 2 – Лицевая и оборотная стороны произведения до реставрации.

существует фиолетовая печать музея прямоугольной формы.

Произведение поступило на реставрацию с нижеперечисленными повреждениями:

- запыленность на задней и лицевой сторонах, затеки по левому краю коричневого оттенка разной интенсивности и отличные по размеру разрывы, заломы, изломы, утраты с правого края документа;

- сквозные следы ржавчины и мушинные засиды (с оборотной стороны документа) по верхнему полю документа;

- часть фиолетовой печати, которая расположена на оборотной стороне, проступила на лицевую.

В ходе реставрационных работ осуществили следующие меры: обеспыливание, предреставрационные исследования, подбор методик, удаление поверхностных загрязнений, подбор реставрационных материалов и композиций, промывка, проведение химической обработки, распрямление заломов и изломов, подклейка разрывов, укрепление области ржавого следа, прессование.

До реставрации проводилась фотосъемка произведения с цветовой шкалой, для фиксации текущего состояния документа. Далее составлено описание состояния сохранности документа по визуальным наблюдениям, обмеры (формат после обмеров: 390(2)х295(7) мм) и выявления видов повреждения произведения, которые были описаны выше.

Обеспыливание документа осуществлялось мягким флейцем (ворс козы) и спонжами с оборотной и лицевой сторон на листе фильтровальной бумаги. Обеспыливание проводилось вне области монохромной печати, так как печатный слой неустойчив даже к малым механическим воздействиям.

Мушинные засиды удалялись механическим способом с использованием глазного скальпеля. Из-за прогнозируемой крупной утраты в области сквозного ржавого следа, он удалялся также механически глазным скальпелем, с вынужденным срывом фактуры области ржавчины.

После механической очистки осуществлялась проверка на устойчивость к водной обработке: красочного слоя, штампа и рукописной пометы. Исследования проводились при помощи фильтрованной воды и отжатого ватного микротампона. Установлено, что фиолетовый штамп музея, черная рукописная помета, пигменты изображения — устойчивы к воздействию воды.

После всех механических воздействий, произведен подбор методик и материалов для дальнейшей реставрации:

- реактива для удаления затеков, с учетом состава реставрируемой бумаги;

- реставрационной бумаги для локального дублирования, восполнения утрат, укрепления разрывов (реставрационная бумага «Arakaji natur», 33г/м² (50 % Kozu, 50 % Zellstoff), Япония; реставрационная бумага «Tengujo Kashmir» 8,6 г/м², Япония);

- клеевых композиций для локального дублирования, восполнения утрат и соединения разрывов (мучной клей 6,5 %).

Последующая промывка произведения в кювете с теплой фильтрованной водой между сетками необходима для того, чтобы попробовать выровнять тон без излишнего воздействия реактивом. В результате проведенной процедуры загрязнения на оборотной стороне документа — ослабли, но незначительно. Поэтому принято решение использовать водный раствор Трилона Б. Обработка водным раствором Трилона Б 2,5 % проводилась строго в области затеков, и раствор наносился отжатым ватным микротампоном и тонкой кистью (№ 0). (Рис. 3)

Повторная промывка документа после обработки в кювете с сетками в проточной воде следует сразу после высыхания обработанных реактивом поверхностей, что позволило ослабить

Рис 3 – Состояние произведения во время реставрации.

затеки.

Дальнейшие действия связаны с соединением разрывов произведения. Вначале — распрямление заломов и изломов локальной обработкой увлажненным в фильтрованной воде и туго отжатым ватным микротампоном, притирая обработанную область косточкой через нетканый материал и фрагмент фильтровальной бумаги.

После распрямления осуществлялось соединение по волокну и подклейка разрывов, укрепление и восполнение утрат волокнами подобранной японской реставрационной бумаги (локально, в том числе в области вынужденного механического удаления ржавого вкрапления) с помощью реставрационной бумаги и мучного клея (6,5 %).

Локальное дублирование, в области неглубокого ржавого пятна с оборотной стороны произведения, проводилось также при помощи подобранной японской бумаги и мучного клея (6,5 %). Обработанная область притиралась косточкой через нетканый материал и фрагмент фильтровальной бумаги.

Далее произведение прессовалось с использованием сукон и досок под местным грузом (сильное длительное давление нежелательно, чтобы не утратить выраженные ковчег и текстуру основы). После высыхания обработанных областей, производится обрезка излишков реставрационной бумаги глазным скальпелем по формату листа.

В заключение проводится фотофиксация до-

кумента после реставрации с цветовой шкалой, при этом необходимо отметить, что фотофиксация также проводилась во время процесса реставрации (Рис. 4, 5).

В оформленной реставрационной документации представлен реставрационный паспорт произведения с поэтапным описанием проведенных реставрационных работ.

После реставрации рекомендуется поддерживать температурно-влажностный режим в месте хранения произведения.

Список литературы:

Рис 4,5 – Лицевая и оборотная стороны произведения после реставрации.

1. Carruthers, Victoria. *The Book Before Printing: Ancient, Medieval and Oriental*. New York: Dover Publications, 2012.

2. Cohen, Patricia B. *The Paper Trail: An Unexpected History of the World's Greatest Invention*. New York: Knopf, 2014.

3. Hunter, Dard. *Papermaking: The History and Technique of an Ancient Craft*. New York: Dover Publications, 1978.

4. Parkes, M. B. "The Origins and Production of Paper in Ancient China." In *Paper Before Print: The History and Impact of Paper in the Islamicate World*,

edited by Jonathan Bloom, 3–22 p. New Haven: Yale University Press, 2001.

5. Tschichold, Jan. *The Form of the Book: Essays on the Morality of Good Design*. Vancouver: Hartley & Marks, 1991.

6. Woodcock, George. *The History and Technique of Lettering*. New York: Dover Publications, 1988.

7. Kurlansky, Mark. *Paper: Paging Through History*. New York: W. W. Norton & Company, 2016.

RAG PAPER VALUE AS MATERIAL HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Anastasia Andreevna Anisimova

master's student of the 2nd year of training in the direction
50.04.02 Art and art criticism
Kosygin Russian State University,
st. Malaya Kaluzhskaya, 1, 119071 Moscow, Russia,
anastasia0060@gmail.com

Tretyakova Anna Evgenievna

Doctor of Technical Sciences,
Professor of the Department of Restoration and Chemical Processing of Materials,
Kosygin Russian State University,
st. Malaya Kaluzhskaya, 1, 119071 Moscow, Russia,
tretyakova-ae@rguk.ru

Abstract

Paper is one of humanity's greatest achievements. It embodied a lot: information and art, and art is fine and literary, as well as plastic in the form of sculptures and installations. The forms of paper sources in content and forms from manuscripts to documents, banknotes, the basis of many composite materials are very diverse. Culture, technology and technology, economics are closely intertwined with paper, almost everything material and spiritual is connected with paper, which entered the life of a person in almost all spheres of his activity.

Keywords

Paper, rag paper, art, illustration, etching, restoration, cultural and historical heritage, paper history.

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ

RAR
УДК 7.01
ББК 71.1

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ХОРОВОГО ИСКУССТВА КУБАНИ

Албанов Иван Алексеевич,
Заслуженный деятель искусств Кубани,
директор и преподаватель
Государственного бюджетного
образовательного учреждения
Краснодарского края
«Детская школа – интернат искусств
и казачьей культуры им. В.Г. Захарченко»,
у. Володарского, д.5, г. Краснодар, Россия, 350038
iaalbanof@gmail.com

Аннотация

В статье определены основные позиции культурологического подхода к изучению хоровой культуры Кубани и искусству хорового пения. Проанализированы традиции и новации хоровой культуры Кубани. Исследованы возможности хорового пения как духовной константы хоровой культуры и транслятора музыкально-коммуникативной информации в дискурсе культурологии искусства. Выявлены факторы сохранения и популяризации хоровой культуры региона в системе дополнительного образования.

Ключевые слова

Хоровая культура, хоровое искусство, культурологический подход, смыслогенезис, культурология искусства, народное пение, академическое пение.

Хоровое искусство является составной частью музыкальной и хоровой культуры, доступной формой коллективного музицирования и человеческого общения. Это часть национального воспитания, органическая часть общей истории и культуры страны, которая постоянно эволюционно развивалась, охватывала жизнь народа, выражалась в жизненных циклах людей, передачи

и преемственности поколений, формировании менталитета русского человека. Сейчас мы видим опасность отказа от национального первоисточника хорового искусства, что ведет к потере культурных традиций, обесцениванию духовного начала культуры. Осмысление роли влияния песенного и музыкального культурного наследия на формирование общественного сознания приближа-

ет к подлинному научному пониманию ведущей роли хорового искусства, хорового пения в современном культурном процессе развития общества.

Актуальность исследования хорового искусства Кубани определяется особым его местом в жизни и культурном развитии любого народа. Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно называл национальное культурное наследие духовно объединяющим началом общества.¹

При этом изучение народного хорового искусства, в современной культурологической науке, как на уровне методологических исследований, так и на уровне прикладных исследований, недостаточно разработано. Отсутствуют актуальные модели, отражающие значимость хорового искусства в развитии хоровой культуры отдельных народностей и в народной культуре в целом.²

Для исследования культурного наследия, отраженного в хоровом искусстве, наиболее релевантным представляется культурологический подход, поскольку в его пространстве хоровое искусство позиционируется как полноправная часть бытия культуры и философия духовной жизни народа. В едином союзе с литературой, являются формой художественной культуры. В современной отечественной культурологии существует тенденция квалификации искусства как ведущей формы культуры и авангарда культуротворчества. Обретение хоровым искусством статуса самобытного феномена раскрывает возможность рассмотрения его в двух планах — феноменальном и ноуменальном, что, в свою очередь, позволяет очертить границы в культурологическом понимании.³

Хоровое искусство Кубани всегда было ярким и самобытным. Трудно переоценить его значимость для развития региональной культуры и культуры России.

Специально посвященных хоровой культуре Кубани в дискурсе культурологии исследований крайне мало, что и определило необходимость изучения этого концепта. Исследование хорового искусства Кубани при использовании культурологического концепта предполагает решение следующих задач:

– Исследование хорового искусства Кубани как культурологического концепта.

– Раскрытие сущности хоровой культуры Кубани в структуре историко-культурного наследия региона на основе анализа ее генезиса.

– Ознакомление с особенностями формирования хоровой культуры в информационно-коммуникационном пространстве современной Кубани.

– Исследование хорового пения как духовной константы хоровой культуры и транслятора музыкально-коммуникативной информации в дискурсе культурологии искусства.

– Выявление факторов сохранения и популяризации хоровой культуры региона на примере организации образовательной деятельности.

Хоровая культура как исследовательский концепт представляет собой совокупность музыкальных ценностей, их производство, хранение и передачу следующим поколениям. В силу этих особенностей она преодолевает свою региональную ограниченность, приобретая универсальность, определяет и аккумулирует всеобщие закономерности развития музыкальной культуры в целом.

Изучение хорового пения в структуре культурологии искусства опирается на гуманитарное знание, при помощи которого формируется культурологический взгляд на исследуемый феномен, его содержание, форму, язык, место и роль в обществе, что определяет многофункциональность хорового пения в историческом и современном аспектах культурологической мысли. Хоровое пение можно назвать художественной моделью, где мы обнаруживаем особые формы знаков, обладающих культурно-эстетическими особенностями и образно — смысловой наполненностью. В информационном культурологическом поле она представлена в виде текста (информационного сообщения) и включает в себя всю совокупность эстетической информации, передаваемой и выражаемой музыкальным языком и гармонией звуко сочетаний.

Содержание текста наполнено закодированной информацией и вполне может читаться

1 Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2 Чулкова С.Б. Формирование хоровой инфраструктуры в культурном пространстве юга Дальнего Востока России: Конец XIX – начало XX вв.: автореферат дис... кандидата культурологии. Владивосток, 2003. С.4

3 Яркова Е.Н. Искусство как предмет культурологии (опыт методологической рефлексии). Обсерватория культуры. – 2015. № 3. С. 14

при помощи многочисленных художественных знаков и символов со множеством значений, а на практике эмоционально воздействовать на воспринимающего его человека. Любой текст хорового произведения может иметь множество интерпретаций (толкований, разъяснений смысла конкретного произведения). Их содержание раскрывает особенности индивидуального восприятия художественного текста и зависит от личностных особенностей человека, который его воспринимает. В этом процессе заложены основные аспекты взаимосвязи смыслового содержания и языка, в том числе эстетическое сознание, чувственно — воспринимаемая форма художественного материала, передача информации, образованность, интеллект, духовность человека. Данная модель прошла проверку культурой и временем, сохраняется и закрепляется в общенациональном сознании.

Возможность интерпретации текста хорового произведения средствами культурологии искусства является важнейшим элементом хорового пения и актуализирует его изучение как духовной константы хоровой культуры и транслятора музыкально-коммуникативной информации в дискурсе указанного знания.

Кубань издавна признана поющим краем, где коллективное пение имеет давние и устойчивые традиции, является одной из наиболее доступных и демократических форм коллективного музицирования, человеческого общения. Пение всегда было неотъемлемой частью казачьего быта и надежным спутником боевых походов. Эта репутация создавалась первыми переселенцами — казаками-певунами Черноморского войска, а также вольнолюбивыми людьми из южных губерний России и Урала.⁴

Характеризуя хоровое искусство как инструмент формирования менталитета населения Кубани, мы очерчиваем его глубинные народные истоки, генезис и культурологическое кредо, сложившиеся из стилистических, ритмизованных, интонационных особенностей национальных культур народов, населяющих этот край. Народная хоровая музыка Кубани имеет черты смешан-

ного русско-украинского фольклора и в тексте, и в мелодии. Есть сочинения, в которых в русской манере поются начало или запев, а в украинской — окончание.

Историк Черноморского казачьего войска И. Попко⁵ отмечал, что «...даже в походных условиях человеку нужна была песня, которая давала отдых, снимала напряжение, отвлекала от тягот походной жизни». Об одном из таких событий историк записал следующее: «Дамы посетили наш лагерь. В каждой части музыка играла вальсы и мазурки, доказывая тем самым, что сердца бивуачных рыцарей не совсем еще очерствели...».

Традиционный хоровой фольклор Кубани — чрезвычайно сложное и своеобразное явление. Разнообразная по окраске и содержанию хоровая музыка формировалась постепенно, сохраняя связь прошлого и настоящего, с одной стороны, и с другой, как форма жизнедеятельности людей, проживавших на кубанской земле: «...русского, украинского, грузин, армян, белорусов, ассирийцев, сербов, поляков, цыган, греков, итальянцев, адыгейцев, абазинцев, черкесов, кабардинцев, лезгин и других». Народные хоровые песни, которые были привезены на Кубань, а также сложились здесь, впитали лучшее из музыкального фольклора многочисленных народов, населяющих этот регион. Лучшие из них остались в памяти населения края до сих пор.

Выбор методологической основы в исследовании хоровой культуры Кубани заключается в том, что этот концепт, являясь координатором усилий и генератором добываемой хоровой культурой информации, опирается на знания других научных направлений, взаимодействует с ними.

Хоровая культура Кубани впитала в себя культурный код казачества, механизмы его трансляции и потребности в объективном воссоздании исторического прошлого и духовного наследия казаков под влиянием социокультурного опыта российской государственности. С точки зрения особенностей смыслогенезиса как консолидирующего фактора существования казачества в современном обществе выступают его ценности, прежде всего — ценности духовной жизни, иерархическая система которых сфокусирована на происхождении и возрождении казачества,

4 Бабенко Е.В. Управление профессионально-ориентированной аналитической деятельностью студентов народно-хорового профиля в курсах музыкально-теоретических дисциплин: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. Краснодар, 2004. С.7

5 Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.

мировоззрения, системе взглядов, поведенческих стереотипов, ментальности, традициях воинской и государственной службы, вопросах культуры, быта и жизнедеятельности. Смысловое понимание внутренней организации «исторической картины мира кубанского казачества» определяется содержательной сутью его истории.

Как предмет культурологического исследования, культурный код предмета исследования характеризуется сверхзначимыми уникальными особенностями, передававшимися из поколения в поколение и совершенствовавшимися в ходе исторического пути. Этот культурный код является основой, которая позволяет идентифицировать исследуемый феномен, не только тем, что чётко осмысливается, но и с тем, что не понимается, но отражается в поступках, поведенческих реакциях, психологии народа.

Современное состояние хорового искусства Кубани и популяризация хорового пения тесно связаны с творчеством Кубанского казачьего хора, роль которого в его сохранении очень велика. За последние годы он признан старейшим национальным коллективом России и объектом культурного наследия Краснодарского края.

С 1974 года художественным руководителем Государственного академического Кубанского казачьего хора является Виктор Захарченко, который восстановил историю становления и обосновал истоки Кубанского казачьего хора как правопреемника Кубанского войскового певческого хора и наследника его традиций. Его желание придать значимость культуротворческой миссии хора и выстроить непрерывную связь времен отражено в том, что этот коллектив на протяжении всей своей истории является пропагандистом огромного духовного наследия, накопленного кубанским казачеством.

Критериями, которыми руководствуется Виктор Гаврилович для включения обнаруженных народных произведений и духовной музыки в репертуар хора, являются их актуальность, содержательность, достойное, глубокое, духовно-нравственное смысловое наполнение, оригинальность мелодии. Творчество хора служит катализатором возвращения к исполнению забытых хоровых сочинений, сохранению в памяти исполнителей хоровой песни лучших ее образцов. В.Г. Захарченко разработана концепция развития хоровой культуры Кубани, которая является до сих пор основой сохранения ее хорового наследия.

Песенный репертуар хора — это великое наследие русской культуры, наполненное духовными смыслами и верой. Через него Кубанский хор ведет диалог со зрителем, способствует сохранению специфики и разнообразия проявлений хоровой культуры края, эффективно использует народное искусство в воспитании населения региона, духовно развивает общество.

Важным этапом формирования хоровой культуры Кубани является сохранение и популяризация хорового искусства в современном образовательном процессе, в частности в системе дополнительного образования.

Мы рассматривали возможности сохранения и развития хоровой культуры Кубани на примере функционирования Детской школы-интерната искусств и казачьей культуры им. В.Г. Захарченко. Деятельность школы направлена на формирование духовных, эстетических, нравственных, культурных и научных ценностей обучающихся, изучение и сохранение историко-культурного наследия самобытной культуры кубанского казачества.

Школа им. В.Г. Захарченко является уникальным образовательным учреждением по изучению и сохранению народной культуры Кубани. В школе реализуются дополнительные программы в области музыкального искусства: «Музыкальный фольклор» и «Хоровое пение», которые являются первой ступенью профессионального музыкального образования. Предпрофессиональное образование развивает музыкальные данные учащихся, придав им профессиональную направленность, позволяет выявить степень их одаренности. Оно объединяет в себе различные художественно-исполнительские направления — народное и академическое. Такое единство доказало свою жизнеспособность и отражает сущность развития современного певческого образования и воспитания в школе.

В области музыкального фольклора хоровые коллективы школы сохраняют основы черноморского песенного фольклора, кубанский диалект, аутентичную манеру пения, массовое хоровое пение. Каждый детский певческий коллектив школы являет собой высокий уровень исполнительского мастерства и общей музыкальной культуры, даёт возможность воспитать любовь к подлинному наследию народного хорового искусства.

В школе организован «Сводный хор», объединяющий более 150 учащихся. Сводный хор стал основой Детского хора Кубани. Хор — активный

участник творческой жизни школы, города, края, победитель многочисленных краевых, всероссийских и международных конкурсов и фестивалей исполнительского мастерства.

Создание в школе Хора мальчиков в 2020 году продолжило традицию Войскового певческого хора и обозначило открытие программы в области академического вокального образования и воспитания. Вовлечение в хоровое пение мальчиков и воспитание их на выдающихся образцах хорового наследия уже сейчас доказало свою жизнеспособность и результативность. Важной составляющей в работе с хором мальчиков является использование в репертуаре широкого разнообразия жанров хорового пения. Наравне со светскими авторскими произведениями советского периода изучаются и исполняются церковные распевы, произведения классиков — М. Глинки, А. Рубенштейна, П. Чайковского, Дж. Каччини и других.

Творческие коллективы школы в течение многих лет принимают активное участие в фестивальной и конкурсной деятельности, ведут концертную деятельность, а также работу по пропаганде, сохранению, популяризации традиционной казачьей культуры, классического искусства и творчества кубанских композиторов. Примером этому служит участие в Рождественских концертах Государственного академического Кубанского казачьего хора в Кремлёвском Дворце (г. Москва), Крещенских концертах детского хора Кубани, проекте «Наследники традиций» и других.

Таким образом, культурологический подход, связанный с обучением человека на уровне культуры, позволяет рассматривать современный образовательный процесс в области хорового искусства, в частности в системе дополнительного образования детей, как процесс направленный на совершенствование методов и технологий сохранения и популяризации достижений хоровой культуры Кубани. Такой подход активизирует поиск новых, современных путей сохранения национальных традиций, развития механизмов их распространения и популяризации.

Современного человека необходимо приобщать к сокровищам художественного творчества, культурному наследию прошедших эпох, что станет опорной точкой для сохранения традиций хоровой культуры в целом. В данном контексте культурологический подход к изучению хорового искусства Кубани позволяет определить смысловую сопряженность понятий «культура» и «искусство», позиционировать искусство как форму культуры. С точки зрения культурологии, хоровая культура создается людьми, где человек и культура неотделимы. В условиях современного цивилизационного кризиса, только опора на собственные духовно-нравственные и культурные национальные традиции будет способствовать развитию хорового искусства Кубани.

Список литературы

1. Алексеева А.С. Оригинальный труд И.Д. Попко «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» // Теория и практика общественного развития. 2012. №8.
2. Бабенко Е.В. Управление профессионально-ориентированной аналитической деятельностью студентов народно-хорового профиля в курсах музыкально-теоретических дисциплин: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. Краснодар, 2004. 23 с.
3. Девятов В.С. Русская народная песня в современной социокультурной среде: основные тенденции сохранения и популяризации // Художественные традиции Сибири. 2022. С. 127–130
4. Захарченко В.Г. Песней очистимся: статьи, беседы, интервью. Краснодар, 2007. С.400
5. Чулкова С.Б. Формирование хоровой инфраструктуры в культурном пространстве юга Дальнего Востока России: Конец XIX — начало XX вв.: автореферат дис... кандидата культурологии. Владивосток, 2003. — 26 с.
6. Яркова Е.Н. Искусство как предмет культурологии (опыт методологической рефлексии). Обсерватория культуры. — 2015. № 3. С. 12–19

CULTURAL APPROACH TO STUDY THE CHORAL ART OF KUBAN

Albanov Ivan Alekseevich,

Honored Artist of Kuban,
director and teacher State budgetary educational institution
Krasnodar Territory "Children's boarding school of
Arts and Cossack culture
named after V.G. Zakharchenko",
Volodarsky Str, 5, 350038 Krasnodar, Russia,
iaalbanof@gmail.com

Abstract

The article defines the main positions of the culturological approach to the study of the Kuban choral culture and the art of choral singing. The traditions and innovations of the Kuban choral culture are analyzed. The possibilities of choral singing as a spiritual constant of choral culture and a translator of musical and communicative information in the discourse of cultural studies of art are investigated. The factors of preservation and popularization of the choral culture of the region in the system of additional education are revealed.

Keywords

Choral culture, choral art, cultural approach, semantic genesis, cultural studies of art, folk and academic singing.

RAR
УДК 008
ББК 71

МЕТОДЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Верещагина Катарина Сергеевна,

Аспирантка,

Старший преподаватель кафедры мастерства актера,

сценической речи и сценического движения

Дальневосточного государственного института искусств,

г. Владивосток, ул. Петра Великого 3а, 690090,

katarinavereshchagina16@gmail.com

Аннотация

В современной России возрос интерес к актуализации песенного фольклора. Несмотря на многочисленные исследования в этом направлении, в научной литературе практически не освещены вопросы функционирования песенного фольклора в «молодых» регионах России.

На примере Приморского края показано, как история заселения и развития региона может коррелировать со степенью сохранности в нем народной культуры. Также предлагается ряд мер по актуализации песенного фольклора.

Ключевые слова

Актуализация песенного фольклора, песенный фольклор Приморского края, музыкальная культура Приморского края, сохранение и популяризация песенного фольклора, региональный патриотизм.

В последние годы существенно возрос интерес исследователей к проблемам сохранения и возрождения различных видов музыкального фольклора, включая народное пение. В научной литературе актуализация музыкального фольклора рассматривается как важная составляющая современной культуры России. В этой связи стоит отметить, в первую очередь, работы Е.А. Каминской¹, в которых подробно раскрывается понятие традиционного музыкального

фольклора, его значение для общества, а также описываются различные способы его актуализации. Другие ученые предлагают конкретные инструменты по возрождению народной культуры², также есть исследования, посвященные музыкальному фольклору в отдельных регионах России³.

1 Каминская Е. А. Традиционный фольклор: культурные смыслы, современное состояние и проблемы актуализации: дисс. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2016. 365 с; Каминская Е. А. Массмедиа в деле актуализации традиционного фольклора // Культурное наследие России. 2016. № 1. С. 4–9.

2 Живица А. Р. Технологии социокультурного проектирования как эффективное средство актуализации фольклора // Культура и образование. 2023. № 2. С. 71–78; Хомич Н. В. Актуализация фольклора забайкальских старообрядцев в современных условиях // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. 2020. Вып 3. С. 75–81.

3 Абдуллаева Э. Б. Адаптация народного музыкального искусства Дагестана в социокультурном пространстве // Вестник Института языка, литературы и искусства им.

Несмотря на огромное количество исследований в этой сфере, остается неосвещенной ситуация там, где музыкальный фольклор изначально функционировал в меньшей степени, хотя вопрос сохранения народного творчества в таких субъектах стоит очень остро. От исторически сложившихся особенностей той или иной местности, зависит степень «укорененности» в ней фольклора и, соответственно, возможный комплекс мер по актуализации песенного наследия. Востребованность таких исследований обусловлена тем, что жизнеспособность народной культуры может качественно влиять на развитие региона.

Имеет смысл раскрыть данную тему на примере песенного фольклора Приморского края. Для этого сначала будет рассмотрена специфика формирования региона и обозначены некоторые социально-демографические параметры, а после — предложен ряд возможных мероприятий и действий, способствующих актуализации народного пения в этом субъекте федерации.

Дальний Восток стал частью России намного позже и Урала, и Сибири. Приморский край является одним из самых молодых регионов — территория была присоединена к Российской империи по Пекинскому договору лишь в 1860 г.⁴, а свой современный статус субъект приобрел лишь в 1938 г.⁵. Оседлое население, несущее традиционный уклад жизни (основной источник песенного фольклора), формировалось здесь из постоянно проживавших коренных племен (удэгейцев, нанайцев, тазов)⁶, также корейцев, иммигрировавших из Кореи в Приморье⁷ и славянских этносов

из других регионов России (русских, белорусов, украинцев).

Заселение славянами происходило этапами (со второй половины XIX в. до первых десятилетий XX выделяют несколько волн переселения крестьян⁸), при этом, освоение земель было неравномерным⁹, большое их количество осталось пустующими (и даже до конца XX в. на Дальнем Востоке сохранилось очаговое расселение¹⁰).

В 20–30-е гг. XX в. в связи с коллективизацией и индустриализацией численность населения значительно выросла, однако это повлияло на увеличение доли городского населения¹¹. Уже к 1939 г. горожане составляли 52 % населения края¹² и до настоящего времени доля городских жителей постоянно росла, в противовес сельскому населению, которое к концу XX в. сократилось более чем в 6 раз¹³.

Советское время сыграло важную роль в развитии региона и увеличении численности населения¹⁴, хотя оно не было лишено противоречий. Несмотря на все усилия советской власти, дальневосточные территории, включая Приморье, остались для многих людей временными. По мнению В.А. Тураева, во второй половине XX в. (отчасти, как и в предыдущих столетиях) набрало

Г. Цадасы ДФИЦ РАН. 2021. № 26. С. 62–67; Харлов А. В. Традиционная музыкальная культура Нижегородской области на рубеже XX–XXI веков: дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Новосибирск, 2020. 229 с.

4 Заключен Пекинский договор 1860 г. [Электронный ресурс] // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/history/619718?ysclid=lvf22n9awz322633062> (дата обращения: 24.04.2024).

5 Приморский край [Электронный ресурс] // Правительство Приморского края. URL: <https://primorsky.ru/primoget/> (дата обращения: 26.04.2024).

6 Народы [Электронный ресурс] // Союз коренных малочисленных народов Приморского края. URL: <http://www.союз-кмнс.рф/narody> (дата обращения: 26.04.2024).

7 Чжон Бон Су Миграция корейцев в Российскую империю во второй половине XIX в. и ее социально-экономи-

ческие предпосылки // Власть. 2011. № 12. С. 176.

8 Осипов Ю. Н., Тютюнников В. Т. О периодизации переселения крестьян на Дальний Восток России (1855–1917 гг.): историография вопроса // Вестник Дальневосточного государственного аграрного университета. 2007. № 4. С. 98–104.

9 Барбенко Я. А. Расселение крестьянства в Южно-Уссурийском крае во второй половине XIX в. // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 107–108.

10 Ващук А. С. Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах России во второй половине XX в. // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 85.

11 Ткачева Г. А. Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 1. С. 61–62.

12 Там же. С. 62.

13 Ващук А. С. Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах России во второй половине XX в. // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 89.

14 Мотрич Е. Л., Кравчук С. А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С. 120 – 128.

силу отходничество за «длинным рублем»: «Ехали обычно на три года, многие оставались на более долгий срок, но как только рубль переставал быть длинным, основная масса стала возвращаться в места исхода»¹⁵. Нельзя не согласиться с выводом В.А. Тураева, что «в результате такого «освоения» автономной и самодостаточной системы хозяйствования, что и составляет суть освоения, на Дальнем Востоке, по большому счету, так и не было создано»¹⁶.

Тяжелым потрясением для жителей региона стала эпоха перестройки. Значительный отток населения, который начался в 1990-е гг., не прекращается до сих пор. По многочисленным научным статьям и публикациям в прессе можно судить о том, что какие бы меры экономической поддержки населения не предлагались, до настоящего времени они не привели к значимым результатам¹⁷. Многие негативные тенденции только усиливаются: «Процесс опустынивания продолжается. Три четверти современной территории Дальнего Востока — это безжизненные пространства»¹⁸.

На начало 2022 г. в Приморском крае проживало 1 841 961 человек, из которых 78,4 % — городское население, что в целом немного выше среднероссийского уровня (74,9 %) ¹⁹. Также не-

обходимо отметить, что для данного региона характерна высокая убыль населения. Несмотря на то, что эта проблема наличествует в большинстве субъектов России, Приморский край находится в числе самых сложных по этому параметру. По относительным значениям есть территории с худшими показателями, однако среди них в абсолютных цифрах Приморье потеряло наибольшее количество человек (Таблица 1)²⁰.

Таблица 1. Регионы России с наибольшей убылью населения в 2022 г. Такая демография непосредственно связана с теми факторами, о которых писалось выше: Приморский край сложился из разнородных групп населения на большой площади с очаговым расселением, а малый исторический период совместного сосуществования на одной территории не позволил сформировать социальную общность с единым «культурным кодом». Многие (но не все, конечно) жители региона не чувствуют связи с этой землей и воспринимают жизнь на российском Дальнем Востоке как временное пристанище, откуда, при удачном стечении обстоятельств, стоит уехать.

Таким образом, говорить о естественном функционировании песенного фольклора не приходится. Традиционный уклад жизни разрушился не сформировавшись, а урбанизация — не просто как увеличение доли городского населения, а как мировоззрение — не способствует сохранению и развитию народной культуры. Плюс к этому, постоянное активное движение людей из региона усложняет саму возможность бытования фольклора в обществе.

Следовательно, способы актуализации песенного фольклора должны учитывать положение дел в крае. В случае Приморья эффективными, на наш взгляд, могут стать следующие меры:

— Популяризация народной культуры через СМИ и сеть Интернет. Любым действиям по развитию песенного фольклора целесообразно давать активную информационную поддержку, например, интересным решением может

15 Тураев В. А. Россия на Дальнем Востоке: этническое и культурное вращение в регион // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 62.

16 Там же. С. 62.

17 Ковалевская Ю. Н. Кризис повседневности на Дальневосточной периферии в 1990-е гг. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 1. С. 94–115; Чернолуцкая Е. Н. «Точка невозврата»: демографическая динамика на Дальнем Востоке СССР в годы перестройки (1985–1991) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 23–37; Приморье за семь лет лишилось населения на небольшой городок [Электронный ресурс] // Vostok Today. URL: <https://vostok.today/39570-v-primore-za-sem-let-lishilos-naselenija-na-nebolshoj-gorodok.html> (дата обращения: 22.04.2024);

18 Тураев В. А. Цивилизаторская миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России и проблемы постсоветской интеграции // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 165.

19 Численность населения по полу по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FChisl_RF_01-01-2022_

VPN-2020.xls&wdOrigin=BROWSELIN (дата обращения: 27.04.2024).

20 Прирост численности населения субъектов Российской Федерации за 2022 год [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FBul_migr_2022.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 26.04.2024)

Субъект РФ	Прирост в %	Прирост, человек
Псковская область	-1,6	-9 113
Смоленская область	-1,6	-13 859
Курганская область	-1,4	-10 746
Белгородская область	-1,4	-21 939
Еврейская автономная область	-1,4	-2 122
Орловская область	-1,4	-9 747
Камчатский край	1,3	-3 844
Тамбовская область	1,3	-12 921
Владимирская область	1,3	-16 725
Мордовия	1,3	-10 067
Тверская область	-1,2	-14 855
Пензенская область	-1,2	-14 494
Сахалинская область	-1,2	-5 474
Магаданский край	-1,2	-1 592
Приморский край	-1,2	-21 885

стать запуск программы о народной культуре края или передачи-конкурса с народными исполнителями по типу популярных шоу на ведущих телеканалах.

— Формирование культурной идентичности края. Фольклорный потенциал региона связан с разнообразием этносов его населяющих. Помимо этого, территория края непосредственно граничит с тремя иностранными государствами, которые естественным образом оказывают свое влияние.

Возможные действия — организация мероприятий просветительского и досугового характера (фольклорные реконструкции, конкурсы на лучшее исполнение народной песни, фестивали, лекции), позволяющих лучше узнать историю и традиции (включая музыкальную составляющую) местных жителей, а также народов стран АТР и их взаимосвязи.

Большое значение имеет создание инфраструктуры для развития этнотуризма, в том числе в местах компактного расселения удэгейцев (с. Красный Яр, с. Агзу)²¹ или в селах с переселенцами-староверами из Южной Америки (с. Дерсу)²², поскольку данные сообщества людей

21 Удэгейцы. Общие сведения о народе [Электронный ресурс] // Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры. URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/people_udegeicy_common.html?ysclid=lvkxboht92397358585 (дата обращения: 28.04.2024).

22 Васильев Ю. «Какой дурак сюда поедет?» Как живут староверы, переселенцы из Южной Америки. Репортаж из уссурийской тайги [Электронный ресурс] // LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/06/17/oldiri/?ysclid=lvkxalz4uf531491103> (дата обращения: 28.04.2024).

придерживаются традиционного уклада хотя бы в той или иной степени.

— Интенсификация культурных связей с другими регионами России. Население края в значительной степени сформировано переселенцами из России, Белоруссии и Украины, поэтому приоритетной является фестивальная и конкурсная деятельность, проведение научных конференций и мастер-классов с приглашением профессионалов из других регионов. Особенно полезно участие специалистов этномузыкологов и участников аутентичных фольклорных коллективов из тех областей, которые явились переселенческой базой для Приморья. Это поможет активизировать певческую практику, повысит ее уровень, будет способствовать сравнительным исследованиям песенного фольклора.

Такой культурный обмен очень важен для местного населения и в психологическом плане. Общение с представителями центральной России, с «западом» (для жителей края, все, что дальше Сибири — «запад»), позволяет преодолеть чувство оторванности от основной части страны и воспринимать себя частью единого культурного пространства.

— Развитие образовательной и научной среды на всех уровнях. В Приморье музыкальная фольклористика имеет слабое развитие, в связи с чем огромную роль имеют и научные исследования, посвященные различным аспектам народного пения в крае, и привлечение специалистов для преподавательской деятельности, и обучение собственных кадров, плюс к этому систематическое повышение квалификации руководителей народных коллективов и педагогов. Без квалифицированной подготовки этномузыкологов теоретиков и практиков шансы на возрождение песенного фольклора невысоки.

Конечно, перечисленные меры сложны для реализации, однако многие шаги по актуализации песенного фольклора уже предпринимались в крае в разное время. Отметим важнейшие из них.

1. В Приморье долгое время не существовало профессиональной подготовки специалистов в области народного пения. Значительные изменения в образовании произошли уже в современной России. В Приморском краевом колледже культуры (г. Уссурийск) первый выпуск руководителей народно-хоровых творческих коллекти-

вов состоялся в 1992 г.²³, а в Приморском краевом колледже искусств (г. Владивосток) отделение «Сольное и хоровое народное пение» было открыто в 2011 г.²⁴.

2. Музыкальные записи песенного фольклора в крае велись мало, хотя в 1990-е гг. участники Лаборатории фольклора и этнографии, функционировавшей при Государственном объединенном музее-заповеднике истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева проводили серию экспедиций. Впоследствии, материалы были опубликованы в двух сборниках «Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье»²⁵ и «Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье»²⁶; они же легли в основу кандидатской диссертации И.В. Семеновой «Песенная система фольклора Приморья: сравнительно-адаптационный аспект: на материале культуры черниговских переселенцев»²⁷. Это исследование всецело основано на песенном фольклоре Приморского края.

Кроме исследования И.В. Семеновой с Приморьем связана докторская диссертация Н.А. Соломоновой «Музыкальная культура народов Дальнего Востока России XIX–XX вв.: Этномузыкологические очерки», поскольку в ней были использованы образцы песенных жанров из с. Красный Яр Пожарского района²⁸, плюс кандидатская

23 ГСольное и хоровое народное пение // Приморский краевой колледж культуры. URL: <https://prim-college.ru/сольное-и-хоровое-народное-пение-3/> (дата обращения: 27.04.2024).

24 ГСольное и хоровое народное пение // Приморский краевой колледж искусств. URL: <https://pkki.ru/istoriya-otdeleniya-np/> (дата обращения: 27.04.2024).

25 ГТрадиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост. И. В. Семенова. Владивосток, 1998. 118 с.

26 ГСеменова И. В., Семенов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.

27 ГСеменова И. В. Песенная система фольклора Приморья: сравнительно-адаптационный аспект: на материале культуры черниговских переселенцев: дисс. ... канд. искусствоведения: 24.00.01. Владивосток, 2006. 319 с.

28 ГСоломонова Н. В. Музыкальная культура народов Дальнего Востока России XIX–XX вв.: Этномузыкологи-

диссертация Т.В. Дайнеко, посвященная календарным песням белорусов Сибири и Дальнего Востока²⁹.

3. Кроме уже существующих в крае конкурсов и фестивалей, в 2022 г. была организована Дальневосточная хоровая олимпиада, которая явилась особым культурным событием в жизни г. Владивостока и Приморского края. Олимпиада отличается масштабностью и разнообразием. В 2022 г. она собрала 77 коллективов из 15 регионов России, в 2023 г. — 110 коллективов из 16 регионов России, Китая, Украины и Белоруссии. В том числе на Олимпиаде было много участников в номинации «Народная музыка» (детские и взрослые хоры и ансамбли)³⁰.

Программа олимпиады, помимо конкурсных выступлений и концертов, содержала образовательный компонент. Народному пению, например, в 2023 г. было посвящено 2 мастер-класса: 1) преподавателя Приморского краевого колледжа искусств Татьяны Сергеевой (г. Владивосток) «Исполнительские особенности региональных песенных традиций и их применение в контексте сольного и ансамблевого пения»; 2) заслуженного работника культуры РФ, преподавателя Сахалинского колледжа искусств Елены Алешко (г. Южно-Сахалинск) «Педагогический опыт преподавания народно-хоровых дисциплин: традиционные и инновационные подходы»³¹.

Все вышеперечисленное — отличный фундамент для сохранения и популяризации народной культуры. Несмотря на «историческую молодость» Приморского края, его специфику и существующие проблемы, усилия по актуализации песенного фольклора будут способствовать положительным изменениям в экономике, демо-

графии и культуре Приморья. Интерес и уважение к народной культуре своего региона влияют на формирование регионального патриотизма, который помогает каждому жителю ассоциировать себя с конкретной территорией.

Список литературы

1. Барбенко Я.А. Расселение крестьянства в Южно-Уссурийском крае во второй половине XIX в. // Россия и АТР. 2009. № 3. С. 104–108.
2. Ващук А.С. Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах России во второй половине XX в. // Россия и АТР. 2012. № 3. С. 80–90.
3. Мотрич Е.Л., Кравчук С.А. Государственная политика хозяйственного освоения и заселения Дальнего Востока с конца XIX в. до середины 1980-х годов // Вестник ДВО РАН. 2006. № 6. С. 120–128.
4. Семенова И.В. Песенная система фольклора Приморья: сравнительно-адаптационный аспект: на материале культуры черниговских переселенцев: дисс. ... канд. искусствоведения: 24.00.01. Владивосток, 2006. 319 с.
5. Семенова И.В., Семенов О.В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.
6. Соломонова Н.В. Музыкальная культура народов Дальнего Востока России XIX–XX вв.: Этномузыкологические очерки: автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02. Хабаровск, 2000. 48 с.
7. Ткачева Г.А. Динамика численности и состава населения Дальнего Востока в 1941–1945 гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 1. С. 60–74.
8. Традиционная свадьба: Свадебный обряд переселенцев Черниговской губернии в Приморье / Сост. И. В. Семенова. Владивосток, 1998. 118 с.
9. Тураев В.А. Россия на Дальнем Востоке: этническое и культурное вращение в регион // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 59–69.
10. Тураев В.А. Цивилизаторская миссия русского народа в культурном пространстве Тихоокеанской России и проблемы постсоветской интеграции // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 151–169.

ческие очерки: автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02. Хабаровск, 2000. С. 7.

29 ГДайнеко Т. В. Календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав и музыкальная типология: дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Новосибирск, 2021. 293 с.

30 ГДальневосточная хоровая олимпиада [Электронный ресурс] // Дальневосточная хоровая олимпиада: группа ВКонтакте. URL: <https://vk.com/foreastchoirolympic?ysclid=luttqci0i0669260340> (дата обращения: 24.04.2024).

31 ГОбщее расписание 2023 // Дальневосточная хоровая олимпиада. URL: https://vk.com/doc178505820_669688746?hash=zJJPG4lSZuE0MUyd35GxnKKh8OsBSYZ7F2u1zeGFIP (дата обращения: 22.04.2024).

METHODS OF POPULARIZATION OF SONG FOLKLORE BY THE EXAMPLE OF THE PRIMORSKY TERRITORY

Vereshchagina Katarina Sergeevna,

Graduate student in the direction of Art history,
Senior Lecturer at the Department of Acting Skills,
stage speech and stage movement
Far Eastern State Institute of Arts,
Vladivostok, st. Peter the Great 3a, 690090
katarinavereshchagina16@gmail.com

Abstract

Currently, scientists in Russia are actively interested in the actualization of song folklore. Despite numerous studies in this direction, there are no researches of song folklore in the "young" areas of Russia.

The example of the Primorsky Territory shows that the history of colonization and development of the region correlation with the quality of folk culture in it. We also propose of several measures to popularize folk songs.

Keywords

Actualization of song folklore, folk song of the Primorsky Territory of Russia, musical culture of the Primorsky Territory, preservation and popularization of song folklore, local patriotism.

РОССИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

RAR
УДК 930.85
ББК 63.4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ЕГО ОТЧЕТОВ ЗА 1894–1910 ГГ.

Серебряков Павел Павлович,
студент магистратуры 2 курса
Санкт-Петербургского государственного института культуры,
Дворцовая набережная, д. 2, Санкт-Петербург, Россия, 191186,
greenbluskysky@gmail.com

Аннотация

В статье представлен анализ деятельности Русского археологического института в Константинополе за весь период его отчетности. Рассмотрены научная и исследовательская работа учреждения в регионах бывшей Византии, представление ее результатов в печати и на научных съездах. Обозначены научные открытия и достижения, которые стали результатом организованных институтом поездок и археологических экспедиций. Показана роль Ф.И. Успенского и А.И. Нелидова в становлении и развитии института, отмечена исследовательская роль Ф.И. Шмита. Внимание уделено не вошедшим в отчеты деталям и обстоятельствам организационного характера

Ключевые слова

История, археология, византология, Византия, Османская империя, Константинополь, Русский археологический институт в Константинополе, Ф.И. Успенский, А.И. Нелидов, Ф.И. Шмит.

Отчетная документация представляет собой важный источник сведений о конкретной организации, который позволяет судить о характере и масштабах ее деятельности. Такой взгляд в полной мере верен и в случае дореволюционных на-

учных отчетов исторических и археологических обществ, носивших исключительно подробный характер. Они могли включать как чисто археологические текстовые данные, так и фотографические изображения, исторические справки,

образцы текстологического анализа и т.д. В качестве исторических источников, они имеют определенную специфику, вызванную способом отбора и представления в них информации.

В рассматриваемых отчетах затрагивается весь период функционирования Русского археологического института в Константинополе, действовавшего в 1894–1914 гг. Выбор учреждения обусловлен его статусом в истории изучения территорий бывшей Византийской империи, а также его связью с известными учеными-византологами Ф.И. Успенским (1845–1928) и Ф.И. Шмитом (1877–1937).

Русский Археологический институт в Константинополе (далее — РАИК) был создан по инициативе посла в Константинополе и впоследствии почетного председателя данного института А.И. Нелидова. Это можно проследить по тексту письма, которое было отправлено им на имя Министра Народного Просвещения в 1888 г.¹ С точки зрения А.И. Нелидова, создание подобного учреждения способствовало бы укреплению позиций России в новой сфере знания (исследовании Византии), до того занимавшей место академического «придатка» отечественной истории. Учреждение функционировало на территории Османской империи с 1894 по 1914 гг. За это время ему удалось добиться значительных успехов в своей деятельности, привлечь к участию и сотрудничеству целый ряд отечественных специалистов.

Одно из первых мест среди них следует отнести директору РАИК, византологу Ф.И. Успенскому. В целях уточнения направлений исследования на первом торжественном заседании института им рассмотрено понятие «византизм», через которое он пытался объяснить те особенности устройства жизни, которые проявили себя на Востоке, но не на Западе. Среди таких отличительных признаков Византии он назвал четыре: постепенная замена латинского языка греческим, борьба национальностей за политическое влияние, возникновение новых типов в искусстве, замена античных преданий по преимуществу иранскими². Им же был осмыслен и выбор Константинополя в качестве места расположения института. Это было связано с необходимостью разрыва с тема-

тикой «классической» археологии, в основном занимавшейся античностью. Далее в отчетах эта тема была отодвинута на второй план практическими исследованиями и рассмотрением обстоятельств хозяйственного характера.

Из таковых можно выделить бюджет учреждения, который несколько раз увеличивался. Впервые — в 1898 г. благодаря ходатайству А.И. Нелидова перед императором Николаем II. В 1899 г., по рекомендации Государственного Совета и личному решению императора, при институте открылась должность еще одного научного секретаря, что было связано с расширением поля его деятельности. На торжественном заседании в честь дня основания отмечалось, что год от года положение института улучшается. В связи с этим, при участии Министра Народного Просвещения, были предприняты две новые инициативы³. Одна из них — командирование молодых специалистов в Константинополь для занятий под руководством института, вторая — строительство для учреждения собственного здания (по ходатайству со стороны учреждения). В 1902 г. Священный Синод также разрешил командировать в РАИК стипендиатов духовных академий для занятий церковной историей и археологией.

Одним из двух магистрантов, командированных в 1901 г. в Институт, являлся в будущем известный искусствовед Ф.И. Шмит⁴. В следующем же за этим 1902 г. им предпринята попытка изучения истории исследуемой институтом мечети Кахриэ-джами. Как указывает в своих письмах Ф.И. Шмит, сделано это было «по совету профессора А.А. Павловского и с одобрения академика Ф.И. Успенского»⁵. В тексте отчета данный момент в подробностях не раскрывается. По окончании им была представлена к печати статья, посвященная мозаикам и фрескам указанного объекта⁶, восходящего еще к византийской эпохе. С целью продолжения своих исследований он был откомандирован на Афон, а в 1903 г. —

1 Известия Русского археологического института в Константинополе (РАИК). Т. I. Одесса, 1896. С. 10.

2 Там же. 9.

3 Известия РАИК. Т. VI. София, 1900. С. 398.

4 Известия РАИК. Т. VIII. София. 1903. С. 330.

5 Ананьев В. Г. Ф. И. Шмит по эпистолярным материалам из архива С. Ф. Платонова // Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. VII. 2019. С. 396.

6 Известия РАИК. Т. IX. София, 1904. С. 407.

в Грецию и Италию. В 1908 г. Ф.И. Шмит вернулся в институт в качестве научного секретаря. Помимо этого, в 1910 г. он совершил поездку в Салоники и на Хиос. Его целью являлось ознакомление с мозаиками, открытыми в трех сооружениях Салоники: Кассимие-джами, храме святой Софии и Эски-джума. Живопись последней была признана исследователями института одним из наиболее выдающихся (и тогда еще не изданных) образцов «христианской антики»⁷. Главным способом их издания являлось помещение сведений в «Известия» РАИК, последний том которых был издан в 1911 г.

Всего институт успел издать шестнадцать томов. Многие из них включали, помимо научных статей, годовые отчеты учреждения, а некоторые — сразу несколько отчетов. В них, в объеме в среднем в тридцать-сорок страниц, последовательно раскрывалась научная, исследовательская и собирательская деятельность учреждения. Увеличение количества рисунков, планов и таблиц с 1902 г. привело к необходимости стандартизации издания, приведения его к формату типичному для археологических журналов. Это выражалось в расположениях таблиц при тексте, что и было сделано, начиная с VIII тома⁸.

В начале отчета всегда находилась краткая аннотация (не более страницы), дающая представление о достижениях учреждения за год. За этим следовало описание научных заседаний и прослушанных на них докладов, затем описывались поездки и археологические экспедиции членов института (зачастую именуемые «экскурсиями») и, наконец, давалось представление о характере осуществленной сотрудниками собирательской деятельности. В целях последней в РАИК существовала своя научная библиотека, а также музей («Кабинет древностей»). Пополнялись они за счет закупок, дарений частных лиц и обмена изданиями с другими учреждениями.

В случае музея, коллекции также пополнялись и путем археологических раскопок. Формирование рукописного и предметного собраний началось в первый же год существования института⁹. Изначально решено было ограничиться лишь небольшим «антикварным кабинетом».

Первая реэкспозиция, связанная с увеличением количества экспонатов, произошла в 1898 г. Тогда музею было выделено новое помещение. В 1901 г. Кабинет Древностей переезжает на новое место в здании российского посольства, но и там это лишь две комнаты, оборудованные полками, большой витриной и шкафом для рукописей¹⁰. В 1903 г., по окончании переезда, сотрудниками института начата подготовка его предметных каталогов¹¹.

Научная и собирательская деятельность учреждения распространялась на многие регионы Османской империи. География поездок и экспедиций включала Малую Азию, страны Балканского полуострова, Анатолию, а также Афон. На момент начала раскопок в 1896 г. в болгарском регионе серьезной конкуренции у отечественных специалистов не имелось¹². В отчете за 1899 г. исследователями было выдвинуто предположение о существовании поселения рядом с деревней Абоба и начаты археологические раскопки неподалеку. По их сведениям, именно такое древнее поселение могло быть настоящим центром происхождения многих болгарских памятников, откуда впоследствии путем их хищения и передвижения, они попали в окружающие регионы¹³.

В отличие от Болгарии, Сирия являлась хорошо разработанным направлением отечественной археологии, находящимся под патронажем Императорского Православного Палестинского Общества. Однако, как отмечалось исследователями института в 1900 г., там до того «никогда не было производимо правильных раскопок»¹⁴. Результатом исследования стало содержащееся в Кабинете Древностей собрание фиксационных материалов, включавших, в том числе, снимки ныне утраченных сирийских памятников¹⁵. В 1898 г. положено начало изучению доисторического периода исто-

7 Известия РАИК. Т. XV. София, 1911. С. 287.

8 Известия РАИК. Т. IX. С. 407.

9 Известия РАИК. Т. I. С. 16.

10 Известия РАИК. Т. VIII. С. 338.

11 Известия РАИК. Т. IX. С. 425.

12 Известия РАИК. Т. II. Одесса, 1897. С. 21.

13 Известия РАИК. Т. VI. С. 438.

14 Известия РАИК. Т. VII. София, 1901. С. 227.

15 Азизова Г. Н. Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе и одна из методик реставрации эстампажей // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Херсонес Таврический. Севастополь. 2017. С. 15.

рии Македонии¹⁶, что было связано с раскопками некрополя гальштатской культуры, обнаруженного при прокладке железнодорожной линии близ села Пателе.

С 1896 г. были задуманы и начаты также два новых больших проекта — совместное с Французской школой в Афинах изучение афонских памятников и собирание материалов по истории древних монастырей и церквей, находящихся в юрисдикции Константинопольского патриархата (при его участии). Указанный афонский проект института в первоначальном виде (совместно с Г. Милле) так и не был в итоге осуществлен¹⁷, что, впрочем, не нашло отражения в отчетах.

В 1907 г. в сербском археологическом журнале директором Национального музея в Белграде доктором М. Васичем выдвигалась мысль о реорганизации РАИК, который, по его задумке, должен был заниматься раскопками не только в европейской части Турции, но и на границе Европы и Азии. С этой целью институт разделился бы на специальные отделы с секретариатами в Сербии, Болгарии, южной России, и с центральным секретариатом в Константинополе¹⁸. Вновь указанная тема поднималась в 1909 г. На этот раз М. Васич предлагал открыть при институте отделения доисторических древностей. Высказывались соображения о возможности открытия такого отдела с последующей организацией экскурсий во Фракию и Македонию. Для достижения договоренности с турецкой администрацией, предполагалось включить в специально созданный при отделе комитет представителя турецкого Министерства народного просвещения¹⁹.

Необходимые соглашения об организации совместной работы с исследователями из славянских государств были достигнуты в Белграде и Софии в 1910 г. Встречался со своими иностранными коллегами непосредственно директор института Ф.И. Успенский. В 1911 г. им был со-

зван съезд представителей Сербии, Болгарии и России. К выработанному на нем постановлению, однако, болгарские делегаты не примкнули и в экспедиции не участвовали. Первые раскопки отдела прошли в том же году в Винчи на берегу Дуная. Руководил ими М. Васич.

В 1911 г., на ежегодном торжественном заседании, директором РАИК был прочитан доклад памяти первого Почетного Председателя А.Н. Нелидова. В нем, в частности, указывалось, что это А.Н. Нелидов был тем, кто достиг соглашения с турецкими властями, давшим институту исключительное право на археологические работы²⁰. Тем не менее, исследование Константинополя и окрестностей было сопряжено с рядом трудностей, главной из которых являлась необходимость брать в аренду или же покупать землю для проведения на ней раскопок²¹. Невозможность выполнить те или иные условия не всегда приводила к отказу. Так, в конце 1906 г. года началось исследование остатков Студийского монастыря в Константинополе (мечеть Имрахор-джами), что было связано с окончанием работ над Кахриэ-Джами, полное исследование которого представлено в XI томе «Известий». Данный памятник был выбран в связи с его исторической, а не художественной (как Кахриэ) ценностью, поскольку именно оттуда в свое время был получен устав Киево-Печерской лавры²².

Научные данные получались также путем переписки с представителями российских консульств, при их же содействии проводились некоторые экспедиционные исследования. Помогало наличие доступа к коллекциям Османского имперского музея (ныне — Стамбульский археологический музей)²³. Наконец, некоторые сведения институт сам отправлял в заинтересованные учреждения, среди которых числились Императорская Академия Наук и Императорский Эрмитаж.

Помимо этого, он активно участвовал в жизни научного сообщества. В 1896 г. представители РАИК побывали на археологическом съезде, проходившем в Риге²⁴. Ф.И. Успенский выступил

16 Известия РАИК. Т. IV. София, 1899. С. 122.

17 Герд Л.А. Русский археологический институт в Константинополе и французские византилисты: история двух неосуществленных проектов // Византия-Христианский Восток-Россия. Проблемы истории и культуры. Т. 10. №3 (77). С. 6.

18 Известия РАИК. Т. XVI. София, 1912. С. 367.

19 Там же. С. 368.

20 Там же. С. 361.

21 Известия РАИК. Т. I. С. 37.

22 Известия РАИК. Том XIV. София. 1909. С. 132.

23 Известия РАИК. Т. I. С. 16.

24 Известия РАИК. Т. II. Одесса. 1897. С. 10.

на нем с девятью рефератами, среди которых были сообщения, связанные с изучением древностей Никеи и археологии Болгарии. Институт принимал участие и в XI Русском Археологическом Съезде, прошедшем в Киеве в 1899 г., а в 1905 г. состоялся Международный археологический съезд в Афинах, на котором РАИК представляли Ф.И. Успенский и Р.Х. Лепер. Директор института был избран председателем секции византийской археологии, перед которой стояла задача организации подготовительной комиссии для издания иконографии византийских императоров и корпуса памятников византийского искусства. В состав комиссии также был включен известный отечественный византолог Н.П. Кондаков²⁵.

В 1909 г. на заседании института Ф.И. Успенским сделан доклад о втором Международном археологическом съезде в Каире. Помимо общей информации, связанной с развитием египетского искусства, рассмотрена позиция французского исследователя Ш. Диля, которым отмечалось влияние Египта на Византию²⁶. Русские члены съезда представили доклады о торговле Египта с территориями черноморского побережья (Херсонес, Березань, Ольвия). В том же году, Ф.И. Успенский принимал участие в четвертом областном историко-археологическом съезде в Костроме. Будучи избран председателем секции церковных древностей, читал доклад о деятельности РАИК. Среди прочего в нем было указано о недоверии почившего обер-прокурора Священного Синода К.П. Победоносцева к идее создания подобного учреждения²⁷. С его точки зрения, учреждение лишило бы Россию необходимых научных кадров. В докладе также перечислены основные открытия и достижения института за весь период работы.

До того институтом уже делались попытки комплексного осмысления собственной деятельности. Научные достижения РАИК были озвучены на торжественном заседании учреждения в 1905 г. Из открытых и описанных памятников выделен ряд наиболее значительных²⁸. Сре-

ди них можно встретить впервые отмеченное в отчете за 1896 г. Евангелие VI в., написанное серебром и золотом на пурпуровом пергаменте (пурпуровый кодекс из Сармисахлы). В указанном отчете оно называется наиболее ценным из приобретенных за тот год предметов. В 1899 г. обнаружена не раз отмеченная исследователями надпись царя Самуила конца X в. Эта надпись на тот момент являлась древнейшим образцом славянского языка и письма. Ко времени представления доклада кодекс уже содержался в Императорской публичной библиотеке в отдельном зале (РНБ. Греч. 537). При посредничестве Императорского посольства в Константинополе также приобретен Пальмирский камень с надписями на арамейском и греческом языках (Пальмирский таможенный тариф). Ко времени издания отчета за 1905 г. он уже находился в собрании Императорского Эрмитажа (ДВ-4187).

Другим важным памятником славянской истории признана печать славянской колонии в Малой Азии VII в. Также была найдена и объяснена надпись, указывающая на расположение границы Болгарии и Византии в начале X в., проходившей недалеко от Солуни. Изучены мозаики Кахриэ-Джами и драгоценное Восьмикнижие из Серальской библиотеки. Оба памятника отмечены в печати отдельными томами «Известий», посвященных им (тома XI и XII соответственно). Отдельно отмечены успехи института в раскопках в Болгарии и Македонии. X том «Известий» целиком посвящен раскопкам древней болгарской столицы.

В докладе можно встретить и сведения о роли Ф.И. Успенского в организации и поддержании работы Русского Училища в Константинополе. Первоначальные сто тысяч рублей были собраны для него А.И. Нелидовым. Впоследствии жалование вносилось, главным образом, со стороны Императорского Министерства Иностранных Дел²⁹. Данный шаг был призван упрочить культурные позиции России в регионе.

Естественно, деятельность Русского археологического института в Константинополе не ограничивается указанными мероприятиями. Часть научных инициатив по тем или иным причинам не была включена в отчеты. Таков, например, его последний стамбульский про-

25 Известия РАИК. Т. XIII. С. 334.

26 Известия РАИК. Т. XV. София. 1911. С. 243.

27 Там же. С. 246.

28 Известия РАИК. Т. XIII. С. 324.

29 Там же. С. 326.

ект, подразумевавший раскопки на месте уничтоженного пожаром турецкого квартала Константинополя³⁰. Некоторые находки и открытия с большей тщательностью разобраны в научных статьях «Известий», издававшихся в разные годы вместе с отчетами. Тем не менее, отчеты РАИК являются ценным источником сведений об учреждении. С помощью них становится возможным проследить характер его научной и собирательской деятельности и оценить ее историческую значимость. По материалам отчетов можно понять, кто входил в состав сотрудников, какие темы поднимались на научных заседаниях, в каких регионах проводились раскопки, какими предметами пополнялось музейное собрание. В конце каждого из них также содержится подробный перечень тех лиц и учреждений, с которыми институт состоял в каких-либо деловых отношениях. Несмотря на недостаточную освещенность отдельных научных инициатив, каждый из данных источников представляет собой законченное систематическое изложение релевантных сведений.

Подводя итоги, можно отметить, что отчеты являются ценным источником, которые формируют полноценное представление о Русском археологическом институте в Константинополе, как об учреждении, которое внесло значительный вклад в изучение бывших провинций Османской империи. С первых же лет своей работы институт проявлял интерес к данному направлению. Впоследствии его поле деятельности расширяется, включая все больше древностей, в том числе, и самого Константинополя. Одновременно с этим активно пополняются библиотека и музей учреждения, причем в музейное собрание включаются памятники не только византийского периода, но также античности и мусульманского средневековья.

Институт поддерживал отношения с местным научным сообществом, о чем говорят его связи с Османским имперским музеем, а также сотрудничество с турецкими властями. Последнее позволило с их разрешения изучать крупные религиозные объекты, реконструированные в османский период. Большинство поездок

и экспедиций, однако, связано с изучением гораздо менее значительных достопримечательностей, большинство которых уже тогда находились в руинированном состоянии. В силу невозможности транспортировки тех или иных фрагментов, многие из них подробно фиксировались. В данных целях сотрудниками активно использовалось фотографирование.

Русский археологический институт в Константинополе стал единственным гуманитарным учреждением Российской империи за границей³¹. Немалую роль в его успехе играла специализация учреждения на такой сложной области как византология. Сотрудникам удалось организовать лучшую в Константинополе библиотеку для занятий дисциплиной³². К концу существования института она включала примерно двадцать пять тысяч томов.

Инициативность Ф.И. Успенского позволила учреждению организовать и систематизировать работу на межгосударственном уровне, что привело к развитию области междубалканских исследований³³. Отличился в своей научной деятельности в период работы в институте и Ф.И. Шмит. Исследование Кахриэ-Джами стало причиной его научной известности, что отмечалось еще его современниками³⁴. С учреждением сотрудничали известные исследователи, такие как Б.В. Фармаковский, А.А. Васильев, Б.А. Панченко и другие.

Тем не менее, деятельность РАИК пришлась на сложный период мировой истории. Постепенно обретали полную независимость балканские государства, усиливалось соперничество крупных европейских держав. Имея прочные связи с представительством российского государства на османских территориях, РАИК редко выходил за границы собственно научной работы. Это не позволило учреждению избежать сложностей, связанных с вступлением Турции в Первую

30 Иванов С. А. Последний Стамбульский проект русского археологического института в Константинополе // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXX. 2007. С. 412.

31 Шаманаев А. В. Русский археологический институт в Константинополе и всероссийские археологические съезды // Византийский временник. Т. 102. 2018. С. 326.

32 Горянов Б.Т. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении (К столетию со дня рождения 1845 – 7 февраля – 1945) // Византийский временник. Т. I. (XXVI). 1947. С. 84.

33 Там же. 92.

34 Ананьев В. Г. Указ. соч. С. 395.

Мировую войну, что и привело к его закрытию в 1914 г.³⁵ Научные исследования сотрудников института продолжались и в последующие годы, но уже в рамках других учреждений.

Список литературы

1. Азизова Г.Н., Павличенко Н.А., Чернова Н.В., Швиль Л.М. Коллекция эстампажей Русского археологического института в Константинополе и одна из методик реставрации эстампажей // *Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Херсонес Таврический. Севастополь*. 2017. С. 14–18.
2. Ананьев В.Г. Ф.И. Шмит по эпистолярным материалам из архива С.Ф. Платонова // *Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. VII. 2019. С. 393–408.
3. Басаргина Е.Ю. Архивные фонды Русского археологического института в Константинополе (РАИК) // *Византийский временник*. Т. 55(80). 1994. С. 33–37.
4. Басаргина Е.Ю. Проекты создания русских археологических институтов за рубежом // *Вестник древней истории*. 2008. №4 (267). С. 205–213.
5. Герд Л.А. Русский археологический институт в Константинополе и французские византилисты: история двух неосуществленных проектов // *Византия — Христианский Восток — Россия. Проблемы истории и культуры*. Т. 10. №3 (77). 2019. С. 1–13.
6. Горянов Б.Т. Ф.И. Успенский и его значение в византиноведении (К столетию со дня рождения 1845–7 февраля — 1945) // *Византийский временник*. Том I (XXVI). 1947. С. 29–108.
7. Иванов С.А. Последний Стамбульский проект русского археологического института в Константинополе // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. XXX. 2007. С. 412–423.
8. Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. I. Одесса, 1896. 210 с.; Т. II. Одесса, 1897. 308 с.; Том IV. София. 1899. 240 с.; Том VI. София. 1900. 485 с.; Том VII. София. 1901. 250 с.; Том VIII. София. 1903. 341 с.; Том IX. София. 1904. 430 с.; Том XIII. София. 1908. 371 с.; Том XIV. София. 1909. 184 (282) с.; Том XV. София. 1911. 289 с.; Т. XVI. София, 1912. 393 с.
9. Шаманаев А.В. Русский археологический институт в Константинополе и всероссийские археологические съезды // *Византийский временник*. Т. 102. 2018. С. 326–334.

35 Басаргина Е. Ю. Архивные фонды Русского археологического института в Константинополе (РАИК) // *Византийский временник*. Т. 55(80). 1994. С. 33.

ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL INSTITUTE IN CONSTANTINOPLE BASED ON THE MATERIALS OF ITS REPORTS FOR 1895–1910

Serebryakov Pavel Pavlovich,

2nd year master's student,

Saint-Petersburg State University of Culture,

Palace Embarkment, 2, 191186, St. Petersburg, Russia,

greenbluskysky@gmail.com

Abstract

The article presents an analysis of the activities of the Russian Archaeological Institute in Constantinople for the entire period of its reporting. The scientific and research work of the institution in the regions of the former Byzantium and the presentation of its results in the press and at scientific congresses is considered. Scientific discoveries and achievements that resulted from trips and archaeological expeditions organized by the institute are outlined. The role of F.I. Uspensky and A.I. Nelidov in the formation and development of the institute is shown, the research role of F.I. Shmit is noted. Attention is paid to details and organizational circumstances not included in the reports.

Keywords

History, archeology, byzantology, Byzantium, Ottoman Empire, Constantinople, Russian Archeological Institute in Constantinople. institute, F. I. Uspenskyi, A. I. Nelidov, F. I. Schmidt.

РЕЦЕНЗИИ И ЭКСПЕРТИЗЫ

RAR
УДК 008
ББК 71

РЕЦЕНЗИЯ НА СЛОВАРЬ

Панкова Наталья

Пресс-секретарь,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Москва, Российская Федерация
pressa.heritage@gmail.com

Аннотация

Институт Наследия выпустил «Словарь основных терминов, относящихся к сфере государственной политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Составители — директор Института Наследия Владимир Аристархов и Алина Рауд.

Ключевые слова

Государственная политика, традиционные российские духовно-нравственные ценности.

В издании предпринята попытка создания словаря основных терминов, относящихся к сфере государственной политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. Выборка определений производилась из текстов федеральных законов, документов стратегического планирования федерального и отраслевого уровней, а также из ведомственных актов.

Кроме того, составители сочли полезным дополнить словарь рядом определений, данных в международных актах — прежде всего в документах ЮНЕСКО, а также в модельных законодательных актах СНГ.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021,

определён стратегический национальный приоритет «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Его реализация обуславливает соответствующую государственную политику в целом ряде отраслей: к их числу относятся сферы образования, культуры, науки, работы с молодёжью, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовой коммуникации, международного сотрудничества. Проведение такой политики также предполагает участие и «силовых ведомств», то есть органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел и общественной безопасности.

Как известно, в своей работе органы власти руководствуются федеральными законами, доку-

ментами стратегического планирования и ведомственными актами. При этом возникает проблема гармонизации множества нормативно-правовых актов, разрабатываемых на федеральном, отраслевом и региональном уровнях. К названному стратегическому национальному приоритету имеют отношение более 50 актов только федерального уровня (федеральных законов и документов стратегического планирования); с учётом ведомственных и региональных актов общий массив документов, требующих гармонизации, включает в себя тысячи наименований.

Одной из важнейших проблем здесь является соблюдение терминологии. Очевидна необходимость единой системы понятий, имеющих

содержательные определения и не противоречащих друг другу в разных документах. Представляется, что первым шагом к созданию такой единой системы должна стать своего рода «инвентаризация» всех определений, которые присутствуют в ныне действующих нормативно-правовых актах.

В своей работе составители опирались на практический опыт разработки нормативно-правовых актов разного уровня. Представляется, что словарь будет полезен государственным служащим, представителям общественности, юристам — вообще всем, кто так или иначе окажется причастен к важнейшей задаче выработки современной российской идеологии.

С изданием можно ознакомиться на официальном сайте Института Наследия ссылка:
<https://heritage-institute.ru/?books=197455>

ПУБЛИКАЦИЯ В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

Основные рубрики: *«Методология и методы исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира»; «Музееведение и охрана культурного наследия» и др.*

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10—12 страниц (не более 0,5 п. л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: knaros@yandex.ru.
- Формат текстовых файлов — DOC, DOCX.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 11 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. 1. Тип статьи (выбрать из списка на следующей странице).
 2. 2. УДК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
 3. 3. ББК (определить самостоятельно в соответствии с темой статьи).
 4. 4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
 5. 5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
 6. 6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
 7. 7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
 8. 8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
 9. 9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегль — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. Сноски — постраничные (внизу страницы).
 10. 10. Список использованной литературы.
 11. 11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
 12. 12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
 13. 13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
 14. 14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
 15. 15. Ключевые слова на английском языке (8–10).
- Иллюстрации представляются отдельными файлами с указанием названия иллюстрации и места ее вставки в тексте. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и / или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»

RAR
УДК 008
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. <...> Он поможет только идущему»¹.

.....

Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

-
- 1 Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
 - 2 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
2. Там же стр. 89.....
3. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
4.

.....

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR — научная статья;
EDI — редакционная заметка;
BRV- рецензия;
CNF — материалы конференции;

SCO — краткое сообщение;
REV- обзорная статья;
ABS- аннотация;
REP- научный отчет;

COR- переписка;
PER — персоналии;
MIS — разное;
UNK — неопределен.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Регистрационное свидетельство Эл № ФС77-85532 от 11 июля 2023 г.

Форма периодического распространения сетевое издание.

Подписано в печать: 29.06.2024.

Адрес редакции: 129366, г. Москва, ул. Космонавтов, д. 2.

Сайт: <http://www.kultnasledie.ru/>

E-mail: knaros@yandex.ru